

ПАРАДИГМА

Философско-культурологический альманах

Издается с 2005 года

ВЫПУСК 31

**Санкт-Петербург
2019**

ББК 71.0
П18

“Paradigma” is an open-access, peer-reviewed journal produced by an international group of scholars. Which comes out two times a year, publishes materials based on empirical interdisciplinary research in Russian, French and English languages.

«Парадигма» - рецензируемый научный журнал в открытом доступе, поддерживается международной группой ученых. Выходит два раза в год. Публикуются результаты междисциплинарных исследований на русском, французском и английском языках.

Парадигма: Философско-культурологический альманах.
Вып. 31 / Главный редактор Н. Х. Орлова. СПб., 2019. 188 с.
ISSN 1818-734X

© Авторский коллектив, 2019
© Н. Х. Орлова, 2019

Editorial Board

Chief Editor

Nadezda H. Orlova, Dr. hab., professor, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Executive Secretary

Lyubov S. Moskovchuk, PhD, associate professor, Saint Petersburg Electrotechnical University. St. Petersburg, Russia.

Московчук Любовь Сергеевна, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет (ЛЭТИ). Санкт-Петербург, Россия.

Editorial Board

Darovskikh Andrey, Candidate of Sciences (C.sc.), State University of New York. Binghamton, USA.

Даровских Андрей, кандидат философских наук. Кафедра философии, Университет Штата Нью-Йорк. Бингемтон, США.

Anna N. Ereemeeva, Dr. hab., professor, Chief Researcher, Southern Branch of Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachov, Krasnodar, Russia

Еремеева Анна Натановна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Краснодар, Россия.

Lilianna Kiejzik, Dr hab., professor, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Poland.

Киейзик Лилианна, доктор гуманитарных наук, профессор, Зеленогурский университет. Зелена Гура, Польша.

Alexander M. Melikhov, Ph.D., Russian writer, the deputy chief of the "Neva" magazine editor. St. Petersburg, Russia.

Мелихов Александр Мотелевич, писатель, кандидат физико-математических наук, заместитель главного редактора журнала «Нева». Санкт-Петербург, Россия.

Anna G. Piotowska Dr hab., professor, Instytut Muzykologii of the Jagiellonian University. Krakow, Poland.

Пюотровска Анна, доктор наук, профессор, Ягеллонский университет. Краков, Польша.

Sergei Soloviev, PhD., professeur émérite IRIT, Université Toulouse. Toulouse, France.

Соловьев Сергей Владимирович, кандидат физ.-мат. наук, профессор, Университет Тулузы. Тулуза, Франция.

Natalja I. Šroma, PhD, associate professor, University of Latvia. Riga, Latvia.

Шром Наталья Ивановна, кандидат наук, ассоциированный профессор, отделение русистики и славистики гуманитарного факультета Латвийского университета. Рига, Латвия.

Louis Féraud, Dr. hab., professeur émérite IRIT, Université Toulouse. Toulouse, France.

Феро Луи, доктор математики, профессор, Университет Тулузы. Тулуза, Франция.

Alexander A. Chernyshenko, PhD, Group Leader vacuum measurements D.I. Mendeleyev Institute for Metrology. St. Petersburg, Russia.

Чернышенко Александр Александрович, кандидат технических наук, ФГУП «ВНИИМ им. Д. И. Менделеева». Санкт-Петербург, Россия.

Clarisse Herrenschmidt, Dr. hab., philologue et linguiste, rattachée au Laboratoire d'Anthropologie Sociale du Collège de France. Paris, France.

Эренишмидт Кларисс, доктор филологии и лингвистики. Коллеж де Франс. Париж, Франция.

CONTENT

PHILOSOPHY OF CULTURE (ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ)

- Уваров М. С. Неклассические модели антиномического дискурса 7
Mikhail S. Uvarov. Non-classical models of antinomic discourse

- Львов А. А. Дискуссии о мировоззрении в немецкой философии в конце XIX — начале XX столетий 67
Alexander A. Lvov The Discussion of Weltanschauung in German Philosophy in the end of XIX — beginning of XX century

- Романенко А. С. Поздние тексты Мартина Хайдеггера: структурно-семиотическое исследование («Проселок», 1949 г.) 86
Anton S. Romanenko. Martin Heidegger's Later Works: Structural-Semiotic Analysis ("The Pathway", 1949)

TEXT AND CONTEXT (ТЕКСТ И КОНТЕКСТ)

- Михаленко Н. В. Мифологизация России в журнале «Жар-Птица» (религиозно-философский аспект) 96
Natalia V. Mikhalkenko. Construction of the Russian Myth in the "Firebird" Magazine (Religious and Philosophical Aspect)

- Мелихов А. М. Убийства законные и убийства исконные 106
Alexander M. Melikhov Legitimate murder and the primordial murder

GENDER STUDIES (ГЕНДЕРНЫЕ ИШТУДИИ)

- Курпниче Р., Шром Н. Формы и способы объективации гендерной идентичности автора: феномен Арсения Мерица 117
Rozanna Kurpniece, Natalja Šroma Forms and Approaches to the Representation of Author's Gender Identity: The Phenomenon of Arseniy Merich

ENDEAVOURS (ОПЫТЫ)

<i>Изотова К. С., Степанова А. Ю.</i> Трансформации образа женщины в советской и постсоветской женской периодике.....	132
---	-----

Kseniya S. Izotova, Anastasiya. Yu. Stepanova Transformation of the image of women in the Soviet and post-Soviet women's periodicals

<i>Ходкевич М. К.</i> Токсичная маскулинность в рекламе <i>Mariya K. Khodkevich</i> Toxic masculinity in advertising	143
---	-----

PERSONA PERSONAM (ПЕРСОНА)

<i>Орлова Н. Х.</i> У меня есть моя истина... <i>Nadezda Kh. Orlova</i> I have my truth	152
--	-----

<i>Милорадович К. М.</i> Пир во время чумы <i>Kseniya M. Miloradovich</i> A Feast in Time of Plague	169
--	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS

<i>(СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ)</i>	187
------------------------------------	-----

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Неклассические модели антиномического дискурса¹

М. С. Уваров²

Non-classical models of antinomic discourse

Mikhail S. Uvarov

1. Проблема бинарных оппозиций в западноевропейской философии XX века

Как мы видели, немецкая классическая философия в лице Канта и особенно Гегеля подошла к исходной формулировке антиномий-проблем, но не дала методологии выхода из бинарных ситуаций мышления. Последующая философия неоднократно демонстрировала, как философы, отходя от классической традиции, шли по пути иррационализации "антиномического вопрошания". Не случайна, например, мысль А. Шопенгауэра о том, что "антиномия есть не более как борьба с ветряными мельницами".³

Тем не менее система противоречий-антиномий реконструируется в трудах многих известных представителей философии конца XIX-XX вв. (Ш. Ренувье, Х. Зигварт, Ф. Брэдли и др.). В частности, у Х. Зигварта

¹ Мы продолжаем публиковать главы из книги «Бинарный архетип. Эволюция идеи антиномизма в истории европейской философии и культуры» (СПб., 1996). Начало см.: Уваров М. С. Бинарный архетип в природе классической философской рефлексии // Парадигма: Философско-культурологический альманах. Вып. 29. 2018. С. 7-51; Уваров М. С. Бинарные отношения в научном мышлении // Парадигма: Философско-культурологический альманах. Вып. 30. 2019. С. 7-47.

² Михаил Семенович Уваров (1955-2013) - русский философ, профессор.

³ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление: В 3 т. М., 1892. Т.1. С.511.

в его "Логике" мы встречаем антиномическую трактовку проблемы соотношения философских понятий, которая находится не столько в русле неокантианства, представителем которого он является, сколько в рамках после-кантиантской релятивизации проблемы антиномий. Ф. Брэдли сводит учение об антиномиях к логическим операциям над категориями, которые сам он называл "диалектическим движением" в рамках умозаключения.⁴ Интересна дуалистическая трактовка Ф. Брэдли понятий пространства и времени, весьма напоминающая зеноновскую аргументацию. Тезис: "пространство и время - ничто, кроме как отношение между вещами". Антитезис: "пространство и время не есть простые отношения, они могут существовать и при отсутствии вещей". Вывод, следующий из равнодоказуемости обоих положений: "пространство и время не могут существовать реально".

Несомненно, что разрыв с традициями классической немецкой философии, опосредованный идеями С. Кьеркегора и Ф. Ницше, подготовил почву для перехода на рельсы той формы бинаризма, который охватил в XX веке практически все сферы философского и культурно-исторического мышления.

Уже в рамках XX в. была обоснована концепция "трагической диалектики" А. Либерта. Упрекая Гегеля в предвзятом освещении сущности исторического процесса и отрекаясь от его "догматического" онтологизма, он пишет в своей главной книге "Дух и мир диалектики" о том, что догматизм такого рода *"не способен обосновать явление нравственного конфликта, возникновение и наличие нравственных напряженностей, или, что то же самое, не способен обосновать понятие истории. Трагические антиномии жизни... являются для догматизма исключительно преходящими, исчезающими, относительными"*.⁵ А. Либерт считает, что обращение к кан-

⁴ Bradley F. H. The principles of Logis. London. 1883. P. 404-412.

⁵ Liebert A. Geist und Welt der Dialektik. Berlin. 1929. S. 453.

товской антиномии существования и нравственного долга является неизбежным для человека. В неразрешимости данной антиномии он видит главную составляющую антитетики человеческого бытия, лежащую в основе концепции трагической диалектики. Такая интерпретация уводит А. Либерта не только от гегелевской концепции "разрешаемого" противоречия, но и от кантовского понимания благотворности антиномических заблуждений разума. Вместе с тем его трактовка сыграла, возможно, решающую роль для дальнейшего развития идей "трагического" дуализма.

При всем многообразии форм проявления антиномического мирозерцания в XX в. представляется необходимым выделить основные его разновидности. Главным критерием для нас по-прежнему остается *системность* применения бинарного дискурса при обосновании конкретной философской системы. Помимо несомненной общности понимания антиномий как неизбежного и закономерного этапа в процессе познания, свойственного разнохарактерным направлениям философии XX в., обращает на себя внимание и их взаимная полемика.

Основной постулат "негативной диалектики", сформулированный Т. Адорно, заключается в том, что "диалектика как метод означает движение в противоречиях во имя уже испытанного противоречия и вопреки ему... Ее логика есть логика распада".⁶ Диалектика, согласно Т. Адорно, не может быть чем-то реальным в обыденном понимании: она "солидарна с метафизикой в момент своего катастрофического падения",⁷ является лишь способом мыслить, отображать противоречия. Но такой способ мышления не является для Т. Адорно безусловно истинным. Для него чрезвычайно важной является идея отрицания, заложенная в природу диалектического движения.

⁶ Adorno Th. W. Negative Dialektik. Fr.a.M. 1966. S. 146.

⁷ Ibid. S. 398.

Т. Адорно подверг критике экзистенциальную концепцию диалектики, в частности, в отношении таких понятий как "страх", "выбор", в то же время провозгласив общественное зло тотальной необходимостью. Это привело его к фактическому отрицанию самой возможности выхода из альтернативной ситуации выбора, что и характеризует, по его мнению, трагическую сущность человеческого бытия. Именно в этом пункте и происходит смыкание экзистенциальной и "негативной" диалектики. Антиномия "подлинного" и "неподлинного" существования человека (как онтологической реальности общественного развития и индивидуального бытия) приводит к тому результату, что историческая действительность становится ареной трагической борьбы личности с "косной материальностью" социальных связей.

Следует отметить, что онтологическая направленность является характерной чертой антиномизма в XX в. Это связано с явно испытываемым неудовлетворением теоретико-познавательной моделью антиномического дискурса.

Показательным примером последнему является концепция критической онтологии Н. Гартмана. По мнению философа, мышление Нового времени видело свою основную задачу в обозначении теоретико-познавательных параметров знания. При этом полагалось, что о познании мы знаем больше, чем о том предмете, который нам дается в познании. Поэтому сама "загадка" познания как бы оставалась в стороне. На самом деле то трансцендентное отношение, с которым оно пытается иметь дело, то есть отношение, находящееся за пределами "опыта сознания", по-прежнему оставалось наиболее фундаментальной проблемой. Реакцией на такое положение вещей в XX веке явилось, по Н. Гартману, возникновение развернутых форм антропологических учений.⁸ Легко заметить, что эта точка

⁸ Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник-1988. М., 1988. С. 320-321.

зрения в целом подтверждает критическую направленность размышлений Ф. Ницше. Однако сомнение в принципе *cogito* у Н. Гартмана имеет совершенно другую специфику, поскольку он не уходит от классической постановки метафизических проблем.

Одним из значительных положений гартмановской онтологии является мысль о том, что критическая метафизика должна быть *метафизикой проблем*. Окончательное решение метафизических вопросов невозможно, что и определяет, по Н. Гартману, их своеобразие. "Не-разрешимый остаток" вечных проблем как раз и является референтом "вечности" антиномических вопросов в философии и культуре. Признавая Платона своим предшественником (как мыслителя, виртуозно владевшего методом "недосказанности"), Н. Гартман постоянно воспроизводит в своей философии то, что сам он называет "апоретическим методом". Вместе с тем, вводя и последовательно применяя так называемый "проблемно-исторический метод" (*problem-geschichtlichen Methode*), Гартман связывает его специфику с заостренно антиномическим видением мира. История философии предстает у него как история проблем, причем написание такой истории философии - задача никем пока не выполненная.⁹

По Н. Гартману, "апоретика исследует проблемы как таковые, до их теоретической трактовки, до поисков их решения и *независимо* от возможностей такого решения. Это чистая наука о проблемах, в которой они анализируются безо всякой предвзятой точки зрения, безо всяких заранее принятых предпосылок. Смысл апоретического метода Н. Гартмана очень близок кантовской трактовке антиномизма: он призван указывать на принципиальные трудности познавательного акта.

В то же время Н. Гартман настаивает на том, что его проблемный метод принципиальным образом отли-

⁹ Hartmann N. Der philosophisch Gedanke und seine Gueschichte // Kleinere Schriften von N. Hertmann. Bd. II. Berlin, 1957. S. 8-10.

чается от "старой апоретики", поскольку является не просто инструментом познания, а важной ступенью философского метода в целом. С его помощью осуществляется формулировка проблем, внутренне присущих феноменам. Эти проблемы, "вскрытые" на уровне апоретики, в дальнейшем позволяют применить углубленный теоретический анализ, ведущий к актуализации первоначальных апорий, а также к поиску реальных путей выхода из антитетической ситуации.

Можно сделать вывод, что в онтологической концепции Н. Гартмана чрезвычайно сильным оказывается "кантианский" заряд. Однако реальный отход Н. Гармана от кантианства и попытка создания новой онтологии являются весьма показательными, поскольку его критический метод расставляет новые акценты в понимании антиномий познания. Можно сказать, что в лице Н. Гартмана мы имеем одну из удачных попыток привнесения идеи антиномического дискурса в философию, попытку, которая позволяет говорить о явной неисчерпанности "языка *cogito*" в культуре XX в.

Еще одним ярким примером "незавершенного" антиномизма в его современном прочтении является эпистемологическая концепция П. Фейерабенда. На его взглядах необходимо остановиться достаточно подробно, так как именно в них, пожалуй, в наибольшей степени воплощены те методологические черты бинаристского мышления XX в., которые представляют собой новый вариант "игры в *cogito*" и делают необходимой последовательную критику его оснований.

В отечественной литературе постпозитивистской философии науки уделялось пристальное внимание. И это, конечно, не случайно, поскольку данная концепция обращена к конкретным методологическим вопросам истории и логики развития научного знания, последовательному и основанному на большом фактическом материале анализу динамики развития естественно-научного и социального познания.

Все это не может не привлечь к себе пристального внимания, и не случайно поэтому в 80-е годы на русском языке появились переводы основных работ представителей постпозитивизма. Анализ того варианта бинарных отношений, который возникает в рамках философии науки, актуален и сегодня.

В методологии П. Фейерабенда, несомненно, наличествуют позитивные моменты, связанные с разработанными и последовательно примененными в процессе осмысления логики развития естествознания так называемым "методом альтернатив".

Специфика дискурса антиномий проявляется в том, что с его помощью соотношение между научными программами становится принципиально соизмеримым, переводимым в конкретную процессуальную форму. В теории же П. Фейерабенда сочетаются принципы бесконечного размножения научных теорий (пролиферации) и их несоизмеримости. Уделяя все свое внимание утверждению несоизмеримости научных программ, Фейерабенд даже не ставит вопрос о выходе за рамки альтернативности. "Принцип пролиферации, - пишет он, - не только рекомендует изобретать *новые* альтернативы, но также предотвращает устранение *прежних* теорий, которые ранее были уже опровергнуты...", а "любая методология, принимающая этот принцип, будет называться *плюралистической методологией*".¹⁰

П. Фейерабенд декларирует свой принцип не как один из возможных в методологии, что было бы вполне правомерно. Он считает, что "методологическое принуждение", связанное с той или иной совокупностью методов исследования, снимается принципом "все сгодится" ("anything goes") таким образом, что следование методу альтернатив оказывается единственным возможным путем познания. "Этот плюрализм теорий, - резюмирует

¹⁰ Фейерабенд Н. Ответ на критику // Структура и развитие науки: Из Бостонских исследований по философии науки. М., 1978. С. 420-421.

П. Фейерабенд, - не следует рассматривать как некий предварительный этап познания, который через некоторое время будет заменен в будущем на *единственную истинную теорию*. Теоретический плюрализм надо рассматривать как существенную черту всякого познания, если оно стремится быть объективным".¹¹ П. Фейерабенд, принципиально отвергая идею метода познания, содержащего жесткие, неизменные и абсолютно обязательные принципы научной деятельности, тем не менее сам призывает к тому, чтобы научное сообщество признало альтернативизм именно таким методом

Подобную непоследовательность отнюдь нельзя объяснить полемической направленностью рассуждений П. Фейерабенда, хотя известно, что его понимание научной методологии встретило резкую критику в рамках самой философии науки. Так, Н. Кертж пишет относительно концепции несоизмеримости: "Я уверена...в том, что наибольшие успехи в науке чаще всего связаны с разрешением подобных конфликтов. Поэтому следует отвергнуть любую методологическую концепцию, не учитывающую такую критику".¹² Развивая свою мысль, Н. Кертж говорит, что открытие и исследование проблемы, порожденной возникновением противоречия, или объединение двух квазидополнительных теорий "представляет собой исходный пункт развития в науке".¹³ Противоречие-"конфликт" между теориями завершается созданием более глубокой теории, которая объединяет и ассимилирует их, наполняя все большим содержанием. Разрешение этого конфликта можно назвать диалектическим восхождением.

¹¹ Feyerabend P. How to be a good empiricist // Philosophy of Science. Oxford, 1974. P. 14.

¹² Кертж Н. Интертеоретическая критика и развитие науки // Структура и развитие науки. (Из Бостоновских чтений по философии науки). М., 1987. С. 311.

¹³ Кертж Н. Указ. соч. С. 318-319.

Известно также, какую резкую реакцию вызвала концепция П. Фейерабенда у Т. Куна, И. Лакатоса и других западных методологов науки. По мнению Т. Куна, например, "изобретение альтернатив — это как раз то средство, к которому ученые... прибегают редко... Как и в производстве, в науке смена инструментов - крайняя мера, к которой прибегают лишь в случае действительной необходимости".¹⁴

Попытка придать концепции методологического альтернативизма статус всеобщности не может не вызывать принципиальных возражений уже потому, что сама стадия альтернативного описания в научном познании, как было показано ранее, занимает совершенно определенное место и не может претендовать на определяющую роль в разрешении (или хотя бы в попытке осмысления) антиномий познания. Эту идею хорошо выражает известный английский специалист по философии науки А. Дж. Коэн, который пишет, в частности, что "скептицизм Фейерабенда основан на допущении, которое делает его недействительным. Он вынужден признать, что сравнение теорий вполне возможно, если две теории борются за признание... Такая конкуренция возможна лишь тогда, когда существует некоторый разделяемый обеими теориями корпус проблем и целей. А как только он выделен, основа для скептицизма исчезает, так как невозможно понять проблему, не принимая во внимание способ ее достижения".¹⁵

Иррационалистический характер аргументации П. Фейерабенда заключается еще и в том, что наряду с принципом несоизмеримости альтернативных теорий, одной из основополагающих идей его концепции является так называемый принцип упорства. Он, по Фейерабенду, заключается в том, что мы должны "выбирать из множества теорий одну, обещающую наиболее плодотворные результаты".

¹⁴ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 109.

¹⁵ Коэн Дж. Является ли эпистемология науки разновидностью логики или истории науки // Вопросы философии. 1980. №6. С. 147.

творные результаты, и упорно держаться за нее, несмотря на серьезные трудности, с которыми она сталкивается".¹⁶ П. Фейерабенд постоянно выходит за рамки научной рефлексии, обращаясь в своих рассуждениях к мифологии, околофилософским притчам, легендам и т.п. Само по себе внимание к вненаучным факторам развития познания не может вызвать возражения, поскольку сам этот феномен является одним из элементов предположительного знания в науке и имеет многовековую традицию конкретно-научной интерпретации. Однако обращает на себя внимание другое: П. Фейерабенд, специально не пытаясь разобраться в закономерностях взаимодействия этих факторов, практически переходит к выводам по поводу недостаточно осмысленных в современной науке фактов. Именно в этом контексте можно понимать специально выделенную мысль о том, что "не существует идеи, сколь бы устаревшей и абсурдной она не была, которая не способна улучшить наше познание".¹⁷ В результате получается, что концепция П. Фейерабенда выражает собой отказ от всякой реальной конкуренции научных теорий, поскольку верх в такой конкуренции берут не научные идеалы объективного характера, а устремления и сила аргументации представителей той или иной группы ученых. Понятно, что при таком подходе полностью отходит на задний план вопрос о критериях разрешения теоретических антиномий.

П. Фейерабенд приходит к концепции альтернативизма, анализируя обыденные факты, встречающиеся в жизни каждого человека, доказывает правомерность своего метода на примерах из медицинской и юридической практики, когда точки зрения ученых по одному и тому же вопросу расходятся кардинальным образом. Верно подмечая, что очень часто мнение специалистов

¹⁶ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 117.

¹⁷ Там же. С. 179.

требует определенных поправок, ибо они "склонны отождествлять потребности науки с потребностями повседневной жизни", П. Фейерабенд фактически сводит проблему поиска научной истины к "смекалке" и "умению" третейского судьи ("неспециалиста"), который, по его мнению, вполне может разобраться в научных проблемах, не занимаясь данной отраслью знания профессионально".¹⁸ Однако эти примеры, на наш взгляд, больше относятся к области человеческой психологии, научной этики, чем, собственно, к научной аргументации.

Такие парадоксы составляют основу концепции альтернативизма, которая в конечном счете сводится не к конкурированию собственно научных теорий, а к сопоставлению научного и вненаучного знания. И хотя Фейерабенд использует большой фактический материал, связанный со становлением концептуальных научных программ в истории физики, основная его идея заключается в столкновении именно этих двух, действительно несоизмеримых альтернатив, в совокупности выражающих, скорее, логику *парадокса*, но не логику *антиномии-проблемы*.

Яркая антикумулятивистская направленность мышления П. Фейерабенда, как он сам признает, прямо вытекает из метода "проб и ошибок" К. Поппера. Следуя традиции своего учителя, П. Фейерабенд релятивизировал это понимание до предела, объявив альтернативизм единственно возможным способом движения научной мысли. Вместе с тем, П. Фейерабенд неоднократно полемизирует с Т. Куном по вопросу о "нормальных" и "революционных" периодах развития науки, возражая ему, в частности, по поводу процесса *выбора* альтернатив из многих возможных, отрицая саму возможность существования "нормальной науки", периодов ее "монистического" развития. Эти две тенденции размышлений П. Фейерабенда достаточно четко приводят к обоснова-

¹⁸ Фейерабенд П. Указ.соч. С. 134-136.

нию им тезиса о том, что альтернативизм — это единственный метод, совместимый с гуманитарным мировоззрением.

Не случайно поэтому П. Фейерабенд прямо связывает свои культурологические и социальные взгляды, изложенные в работе "Наука в свободном обществе", с основными положениями и выводами книги "Против методологического принуждения" ("Against Method"). "Анархистская" теория познания прямо смыкается с концепциями экзистенциальной и "негативной" диалектики. Видимо, дело здесь не столько в "диалектизации" философии науки, сколько в общности той традиции, которая в конечном счете и становится определяющей.¹⁹

Несомненно, что основные идеи, связанные с концепцией антиномизма в XX в., в той или иной степени обусловлены экзистенциальной трактовкой. "Заряд" ницшевского и в особенности кьеркегоровского антиномического вопрошания реализовался в различных вариантах. Изложенная Ж.-П. Сартром в книге "Бытие и Ничто" концепция представляла собой чрезвычайно сложный синтез абстрактной и внетеоретической онтологии и экзистенциального психоанализа. В этом смысле она выражала квинтэссенцию экзистенциального видения проблемы антиномизма. В призме сартровской трактовки экзистенциализм представляет собой наиболее универсальный проект онтологического антиномизма, своеобразный "дискурс без дискурса", в котором идея антиномий расширяется до предельной всеобщности и, помимо онтологических, замыкается на антропологические горизонты.

Рассмотрим в качестве примера взгляды двух философов, которые принципиально работали на пограничье, а порою за пределами экзистенциальной проблема-

¹⁹ Общая тенденция, характеризующая эту традицию, хорошо выражена в работе П. Фейерабенда "Farewell to reason". London; New-York, 1987, название которой можно перевести на русский язык, как «Прощай благоразумие» (по аналогии с переводом названия знаменитого романа Э.Хемингуэя "Farewell to arms" — «Прощай оружие»).

тики, соотнося свои взгляды с общими тенденциями антиномического мышления.

Согласно А. Камю, во всяком акте сознательного отношения личности к "иному" заложена принципиальная амбивалентность (дихотомичность) мира. Опыт создания строится таким образом, что постоянно раскалывает бытие на мир субъективности и мир объекта. Истинным способом человеческого присутствия в мире является "отрешенность от себя самого", преодоление себя как разумного и социального существа.²⁰ Как пишет К. М. Долгов, "Камю одним из первых бросил вызов антиномичному мышлению, альтернативной культуре, не принял утверждений многих выдающихся мыслителей о непреодолимой антиномичности духа и природы".²¹ Антиномизм не "поощряется" А. Камю в качестве высокой интенции разума. Для него одинаково неприемлемыми оказываются и идея Смерти Бога ("бogoоставленности"), и идея сверхчеловека, поскольку обе они имеют одинаковый исход - культ тоталитаризма и античеловечности.

Известная критическая направленность взглядов А. Камю по отношению к "классическому" экзистенциализму, как полагают исследователи, совсем не исключает философа из общей тенденции экзистенциального видения мира. Более того, основной пафос размышлений А. Камю, касается ли он логики "абсурда" или же проблемы бунта человека (как альтернативы человеческой деструктивности), пролегает по знакомой уже стезе антропологического видения мира. Точка зрения философа, скорее всего, выражает собой ту тенденцию интерпретации антиномического дискурса, которая связана с возможностью гармонического синтеза.

Позиция М. Хайдеггера по отношению к проблеме антиномизма требует особой интерпретации. Дело в том,

²⁰ Камю А. Избранное. М., 1960. С. 531.

²¹ Долгов К. М. От Кьеркегора до Камю: Философия. Эстетика. Культура. М., 1990. С. 385-386.

что в случае Хайдеггера мы имеем тип бинаристского дискурса, который, в свою очередь, порождает современную традицию прочтения Текста культуры, свойственную семиотико-структуралистскому направлению. Философия М. Хайдеггера, несомненно, возрождает ту "тактику" бинаризма, которая корни свои имеет в античной традиции. Не случайны постоянные обращения М. Хайдеггера к творчеству таких философов, как Протагор или Платон. Да и общий интерес мыслителя к историко-философской традиции чаще всего обусловлен трактовкой "вечных" проблем, будь то тезис Канта о бытии или проблема европейского нигилизма. Представляется, что М. Хайдеггер вполне разделяет позицию Н. Гартмана в том отношении, что история философии — это еще не написанная до конца история *проблем, апорий, антиномий, парадоксов*.

Весьма продуктивной и одновременно остро парадоксальной частью философии М. Хайдеггера является его размышления о новом философском языке. "Язык говорит. И это одновременно означает: язык говорит. Язык? А не человек?" - спрашивает он.²² Философский язык, о котором пишет М. Хайдеггер, амбивалентен по своей природе. Сознательный отказ от привычных понятий и поиск их семантико-смысловых эквивалентов, не засоренных штампами обыденного языка - излюбленный прием творчества философа. Используемая им ситуация герменевтического круга, логика оксюморона, а также знаменитое "дефисное" выделение терминов (традиция, воспринятая им из гуссерлевских штудий) в дальнейшем порождает целый спектр интерпретаций и продолжений, одним из самых значительных из которых можно считать тот герменевтический проект, который принадлежит Х.-Г. Гадамеру.

Наиболее существенные примеры языкового творчества дают хайдеггеровские трактовки-инверсии понятий "человек" (Mensch) и "техника" (Technik). Проблема

²² Хайдеггер М. Язык. СПб., 1991. С. 10.

начинается тогда, когда М. Хайдеггер пытается раскрыть смысл, заложенный в понятие "бытие". Наиболее фундаментальным здесь оказывается вопрос о времени. Но время влечет смерть, которая оказывается для человека скрытой (экзистенциальной) основой "здесь-бытия". Понятия Dasein и Mensch в такой интерпретации оказываются несовместимыми, антиномически несогласованными, как несовместимыми являются некоторые внешние атрибуты бытия и его сущность. Поэтому в конечном итоге Dasein у М. Хайдеггера полностью замещает Mensch. Как он сам пишет, "термином Dasein мы называем ту сущность, которой является каждый из нас, и которая включает в себя вопрошание как одну из возможностей ее Бытия".²³

В той весьма серьезной языковой "игре", которая является стержнем хайдеггеровской концепции, идея Dasein занимает центральное место, хотя внимательный читатель всегда должен помнить не просто о многозначности и трудности интерпретации этого политомического понятия, но и о его изначальной двухосновной природе, где Dasein "замещая" собой Mensch, тем не менее "проговаривает" смысл антропологической проблемы в ее экзистенциально-феноменологическом и экзистенциально-герменевтическом вариантах.

Что касается идеи техники, столь волновавшей М. Хайдеггера на протяжении всего его творчества, то замена понятия Technik на собственный конструкт Gestell (на русский язык обычно переводится словом "постав") при резко отрицательном отношении к первому из них, скорее всего, вызвано другими, хотя и во многом сходными, причинами. Как верно отмечает З. Н. Зайцева, слова, характеризующие технический прогресс в языке М. Хайдеггера "не относятся к "подлинному языку", поскольку они являются результатом

²³ Heidegger M. Being and Time / Transl. by I. MacQuarrie and E. Robinson. London, 1983. P. 7.

рационального мышления",²⁴ результатом того, что человек "делает руками", по-ставляет. Поиск же подлинного философского языка принципиально невозможен, если память и "наличное бытие" человека засорены продуктами прогресса, по-ставляющего разуму и телу непробированные мыслительным опытом ценности, часто чуждые человеку, понятому как Dasein. Мир "подручных объектов", рожденных техническим прогрессом, становится новым непрозрачным зеркалом, в границах которого исчезают истинные пространства здесь-бытия.

Наиболее радикальным примером хайдеггеровской "включенности" в логику антиномического дискурса является его оригинальная модель "четверицы мира".²⁵ В реконструкции В. А. Подороги идея четверицы предстает следующим образом:²⁶

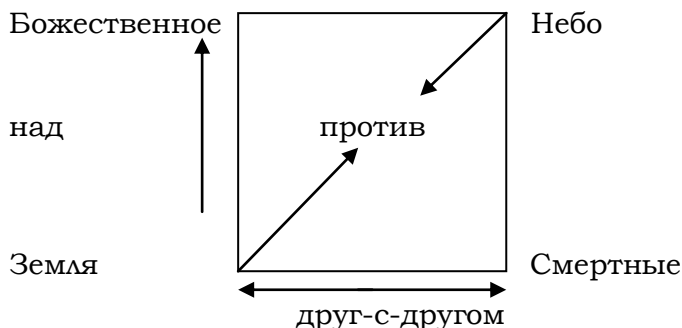

Рис.3 Модель "четверицы" М. Хайдеггера

"Земля и небо, божества и смертные, сами собой едины друг с другом, взаимно принадлежат друг другу в односложности единой четверицы, - пишет М. Хайдеггер. - Каждый из четвертых по-своему зер-

²⁴ Зайцева З. Н. Хайдеггер и время // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. 1990. №4. С. 66.

²⁵ Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 324-326.

²⁶ Подорога В. А. Метафизика ландшафта: Коммуникативные стратегии в философии и культуре XIX-XX вв. М., 1993. С. 254.

кально отражает существо остальных. Каждый при этом по-своему зеркально отражается в свою собственную суть внутри одно-сложности четвертых...".²⁷

Хайдеггеровская четверица может быть истолкована разными, хотя и взаимодополняющими, способами. Во-первых, логика четверицы призвана "завершить" антиномизм мира (не случайно здесь хайдеггеровское выражение "мир мирует", *Welt welten*, или, в другом регистре - "мир инстинтуует в мирении"). Хайдеггеровская антиномическая модель — это возвращение к кьеркегоровским антиномиям "без синтеза". Хотя мир и "дан" в четверице, но он разорван в своем основании. Пространственные координаты мира собираются не благодаря классическому трех(четырёх)-мерному континууму, но вследствие выхода за пределы привычных измерений. Во-вторых, модель хайдеггеровской четверицы весьма напоминает структуру логического квадрата, в котором любая пара сопряженных элементов дает антиномическое отношение разной "мощности" и напряжения, от контрарных до контрадикторных. Шесть основных отношений мира соответствуют главным антиномиям бытия, мифологически окрашенным и укорененным в реальном мире одновременно. В-третьих, четверица являя зримый "разлом" мира, вбирает в себя основные характеристики экзистенциальной включенности в него. Феноменолого-экзистенциальная модель, сопряженная с "герменевтическим" четырехугольником, пытается дать объективное представление о разделенности мира, а также о человеке, философии и религии, письме и тексте, рассмотренных в перспективах исторического бытия.

Короче говоря, хайдеггеровское описание представляет собой некую квинтэссенцию философии "пост"-маргинализма, в которой возвращение к классической кьеркегоровской проблеме "или-или" одновременно означает и тезис о "ландшафтном пространстве" культуры,

²⁷ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 324.

столь характерном для восприятия не только для Ницше или русских символистов, но и для современных постмодернистических исследований.

Отметим тем не менее еще раз вполне классическую манеру работы Хайдеггера с понятиями, их построение и субординацию при помощи не только "логического" дискурса, но и вполне очевидных бинарных отношений. Видимое отречение Хайдеггера от бинаризма двоичного и гармоничности троичного описания мира действительно является лишь видимостью. Семантика культурного и языкового пространства, так хорошо прочувствованная Хайдеггером, позволяет по-новому поставить вопрос не только о роли языка в культуре, но и о свойствах тех антиномических ситуаций, которые "дарует" мышлению язык.

Подведем краткие итоги данного очерка. Мы выяснили, что формы антиномического мышления в XX в. чрезвычайно многообразны. Наряду с апоретической (Н. Гартман) и негативно-альтернативистской (Т. Адорно) моделями имеют место попытки исключения антиномизма, как некоего "рока" культуры, из мышления (А. Камю). Вместе с тем альтернативная несоизмеримость эпистемологического анархизма (П. Фейерабенд) вполне уживается с завершенной моделью антиномического дискурса (хайдеггеровская "четверница"), возвращающей нас к фундаментальным идеям Кьеркегора и Ницше. Антиномизм в этом культурном ландшафте как бы "ломается" в своих попытках объять мир как целое и переходит в русло неоантропологических перспектив философского знания.

Логика аргументации антиномизма в XX в. часто пытается воспроизвести "филогенез" первоначального этапа функционирования антиномического дискурса (от Зенона до Канта и Гегеля), однако на самом деле имеет место "внедиалектическая" его трактовка. Чаще всего наблюдается процесс трансформации антиномии как

"благотворного заблуждения разума" в идею методологического и онтологического *альтернативизма*.

И, наконец, возвращаясь к идее "классических" форм философской рефлексии, следует подчеркнуть, что в целом антиномизм XX в. чрезвычайно трудно охарактеризовать с помощью традиционного понятия рациональности. Скорее речь следует вести о *постнеклассической* модели бинарного архетипа, когда классическая рациональность, совершив выход в нетрадиционные области познания, в конечном счете возвращается "на круги своя".

В этой связи нам необходимо рассмотреть те модели антиномического (бинаристского) описания, которые на более конкретном материале раскрывают сущность данной проблемы в современной философии и культуре.

2. Антиномии языка и текста

Феномен языка в XX в. поистине стал роком философии и культуры. Попытки преодоления парадоксов языковой коммуникации с помощью упрощенного, вербально-субъективного подхода привели к осмыслению удивительного факта: язык совсем не является элементарным порождением человеческой субъективности (и в этом смысле - предметом классического антропологического анализа, антитезой онтологии культуры). Напротив, культура, в ландшафтах которой язык принимает разнообразные формы, становится реальностью, в определенных ситуациях поработавшей - с помощью языка - человеческую субъективность. Особенно остро данная проблема возникает в связи с углубленным анализом феномена языка в герменевтико-феноменологической и постструктуралистской традициях.

Открытие Текста европейской культуры связано с осознанием простой мысли: основоположения культуры строятся по законам письма, написанного текста. Знаковая природа Текста культуры раскрывается при расшифровке символических кодов, каждый из которых

несет своеобразные смыслы, подлежит независимому авторскому прочтению. Качество и "авторитетность" знаков европейского Текста воспроизводят динамику, архитеконику "творческого озарения", когда человек находит, определяет свое место в культуре и когда культура вербализуется через человека и в человеке. Герменевтические практики - от средневековой экзегетики до современных интерпретаций - оказываются вплетенными в ткань культуры не в качестве новоосознанного, "модного", дискурса, но как необходимая предпосылка самого процесса чтения Текста. Герменевтика часто находит свою "подлинность" в подсознательном опрокидывании массива культурно-исторических ассоциаций в ткань обыденности, в повседневность.

Поражающий воображение "лингвистический поворот" философской и культурологической мысли сам остается теоретически до конца не объясненным. Что же позволило феномену языка претендовать на место других "абсолютов" - разума, практики, бессознательного и даже идеи Бога? Видимо, в самом языке наличествует нечто не поддающееся рефлексивному самоотчету, нечто такое, что, подобно сингулярной точке, собирает энергию всех других интенций и в то же время уходит в глубины реальности, трансцендентной по отношению к языку.

Парадокс заключается в том, что любое предположение относительно самого языка должно быть, во-первых, самообоснованием (поскольку происходит в структурах самого языка) и, во-вторых, выводить за пределы любого возможного способа описания.

Представляется, что бинарный архетип как раз и "работает" в этой непростой ситуации.

*Двойственная природа языка*²⁸

Логическая мысль, начиная от буддистской логики, силлогистики Аристотеля и до современных систем математической логики, безуспешно пытается разрешить тайну логического следования и логической необходимости, согласно которым из А должно следовать не-А или В. Эта необходимость не может быть обусловлена тем, что именуется "содержанием" высказываний.

Примером здесь может служить парадокс так называемой "материальной импликации", согласно которому логические высказывания абстрагируются от любых причинных связей. Поэтому, например, высказывание *"если дважды два пять, то снег бел"* в математической логике оказывается истинным, несмотря на видимую ложность его с точки зрения здравого смысла. В этом заключается отличие материальной импликации от условного суждения традиционной формальной логики, в котором предполагается наличие содержательной связи между частями сложного высказывания (например, *"если пропустить через медную проволоку электрический ток, то проволока нагреется"*).

Чисто формальная связь, таким образом, не всегда гарантирует обязательной содержательной истины. Попытки логиков устранить этот парадокс с помощью все более изощренных средств формализации содержательных моментов языка приводят в итоге лишь к воспроизводству антиномических ситуаций в более тонких и сложных модификациях. Можно предположить, конечно, что логическая необходимость задается не частным содержанием высказываний, а некоторым *всеобщим* условием (своеобразным логическим универсумом), но суть парадокса состоит в том, что этот универсум не есть ни содержательная, ни формальная предпосылка логиче-

²⁸ Автор выражает признательность профессору В. А. Фриауфу, идеи которого использованы при написании данного раздела.

ского дискурса. Это всеобщее находится как бы в другом - внелогическом - измерении и, следовательно, логическая необходимость не может быть обоснована лишь внутривероятностными методами.

Показательно, что М. Фуко в работе "Слова и вещи" сформулировал антиномии, задающие, по его мнению, структуру эпистемологического поля современной европейской культуры²⁹. Одной из таких антиномий, согласно Фуко, является отношение "человек - дискурс (язык)". Подлинный смысл этой антиномии не был до конца понят в рамках французского структурализма, который большие усилия приложил к анализу загадок языка, текста, письма в их отношении к идеологии и власти.

Суть дела, как можно предположить, заключается в том, что противоречивое отношение между языком и человеческой реальностью задается ничем иным как двойственностью феномена самого языка (которая, конечно, находится в известной корреляции и с двойственностью самой человеческой реальности). Отметим в этой связи, что Л. Витгенштейн, например, склонялся к трактовке языка как своего рода "игры" по произвольным правилам, т. е. для него сущность языка исчерпывалась его "сподручностью", определенностью. Напротив, М. Хайдеггер отстаивал понимание языка как онтологически укорененного и потому первичного по отношению к существованию человеческой реальности. Если язык есть "дом бытия", то существо человеческой реальности, как мы уже видели, согласно М. Хайдеггеру, выражается термином *Dasein*, который по смысловому контексту можно перевести и как "при-сущее", находящееся "рядом-с-бытием".

Список амбивалентных ситуаций языка можно продолжить, но уже сформулированные проблемы позволяют поставить некоторые важные вопросы. Есть ли у этих ситуаций общее основание? Является ли таким

²⁹Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994. С.307-324.

основанием язык? Наконец, существует ли такой путь исследования, который определялся бы самим существом дела, а не произволом интерпретации?

М. К. Мамардашвили однажды заметил, что в силу онтологической укорененности сознания человек, способный воспринять и выразить (в тексте, в поступках) чудо мысли, проходит некий опыт сознания, по своей структуре аналогичный опыту исполнения мысли в различные эпохи и у различных мыслителей. В этой связи можно предположить, что формулировки основных парадоксов антиномического типа, которые мы встречаем в текстах разных эпох и культур, являются тем самым опытом сознания, о котором так часто и настойчиво говорил М. К. Мамардашвили.

В совместной с А. М. Пятигорским работе "Символ и сознание" он пишет: "Когда мы имеем дело с эвристическими категориями, привычными для общих семиотических и теоретико-лингвистических рассуждений, то все эти категории так или иначе ориентированы на дуализм: знак-значение, знак-обозначаемое, символ-определенная содержательность, соответствующая этому символу"³⁰. В другом месте той же работы М. К. Мамардашвили определяет дуализм "человеческого мышления, его примарной интенции". С одной стороны, - пишет он, - "в этом дуализме есть возможность принципиальной семиотики, т. е. возможность наблюдения в чем угодно знаковости, а с другой стороны - этот дуализм несет в себе возможность возвращения в сознание "в порядке наблюдения". Можно представить себе такую особую процедуру, в которой дуализм подвергается редукции, т. е. дуализм рассмотрения перестает быть дуализмом рассмотрения..."³¹

³⁰Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание (Метафизические размышления о сознании, символике и языке). Иерусалим, 1982. С.91.

³¹Там же. С.103.

Можно предположить, что существует постоянно воспроизводимый опыт сознания, который в отношении антиномии языка и внеязыковой реальности повторяет одну и ту же смысловую структуру. Эту структуру можно назвать антиномией постижимого и непостижимого в языке, дискурсе.

Согласно библейскому сюжету, среди прочих даров Бога Адаму был дар соединения имени и тварного бытия (Быт.2;19-20). Адам получил уникальную возможность дать имя любому индивидуальному существу в сотворенном мире. С тех пор Имя срослось с сущностью вещей так, что у всякого тварного бытия есть собственное имя, тождественное его индивидуальной сущности. И в то же время, согласно Библии, устанавливается запрет на имя самого Бога (Исх.20;7). Бог есть нечто неизменное, неопределимое в речи (знании) и непостижимое по своему существу. Поэтому правильный ответ на вопрос Моисея об имени Бога - не "Я есть Сущий" (ибо все сущее - поименовано), а "Я Не-Сущий, который Буду".

Таким образом, мы вправе сделать вывод: именуется не творящее, но сотворенное бытие. Соответственно, постижимо (познаваемо) лишь тварное бытие, ибо само познание протекает как языковой поиск именуемого. Что же касается возможности познания Бога, то Божественное существо познается лишь опосредованно - через свое действие, или проявление в тварном мире. Непосредственно Сверх-(не) - сущее непостижимо и непознаваемо. И это положение дел, разумеется, не могло остаться без референции в природе самого языка.

Нечто, именуемое в религиозном сознании символической структурой Божественного (а в философии - трансцендентного), по отношению к человеческой реальности занимает двойственную позицию. Во-первых, это Нечто является, открывается познанию так, что истина есть одновременно и бытие, и его имя.

Во-вторых, это Нечто, в силу своей трансцендентной природы, одновременно остается непознаваемым, непостижимым по существу, как некое сокровенное,

тайное, в языке (знании) принципиально невыразимое (хотя и обозначаемое).

И логос, и эйдос, каждый согласно своей природе, проявляется в феномене Имени: логос наделяет имя означивающей функцией, эйдос - символической. В силу этого наличное бытие имени реализуется как постоянное скольжение, "челночное" движение между знаковым и символическим полюсами своего существа. Именно это скольжение и образует феномен языка, или дискурса.

Исходя из указанной сущности языка можно предположить, что это антиномическое скольжение, задающее двойственность феномена языка вообще, нашло выражение в изобретении способов, форм (или - обходных путей) своего разрешения. Эти способы, соответственно, обусловили собой возникновение и развитие различных (взаимодополнительных друг другу) типов дискурсивных практик.

Если попытаться устранить антиномическое расщепление языка посредством редукции к одному из двух полюсов (тем самым - изобрести культурно-историческую форму, или способ "разрешения" антиномии в природе языка), то мы получим реально существующие в социальных практиках типы дискурса.

Если же свести сущность языка к его означивающей функции (язык как семиотическая система), то мы получим не что иное как рационально-понятийный тип дискурса. Поскольку знак по своей сущности "сподручен", т. е. имеет конвенциональную природу, постольку в данном типе дискурса возникает проблема "значения" употребляемых слов и терминов языка. Или, иначе, проблема соотношения, обозначающего и обозначаемого³².

Суть дела, однако, остается (при всех возможных дистинкциях) одной и той же: это ничто иное как расщепление первичной сращенности имени и сущности. Притом это "расщепление" сторонники рационального

³²Подробнее об этом см.: Фриауф В. А. Как возможна содержательная логика? Саратов, 1992. С.84-101.

типа дискурса склонны трактовать как некий "прогресс", как "переход от мифа к логосу", от языка метафор - к языку "строгих понятий". Однако, при всей изощренной технике построения "строгих" семиотических систем языка, полная редукция символического полюса к семиотическому оказывается в принципе недостижимой. И суть дела даже не в том, что искусственные (формализованные) языки не могут конкурировать с естественными по своему выразительному потенциалу: антиномическое отношение "язык-реальность" воспроизводится в превращенных формах "внутри" любого типа дискурса. Для рационального типа дискурса такими превращенными формами являются:

1. Антиномия доказуемого и недоказуемого в понятийном мышлении. Символический полюс проявляется здесь в том, что исходные понятия-определения (аксиомы) принимаются без доказательств как онтологически релевантные. Т. е. "расщепление" имени и реальности, характерное для данного типа дискурса, в аксиоматическом значении вновь возвращается к первоначальному тождеству имени и сущности, но возвращается уже в неадекватной, превращенной форме.

2. Антиномия формального и содержательного. После известных теорем К. Геделя о принципиальной неполноте и непротиворечивости формализованных систем арифметики³³ "выход" из этой антиномии, который явился бы опровержением указанных теорем, так и не был найден. Обходные пути в форме создания неклассических систем логики и - шире - неклассической модели рационального дискурса вообще - лишь воспроизводят антиномию формального и содержательного в более тонких и превращенных формах.

Суть дела в том, что подлинным источником этой антиномии является вовсе не "зазор" между формаль-

³³Обзор различных интерпретаций теоремы К. Геделя о полноте см.: Гильберт Д., Бернайс П. Основания математики: Теория доказательств. М., 1982. С.238-245.

ным и содержательным моментами языка, а неустранимое противоречие между содержанием знания и существованием сознания. Но именно символ, в силу своей природы, выводит нас к существованию как "обличенью вещей невидимых", поэтому антиномия формального и содержательного есть всего лишь редуцированная превращенная форма сопряжения знакового и символического полюсов рационального дискурса.

3. Антиномия концептуальных средств описания и внеязыковой реальности.

В полемике с У. Куайном Я. Хинтиikka справедливо отмечает, что все наши высказывания об окружающем мире пронизаны созданными нами самими понятиями. Знание реальности принципиально не может быть отделено от нашего способа понятийного освоения ее. Поэтому понятие "вещи в себе", которую можно было бы надеяться описать и даже индивидуализировать вне рамок конкретной понятийной структуры, суждено остаться вечной иллюзией человеческого разума³⁴.

Приведенных примеров вполне достаточно для вывода о том, что в языковой сфере рациональный дискурс не может претендовать на роль "абсолютного" типа дискурсивной практики. Внутренняя антиномичность классического рационального дискурса указывает на его ограниченность и приводит к необходимости дополнения потенциала языка возможностями иных типов дискурсивных практик. Другими словами, объективно возникающие антиномии языка подтверждают наши предыдущие выводы, касающиеся необходимости существования неклассических моделей антиномического дискурса.

Типологические особенности рационального дискурса порождают, в силу неустранимой двойственности природы дискурса вообще, присущие ему антиномии-проблемы. Но и обратная редукция от знаковости языка

³⁴Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С.79-81.

к его символическому полюсу также влечет за собой, как неизбежное следствие, возникновение неразрешимых противоречий. Никуда не деться от того обстоятельства, что любой, даже символически чрезвычайно нагруженный язык, обладает также и означающей функцией. Пока сферой применимости такого дискурса остается онтическое (т. е. тварное бытие), то, в силу исходного тождества имени и сущности, трансрациональный дискурс вполне онтологически релевантен и может рассматриваться как дополнительность (в боровском смысле) к рациональному дискурсу. Но уже в силу того факта, что символ выводит нас не только за пределы самого дискурса, но и за пределы тварного бытия (сущего как такового), знаковость языка лишается онтологических оснований, и на место "смысла" приходит "значение". Но "значение" само по себе тем и характерно, что оно неизбежно приводит к конвенционально-инструменталистскому пониманию природы языка.

Попыткой ухода от такого редукционизма является, например, исихастская духовная практика в православии. Исихия рождает совершенно особую форму трансрационального дискурса: форму беззвучной молитвы, обращенной к Богу. В этом дискурсе отсутствуют фонемы и графемы (точнее, они употребляются лишь как внешняя оболочка молитвенного текста), но зато наличествует явная тенденция подключения к нетварным энергиям Божественной Троицы через энергичность внутренней формы имени и текста многократно повторяемой мысленно молитвы.

В дискурсивной практике исихии язык (слово) - это именно символ, указывающий на нечто большее, чем он (оно) непосредственно обозначает. Здесь происходит замещение имени-сущности идеей-волением. Так как идеи-воления как раз и наличествуют не как именуемые сущности, но как нетварные божественные энергидействия, то отсюда и рождается кредо исихазма: соединение с Богом (обожением) не по сущности, а по энергии.

Можно сказать, что "дискурс" исихии — это самоустранение дискурса, ибо тождества имени и сущности недостаточно для достижения соединения с неизменным и непознаваемым сверх (не) - сущим Божеством.

Если внутренние антиномии рационального дискурса указывают на его собственные границы, то исихастская духовная практика указывает на границы не только трансрационального, но и любого дискурса вообще. Внутренним основанием исихазма является дискурсивно неразрешимая антиномия "творящее - сотворенное", и поэтому практику исихии следует понимать как изобретение внедискурсивного способа (культурно-исторической формы) "разрешения" указанной антиномии.

Другим выражением несводимости практики исихии к символизму является то обстоятельство, что трансрациональный тип дискурса вынужден применять присущую знаковости языка орудийность. Отсюда - возникновение так называемой "рациональной теологии" с ее попытками логических доказательств онтологической необходимости существования Бога.

В этой связи показателен библейский миф о Вавилонской башне (Быт.11;1-9). Когда Бог решил разрушить дерзкий замысел людей, он лишил их возможности говорить и понимать друг друга на едином пра-языке. Вместо единого, всеобщего пра-языка возникли разнообразные языковые сообщества, специфический язык которых, определяясь "сподручностью", стал вполне логичным, но утратил онтологичность и потому - общезначимость. Этот миф вполне можно трактовать как переход от языка-символа к языку-знаку.

Проблема антиномии в языкознании

Обратимся теперь к более конкретным проблемам, связанным с антиномиями языка и текста.

Как пишет В. С. Библер, "в языкознании осмысление концепции Н. Хомского (и критика ее в работах Гудмана, Путнама и др.) все определеннее обертывается

теми же антиномиями спора, диалога, как решающей, порождающей речевой стихии"³⁵. Если просто перечислить имена авторов, специально рассматривающих последнюю проблему в контексте речевых "кодов" диалога, отношения "Я - Ты", "Я - Другой" и т.п. (М. Бубер, Г. Марсель, М. Бахтин, Э. Левинас, Ж. Лакан, В. Топоров, Л. Баткин и др.), то становится ясным, насколько "плотно" идея амбивалентности, антиномичности языка и текста вошла в современное языковедческое и философское сознание.

Обратим внимание на известную терминологическую и содержательную трудность, касающуюся вопроса о природе отношений внутри бинарного архетипа. Речь идет о разграничении сфер действия антиномий и парадоксов. В литературе очень часто встречаются случаи синонимичного их употребления, как бы по "традиции", без попытки осмыслить существенно проблемы. Но здесь возникает следующий вопрос. Если, например, реконструкция наиболее значительных семантических парадоксов происходит в форме антиномий, то зачем "удваивать термин" и не стоит ли согласиться, что в случае теоретических затруднений такого рода мы имеем дело именно с антиномиями, поскольку и структура (контрадикторная или контрарная конъюнкция двух теоретических тезисов), и "пафос" (отражение содержательного противоречия) подобных ситуаций полностью укладывается в понятие антиномичности? Интересно, что Х. Карри, категорически настаивая на тождественности понятий антиномии и парадокса, указывает, что существуют парадоксы "в широком смысле слова" (типы парадокса Сколема)³⁶, а А. Френкель и Й. Бар-Хиллел даже проводят последовательную иерархию в классификации антиномий, включая в нее как тради-

³⁵Библер В.С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. М., 1975. С.8.

³⁶Карри Х. Основания математической логики. М., 1969. С.20-25.

ционные теоретико-множественные затруднения, так и антиномии в их логико-гносеологическом статусе³⁷.

Представляется, что те исследователи, которые не отождествляют антиномии с парадоксами, занимают более последовательную позицию. Именно в этом смысле уточняется идея апоретико-парадоксального этапа постановки проблемной ситуации ("модель Зенона"), который, как мы видели ранее, является исходным, начальным в динамике исследования с помощью дискурса антиномий. Как пишет В. С. Библер, "живая вода парадокса обновляет творческую силу разума..., позволяет увидеть скрытые резервы *антиномичности* исходного предмета познания"³⁸. Совершенно очевидно, что идея парадоксальности научного знания является идеей более широкой, обобщенной, нежели те конкретные следствия, которые проистекают из концепции антиномий познания, языка, текста.

Решающим здесь может считаться вопрос о том, каким образом исследователи, посвятившие свой талант анализу антиномических затруднений лингвистического ряда, оценивают роль антиномий сегодня. Весьма показательна в этом смысле точка зрения Г. Х. фон Вригта. "Немногое оказало на развитие современной логики более стимулирующее воздействие, чем открытие в начале века антиномий теории множеств, - пишет он. - Идея существования такого решения проблемы антиномий, что, как только оно будет найдено, парадоксы перестанут волновать логиков, могла казаться естественной в те дни, когда Рассел и Цермело реконструировали соответственно логику и теорию множеств. Сегодня представляется более разумным считать, что антиномии останутся постоянным предметом дискуссии, которая вновь и вновь будет привлекать внимание логиков... Антиномии,

³⁷Френкель А., Бар-Хиллел Й. Основания теории множеств. М., 1966. С.17-23.

³⁸Библер В.С. Мышление как творчество. С.213. (подчеркнуто мной. - М.У.)

насколько мы их знаем, не указывают на какую-либо болезнь или недостаточность в "законах мышления". Антиномии не являются результатом *ложного* рассуждения. Они являются результатом правильного заключения из ложных посылок. И их общая характеристика, по-видимому, состоит как раз в том, что только результат, а именно парадокс, заставляет осознать их ложность"³⁹.

Весьма продуктивной можно считать точку зрения Г. А. Тульчинского. Соглашаясь с одним из авторов концепции "наивной семантики" Х. Херцбергером по поводу неутешительных результатов попыток "изгнать" антиномии и парадоксы из познания, он пишет о том, что "первостепенная задача должна заключаться не в попытках искать и изгонять противоречия и парадоксы или же "решать" их с помощью все более хитроумных специальных технических приемов, а в попытке "спокойного" рассмотрения парадоксов, выявления их внутренней логики, механизмов и принципов. Другими словами, необходим анализ того, как язык порождает противоречия"⁴⁰. Согласно концепции "наивной семантики", парадоксы типа "Лжец" имеют процессуальную, динамическую природу, поскольку определяются "не структурными характеристиками этого утверждения (типа противоречия), а процессом и результатом... семантического оценивания"⁴¹.

В приведенных точках зрения характерны три момента. Во-первых, проблема антиномий не увязывается с какими-то принципиально "болезненными" явлениями человеческого мышления: они признаются в качестве закономерных ступенек познавательного акта. Во-вторых, речь идет о *процессуальности* функционирова-

³⁹Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. Труды. М., 1986. С.449, 482.

⁴⁰Тульчинский Г. А. «Новые» теории истины и «наивная» семантика // Вопросы философии. 1986. №3. С.29.

⁴¹Там же. С.30.

ния антиномий в познании, то есть о таком понимании, в котором снимаются традиционные идеи антиномии-проблемы и антиномии-истины. В-третьих, достаточно четко различаются сферы применения понятий "парадокс" и "антиномия" ("противоречие").

Следует отметить, что существует достаточно апробированный критерий различения парадоксов и антиномий, который почему-то редко применяется на практике. "Объем" парадоксальной ситуации включает в себя все те проблемы, в которых речь идет о принципиальном несоответствии *разных* уровней познания, например, эмпирического и теоретического, рассудочного и разумного. "Парадоксальность" как раз и оказывается самой обобщенной характеристикой несоответствия такого рода. В случае же антиномической ситуации речь, как правило, идет о несоответствии проблемных тезисов (то есть тезиса и антитезиса) *одного* уровня. Несоответствие между ними характеризует не осмысленную на данном этапе ситуацию внутри либо теоретического, либо эмпирического знания (либо "практического", либо "чистого" разума). Понятно, что первоначальное описание антиномической ситуации может производиться в форме парадокса, поскольку реконструкция конкретной антиномии часто не может быть выполнена "по заказу". Однако процессуальность проблемной ситуации позволяет в конечном итоге такое разграничение провести, что, в частности, и дает возможность говорить о природе и специфике антиномического дискурса.

Антиномии, возникающие в языке, как правило, оцениваются как принципиально дискретные образования, поскольку речь в них идет об определенной словесной конструкции, с трудом могущей претендовать на адекватное выражение непрерывности мыслительного процесса. Однако в реальном языковом пространстве это "неудобство" редко является камнем преткновения, принципиально непреодолимой ступенью. Подтверждение этому мы находим в конкретных лингвистических исследованиях, для которых "языковая игра" с антино-

мическими проблемами оказывается весьма продуктивным элементом смыслообразования и смыслопорождения.

В знаменитой "Логике Пор-Рояля" А. Арно и П. Николь приводят рассуждения, основанные на том, что дилемма — это "сложное умозаключение, в котором, разделив некое целое на части, утвердительно или отрицательно заключают о целом то, что заключили о каждой части"⁴². Языковые коннотации, возникающие в этом случае, носят антиномический характер и говорят, скорее, о дискретных особенностях языка, чем о процессуальной его природе. Например, в аристотелевском примере из "Риторики" ("Рит." II, 23-24) говорится: если будешь поступать правильно, обидишь людей; если будешь поступать неправильно, оскорбишь богов. Следовательно, не должно вмешиваться в государственные дела. Но с другой стороны: если будешь руководствоваться извращенными человеческими законами, угодишь людям; если соблюдать подлинную справедливость - будешь угоден богам. Следовательно, надо вмешиваться в общественные дела⁴³.

Подобного рода затруднения, хорошо известные со времен софистов и Аристотеля, послужили одной из причин создания теории семантической информации, основные контуры которой были очерчены К. Поппером в 30-е годы XX в. Ее исходную посылку, как считает Я. Хинтиikka, можно охарактеризовать как одну из версий уточнения идеи о том, что "получение информации приравнивается к устранению неопределенности". Во многих ситуациях, а, вероятно, и в большинстве из них, "вполне мыслимо составить исчерпывающий перечень любых различных альтернатив или возможностей, которые могут быть описаны в рамках некоторых средств выражения. В этом случае любое утверждение, сделанное в рамках этих средств, окажется согласующимся с

⁴²Арно А., Николь П. Логика, или Искусство мыслить. М., 1991. С.232.

⁴³Там же. С.233-235.

некоторой из таких базисных альтернатив и исключаящим другие альтернативы"⁴⁴.

Легко заметить, что в обоих приведенных выше рассуждениях (хотя между ними пролегает почти три столетия истории логики) обозначается способ выявления *базисных* альтернатив, на основе которых возможен продуктивный переход к одному из способов разрешения антиномической ситуации.

Интересно проследить, каким образом идея бинарного дискурса входит непосредственно в современную лингвистику. Для этого обратимся ко взглядам классиков языкознания - В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра.

По Гумбольдту, которого особенно волновала проблема природы языка, получается, что "начиная со своего первого элемента, порождение языка - синтетический процесс, синтетический в том подлинном смысле слова, когда синтез создает нечто такое, что не содержалось ни в одной из сочетающихся частей как таковых"⁴⁵. Кроме того, "поскольку синтез...- не качество и даже, собственно, не действие, но поистине ежемгновенно протекающая деятельность, постольку для него не может быть никакого обозначения в самих словах, и уже одна попытка отыскать такое обозначение свидетельствовала бы об ущербности синтетического акта ввиду непонимания его природы. Реальное присутствие синтеза, - продолжает Гумбольдт, - должно обнаруживаться в языке как бы нематериальным образом; мы должны понять, что акт синтеза, словно молния, прежде чем мы это заметим, уже успевает озарить язык и, подобно жару из каких-то неведомых областей, сплавляет друг с другом подлежащие соединению элементы"⁴⁶. Процессуальная, "невидимая" природа синтетического акта у Гумбольдта, таким образом, оказывается внутренним

⁴⁴Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. С.183.

⁴⁵Гумбольдт В. фон. Избр. труды по языкознанию М., 1984. С.107.

⁴⁶Там же. С.197-198.

стимулом, энергией самопорождения фундаментальных свойств языка.

Согласно Ф. де Соссюру, в пределах внутренней лингвистики (под последней Соссюр понимает науку о строении и свойствах языка, предметом которой, в частности, является речевая деятельность) можно вычлени- нить два основных понятия, противопоставленных друг другу. Эти понятия составляют собой *основную дихотомию* языка (langue) и речи (parole).

Идея антиномической природы языка, несомненно, является сегодня одной из основополагающих в языкознании, включая вопросы о текстообразовании, порождении понятий и др. Приведем несколько характерных примеров.

Автор обстоятельной статьи, посвященной эволюционной концепции понятия, указывает на один странный феномен, которому сторонники эволюционной концепции не уделяют внимания: если понятия действительно развиваются, то следует полагать, что одновременно с развивающимся понятием и наряду с ним существуют понятия, которые представляют собой его прошлые стадии развития. Далее автор приводит следующий ряд антиномий, которые могут быть построены в теории развития понятий:

- антиномия мыслимого понятия,
- антиномия неverifiedируемости,
- антиномия случайной неизбежности,
- антиномия тождественности вывода,
- антиномия противоречивости предиката и др⁴⁷.

Как мы уже видели ранее при анализе способов разрешения антиномий, дилеммный анализ бывает действительно весьма продуктивен при решении конкретных проблем теории развивающегося понятия. Речь идет о совершенно сознательно используемом приеме заострения проблемы с целью выхода из нее.

⁴⁷Cmorej P. Neradostne dosledky vyvinoveho chaponia pojmov // Filozofia. Br., 1990. Roc.45. C.4. S.387-395.

Так, И. И. Ковтунова приводит детальный анализ разрешения антиномий лирической поэзии. Автор приходит к выводу, что "лингвистический подход к поэтической речи выявил способность поэтических текстов служить позицией нейтрализации грамматических противопоставлений. Значения грамматических форм в поэтической речи скользят по шкале, два полюса которой представляют оппозиции, обычно выделяемые в грамматиках... Поэтическая речь служит сферой активного языкового творчества, проявляющегося в интенсивном развитии и дальнейшем углублении... асимметричного дуализма языкового знака"⁴⁸. Еще более проблематизируя свою мысль, автор в дальнейшем делает такое общее заключение: "В структуре поэтических текстов имеет место сочетание двух полярных начал - высокой степени упорядоченности, организованности и присутствия элементов спонтанной речи. Эта антиномия, предопределяющая синтаксическое строение поэтических текстов, предстает как результат особой коммуникативной природы лирической поэзии"⁴⁹.

В серии сборников под общим названием "Логический анализ языка", подготовленных Российской академией наук в 1980-90 гг; прием антиномического анализа занимает одно из ведущих мест. В исследованиях Ю. Д. Апресяна, Б. А. Борухова, Т. В. Радзиевской и др. авторов рассматриваются самые различные примеры конкретного механизма проявления антиномического дискурса в языке. Так, Т. В. Радзиевской показано, каким образом с помощью антиномического анализа можно выявить основные аномалии текстообразования⁵⁰, а Ю. Д. Апресян детально исследует собственно проблему

⁴⁸Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М., 1986. С.195-196.

⁴⁹Там же. С.197.

⁵⁰Радзиевская Т.В. Прагматические противоречия при текстообразовании // Логический анализ языка. М., 1990. С.148-162.

тавтологических и языковых аномалий⁵¹. Антиномический способ задания проблемы является одним из самых употребительных и в работах крупнейшего современного лингвиста Г. Гийома⁵².

Приведенных примеров вполне достаточно для пояснения ситуации, которая сложилась в современной лингвистике по отношению к проблеме антиномий. Классические идеи В. фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра оказались исключительно ценными, причем идея синтеза, взаимодополнительности противоположных тезисов в структуре антиномий языка являются в современных исследованиях приоритетными.

Интересно, что на отечественной почве уже в XIX и начале XX вв. имелись удивительно емкие по глубине и значению образцы такого рода исследований. Например, разнообразные способы разрешения антиномических ситуаций применялись А. А. Потебней и П. А. Флоренским в их логико-лингвистических исследованиях. Одна из основных идей работы А. А. Потебни "Мысль и язык" заключается в констатации, что "антиномия субъективности и объективности видна не только в том, что язык вообще служит посредником между лицом и миром, но и в том, как именно он усваивает человеку этот мир: в пестром разнообразии чувственных впечатлений мысль открывает законность, согласную с формами нашего духа, и связанное с нею обаяние внешней красоты"⁵³. Строя в дальнейшем целую цепочку ценностно окрашенных антиномий, А. А. Потебня показывает (вслед за В. Гумбольдтом), что антиномичность речи и ее понимания может быть разрешена лишь в единстве человеческой природы, раскрывающейся через единство с Божественным бытием.

⁵¹Апресян Ю. Д. Тавтологические и контрадикторные аномалии // Логический анализ языка. М., 1989. С.18-27.

⁵²Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992.

⁵³Потебня А. А. Слово и миф. М., 1989. С.43.

Подробно анализируя классификацию антиномий языка, созданную В. Гумбольдтом, А. А. Потебней и В. Анри, П. А. Флоренский ставит проблему в более конкретном эмпирико-лингвистическом контексте. И с его точки зрения строение языка противоречиво, оно складывается из антиномий. В конечном итоге "именно противоречивостью этою, в ее предельной остроте, и возможен язык - вечный, незыблемый, объективный. Разум, пречеловеческий *логос* и он же - бесконечно близкий душе каждого, ласково-гибкий в своем приноровлении к каждому отдельному сердцу, всегда индивидуальный, в каждый миг свой, в каждом своем движении - индивидуальность выражающий - поскольку есть что выразить"⁵⁴.

Отметим, что в языке существует особый тип отношений лексических единиц, имеющих противоположные значения, а именно *антонимы*. С точки зрения лингвистики, антонимия представляет собой одну из языковых универсалий: она свойственна практически всем языкам. Исследователи, специально занимающиеся теорией антонимии, как правило, не обращают специального внимания на принципиальную связь, существующую между антонимами и антиномиями⁵⁵. Между тем совершенно очевидно, что антиномические ситуации весьма напоминают не только логику оксюморона, о которой мы уже говорили ранее, но и ситуацию языковой антонимии. В частности, известно, что логическую основу антонимии образуют не противоречащие, а противоположные понятия. Последние делятся на контрарные ("богатый-бедный", "немолодой-старый") и комплементарные, т. е. дополняющие ("конечный-бесконечный", "истинный-ложный"). По мнению

⁵⁴Флоренский П. А. Антиномия языка // Вопросы языкознания. 1988. №6. С.98.

⁵⁵См. Новиков А. А.: Антиномия в русском языке: Семантический анализ противоположностей в лексике. М., 1973; Он же. Антиномия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С.35-36.

Л. А. Новикова, противоречивые отношения не являются специфичными, а тем более единственно возможными в антонимии⁵⁶. Но, как мы уже видели, противоречивая форма выражения антиномической ситуации также не является единственно возможной. Более того, форму противоречия имеет лишь та заостренная ситуация, которую принято называть антиномией-проблемой. На этапах же, предшествующих формулировке антиномии-проблемы (парадокс, апория, альтернатива), часто оказываются более продуктивными именно контрарные (и комплементарные) отношения. Причем логика этой взаимосвязи воспроизводится и в основных способах разрешения антиномий.

Таким образом, с точки зрения лингвистики, процессуальная природа антиномического дискурса вполне может быть описана как осуществленный синтез трех видов отношений - контрарного, комплементарного (дополнительного) и противоречивого. Представляется, что использование этой выявленной нами закономерности позволило бы актуализировать эвристическую роль антиномического дискурса в современном языкознании.

В результате проведенного анализа мы пришли к следующим основным выводам. Во-первых, пространство языка и текста является значимой сферой действия бинарного архетипа в его "некласическом" варианте. Лингвистический поворот, произошедший в философии XX в., во многом связан с нетрадиционной трактовкой многообразных антиномических ситуаций в культуре. Во-вторых, антиномический дискурс не является чем-то "внешним" по отношению к собственно языковым проблемам. Напротив, именно осознание фундаментальной антиномичности основных элементов языковых практик оказало значительное влияние на развитие современной науки. В-третьих, в антиномиях языка и текста определенно содержится специфическая "развертка" различ-

⁵⁶Там же. С.36.

ных ступеней реализации антиномической проблемы, причем основные логико-гносеологические характеристики дискурса (метода) антиномий воспроизводятся и в лингвистическом пространстве. В частности, разграничение сфер применимости понятий парадокса и антиномии позволило уточнить смысл употребления этих понятий в языке науки. В-четвертых, проведенный анализ позволил установить тесную связь, существующую между "классическими" семантическими антиномиями и конкретными ситуациями такого рода, возникающими в языкознании.

Однако проблема бинарного архетипа в "текстологической" проекции XX в. имеет еще один универсальный параметр, связанный с феноменом атактического синдрома в культуре. К анализу этой проблемы мы теперь и переходим.

3. «Атактический синдром» в культуре: От шизоанализа к грамматологии и обратно

Ни к чему выяснять отношения
Между сердцем и головой.
То и это - одною мишенью,
То и это - один Вавилон.

Из поэзии русских бардов XX в.

Из практики психологической науки известно, что необходимой характеристикой здорового человеческого мышления является способность осознавать антитетически заостренную ситуацию не как ситуацию разлома, распада, но как нормальную, а следовательно, преодолимую. Напротив, уже начальными характеристиками психического расстройства следует считать неспособность мыслить антиномию как потенциально разрешаемую, утерю человеком способности к анализу и синтезу. По мнению одного из крупнейших отечественных специалистов по проблеме шизофрении, основным - кардинальнейшим - проявлением последней "является антагонистический синдром, выражаемый, в частности, ...

атактическим (т. е. разорванным - М. У.) мышлением"⁵⁷. Существенным признаком шизофрении можно считать также неспособность больного соизмерять свою точку зрения с противоположной, а также с конкретным действием ("умею мыслить, но не умею действовать" - так сами больные зачастую воспринимают данную ситуацию). Доказано, что основным нарушением психики при шизофрении является наличие неустранимой противоречивости, несовместимости, проявляющихся в качестве стержневого расстройства во всех психических проявлениях больного⁵⁸.

Обзор публикаций по клинике и нозологии шизофрении, имеющих в зарубежной литературе, показывает, что медицинский аспект проблемы является одним из самых сложных и малоисследованных в психопатологии. Объем исследований, нарастающий с каждым годом, а также их направленность свидетельствуют, что клинический диагноз этого вида психического расстройства по-прежнему является одной из загадок психологической науки.

Следует заметить, что "амбивалентное" сознание, свойственное европейской культуре, нельзя отождествлять с синдромом атактического мышления при шизофрении. Феномен бинарного архетипа далеко не всегда несет в себе деструктивное, разрушительное начало: он нередко относится к духовному миру людей, склонных к углубленным нравственным размышлениям и к самоанализу. Более того, феномен диалогического мышления (и это нужно особо подчеркнуть) является стержнем "нормально" амбивалентной личности, поскольку, как говорил М. М. Бахтин, "все сводится к диалогу... Один

⁵⁷Случевский И. Ф. О шизофрении // Шизофрения: Вопросы нозологии, патогенеза, клиники и анатомии. М., 1962. С. 145.

⁵⁸Коченов М. М., Николаева В. В. Мотивация при шизофрении. М., 1978. С. 5-9.

голос ничего не разрешает. Два голоса - минимум жизни, минимум бытия"⁵⁹.

Тем не менее в культуре не бывает ничего случайного. Бурное развитие психоаналитической теории и практики, начиная с первых десятилетий нынешнего века, со всей остротой поставили вопрос о критериях нормальности человеческой психики. Антиномия личности и сверхличностных сил, с одной стороны, антитетика сознательного и бессознательного в человеке, с другой, создают, как полагает Е. М. Мелетинский, предпосылки для "кафкианской мифологии социального отчуждения... "Мифологизируются" не только и не столько внешние, сверхличностные силы, как таковые, и не сам по себе индивид, а отношения между ними"⁶⁰.

"Бинаристский взгляд" позволяет, например, зафиксировать следующий любопытный феномен. Большинство крупнейших психологов и философов XX века начинали свой творческий путь с исследования проблем психопатологии. Даже если не учитывать очевидные примеры такого рода (З. Фрейд, К. Г. Юнг и др.), то бросается в глаза, что К. Ясперс, например, начиная с 20-х годов, публикует серьезные психопатологические исследования, важными разделами которых являются главы о шизофрении. Не обошел вниманием эту проблему Ж.-П. Сартр, начинающий свою раннюю работу "Воображение" систематическим анализом неврозов и психических патологий. Показательны также названия работ М. Фуко, написанные им в начальный период творчества ("Психическая болезнь и личность", 1954 г.; "Безумие и неразумие: история безумия в классический век", 1961 г.; "Рождение клиники: археология взгляда медика", 1963 г. и др.) Не только содержание этих книг, но и са-

⁵⁹Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 434. Подробный анализ теории амбивалентной личности см.: Михеева И. Н. Амбивалентность личности: Морально-психологический аспект. М., 1991.

⁶⁰Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 352.

ма антитетическая формулировка заголовков свидетельствует о многом. Многочисленные примеры, которые можно было бы здесь привести, однозначно свидетельствуют о глубоком "проживании" болезни разорванного сознания в философии и психологии XX века, причем речь идет о сознательном переложении клинического синдрома, свойственного болезни личности, на самые широкие горизонты европейской культуры. Речь идет также и о фиксации процессуальной "болезни к смерти" в скрепах которой, как и предсказывал С. Кьеркегор, оказалось самосознание европейского человека.

Закономерно, что предметом исследования в наиболее значимых работах, как правило, становилась проблема творческого гения, идея инфернального озарения личности. Последовательное проведение мысли о том, что гениальность, гармоничность личности заключается в присущей ей антиномичности, а не в патологической шизофреничности все же "косвенно" дополнялось и прямо противоположными суждениями. То есть говорилось примерно о том же, о чем писал в свое время выдающийся русский философ В. В. Розанов. Он считал, что многие формы гениальности, "приступы" ее, если и не сродни безумию, то безумны в логическом смысле "атактического", "разорванного" антиномизма. Последнее касается не навыка связывать мысли воедино, но возможности "слияния всех чувств" в едином порыве, необыкновенного внутреннего волнения, "пожара" души⁶¹. Способность человека к синтезу в акте творчества — вот тот предел, который не доступен больному шизофренией.

"Ключом" подобного подхода, с явным склонением в сторону смещения идеи психической болезни и творческого озарения, стала одна из самых знаменитых книг европейской науки XIX в. - социально-психологический анализ Ц. Ломброзо "Гениальность и помешательство", имевшая этапизирующий подзаголовок "Параллель между

⁶¹Розанов В. В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 295.

великими людьми и помешанными". При всей неоднозначности приводимых в ней суждений и авторских оценок, она послужила мощным катализатором интереса к этой проблеме.

Укорененность шизофренического эффекта в европейской культуре выразилось, в частности, в возникновении феномена феноменологической психиатрии, одним из основателей которого был К. Ясперс. В поле ее рассмотрения оказались все основные бинарные структуры психологического характера (психоз-невроз, эндогенное-экзогенное, органическое-функциональное и др.) Было установлено, что главным отличием шизофрении от других психических заболеваний является то, что при ней фиксируются патологии, представляющие собой нечто большее, чем просто невроз. Со времени исследований психолога Э.Блейера (именно он ввел термин "шизофрения", т. е. расщепление, раскол личности, в психиатрию) о данной патологии стали говорить не просто как о болезни, но как о специфическом "шизофренном" типе поведения и образе действия. По К.Ясперсу получалось, что шизофрения предполагает особый способ отношения к миру, который можно постигнуть только с помощью аппарата феноменологического анализа. Причем мир "шизофренического переживания" оказывается весьма сходным с миром хайдеггеровского Dasein⁶².

Тем не менее с начала 20-х гг., когда Ясперс опубликовал первую крупную работу по этой теме, он уделял внимание и "традиционному" ее аспекту - исследованию соотношения творческого гения и шизофренического синдрома. Так, в качестве знаменитых "шизофреников" он избрал Стринберга, Ван Гога, Гельдерлина и Сведенборга.

По той же стезе шло творчество К.Г. Юнга, уделившего особое внимание данной теме (его докторская

⁶²Jaspers K. Die phänomenologische Forschungsrichtung in der Psychopathologie. Berlin, 1939. S. 314-328.

диссертация 1902 г. носила знаменательное название "О психологии и патологии так называемых оккультных феноменов"). Представляется, что точка зрения Юнга по этому вопросу является наиболее спокойной, аргументированной и уравновешенной. Прекрасно осознавая тот факт, что безумие мировых войн является закономерным следствием развития европейской цивилизации, культа технического тоталитаризма и кризиса символического сознания⁶³, он уделял особое внимание феномену нового европейского искусства и наиболее ярким его представителям. Вот его показательное замечание по поводу творчества Дж. Джойса. "Мне самому никогда не пришло бы в голову, - пишет Юнг, - относиться к автору "Улисса" как к шизофренику. В любом случае такое отношение не является продуктивным ... "Улисс" - такой же продукт больного воображения, как и все современное искусство. Он является в полнейшем смысле "кубистским", поскольку растворяет образ действительности в необозримо сложной картине, основной тон которой - меланхолия абстрактной предметности... Все это, конечно, очень похоже на то, что мы наблюдаем при шизофрении"⁶⁴. По поводу творчества П. Пикассо Юнг замечает следующее: "...психологическая проблематика, выраженная в картинах Пикассо, аналогична той, что я встречал у своих пациентов... Картины оставляют зрителя холодным или производят на него пугающее впечатление из-за парадоксальной, захватывающей дух и гротескной бесцеремонности. Пикассо принадлежит к этому (т. е. "шизофреническому" - М. У.) психическому типу"⁶⁵.

Вряд ли стоит подробно говорить о том, насколько "больной" является эта тема для отечественной художественной культуры. "Мучительный мир Достоевского, -

⁶³Юнг К. Г. Архетип и символ. С. 17-18.

⁶⁴Юнг К. Г. "Улисс": Монолог // Юнг К. Г. Собр. соч.: В 19 т. М., 1992. Т. 15. С. 166-167.

⁶⁵Юнг К. Г. Пикассо // Там же. С. 195-196.

пишет, например, Ю. Кристева, - ...безусловно более усилен эпилепсией, чем меланхолией в клиническом смысле термина... Примечательно, что настойчивость Достоевского в указании на существование ранних, или по меньшей мере первоначальных страданий в области сознания напоминает фрейдовское положение о врожденной "пульсации смерти", носительнице желаний и "раннего мазохизма"⁶⁶.

Психописьмо (вариантом и одновременно преемником которого можно считать шизописьмо) часто служит модулятором внутреннего напряжения разворачивающегося в ткани художественного произведения действия. Примером такого "внутреннего почерка" может служить ряд произведений М. А. Булгакова (пьеса "Бег", набросок "Великий канцлер", роман "Мастер и Маргарита"). В 6 главе своего романа (со знаменательным заголовком "Шизофрения, как было сказано") автор представляет обращение шизофренической ситуации, когда истинный смысл слов Ивана Бездомного (истинный в прямом значении этого слова!) воспринимается окружающими как бред. Поэтому диалог героя с врачом (с точки зрения читателя) сводится к тому, что диагноз шизофрении ставится не по смыслу слов испытуемого, а исключительно по порядку его действия. Причем в этом ракурсе даже вполне понятные в "нормальной" ситуации словосочетания приобретают вид шизофренического бреда ("у Грибоедова", "поспешили в ресторан к Грибоедову", "ах да, да нет")⁶⁷. В 11 главе с не менее характерным заголовком "Раздвоение Ивана" ситуация абсурда доходит до своего апофеоза, поскольку в добавок к шизописьму вступает в свои права письмо автоматическое, которое не в силах выразить простейшую мысль героя. Например: "Заявление. Вчера вечером я пришел с покойным М. А. Берлиозом на Патриаршие пруды..."

⁶⁶Кристева Ю. Достоевский, Писание страдания и прощения // Постмодернизм и культура. М., 1991. С. 82.

⁶⁷Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. СПб., 1993. С. 210-217.

Или: " ...с М. А. Берлиозом, впоследствии покойным"; "Берлиозом, который попал под трамвай, не композитором". В конце концов "Иван все зачеркнул и решил начать сразу с чего-то очень сильного, чтобы немедленно привлечь внимание читающего, и написал, что кот сидел в трамвай"⁶⁸.

Высокая трагедия булгаковского романа, помимо огромного напряжения философско-художественных смыслов, несет в себе удивительно точный анализ смысла шизоситуации в культуре, когда исповедальное слово героя (это касается не только поэта Бездомного) "срывается" в бред, и эта граница оказывается непреодолимой: человек так и не может проговорить сокровенное, тайное. Попытка спрятаться за предвзятое слово проповеди приводит к срыву, внешние атрибуты которого вполне вписываются в клинический диагноз шизофрении.

Шизоаналитический синдром вводит нас в поле притяжения амбивалентного сознания, как архетипического свойства культуры. "Шизоэффект" прочно укоренился в различных пластах европейского самосознания, причем выйти за его пределы оказывается чрезвычайно трудно. В этой ситуации у человека есть три основные возможности. Во-первых, можно обратиться к внешнему авторитету, что означает акт полного самоотречения. Во-вторых, за человеком сохраняется право выступать в качестве такого авторитета для самого себя. Это кьеркегоровское "или-или" чаще всего разрешается в третьем пути, а именно в антиномическом выборе без выбора. Человек организует свою жизнь в ауре компромиссных ценностей и, следовательно, живет в ситуации актуальной самопротиворечивости. Пересмотр же жизненных ориентаций и уход в зону одной из полярностей всегда грозит вылиться в жест шизофренического философствования. Абсолютный авторитаризм является одним из вариантов такого ухода.

⁶⁸Там же. С. 252-255.

Возникновение культуры постмодерна (первые работы по философии постмодернизма появились в начале 70-х годов), по-видимому, связано не только с продолжающейся имитацией "конца истории" и "смерти Бога", но и с глубоким переживанием нарастающей "шизофреничности" социального бытия. Основные концептуальные идеи постмодернистической философии чаще всего определяются в качестве прямой альтернативы классическому типу культуры. Если для собственно культурологических идей и для художественного творчества связь с традицией начала века (модернизм) достаточно очевидна, то философия постмодерна чаще всего воспринимается как ясное и несомненное отрицание всех и всяческих традиций, включая сюда и "неклассическое" знание начала века. Это принципиальная установка, а не внешняя аура эпатазирующего сознания, "прочувствованная" и воспринятая постмодернизмом. Гений отвержения, маскирующийся в расслабляющую лень мысли, на самом деле становится камертоном и модулятором постмодернистической идеи.

По-видимому, есть два существенных момента, не вписывающихся в подобное "самопонимание" постмодернизмом самого себя. Во-первых, это существование в современной культуре так называемых "региональных постмодернизмов" (французский постмодернизм, русский постмодернизм и т. д.). Зачастую все это дополняется религиозными (конфессиональными) различиями и разладами. Во-вторых, сам язык постмодернистического отрицания - в полном, кстати, соответствии с принципом деконструкции - "центрирует" смысловые значения используемых понятий как понятий вторичных, уже бывших в философии. При внимательном рассмотрении деконструктивистские практики очень сильно напоминают гегелевскую идею "поглощения" одной противоположности другой в процессе разрешения противоречия.

Возникновение постмодернизма на славянской (в частности, на русской) почве как бы продолжило многодесятилетнюю паузу недеяния: провал живой и свобод-

ной мысли трансформировался в удобное ложе постмодернистических установок. Очевидной стала не всеобщая усталость культуры, а неразвитость, незавершенность классических традиций, "непрожитость" этого духовного опыта. "Леность" и укоризна, исходящие от постмодернизма дали возможность еще раз, уже в нетрадиционно-гротесковых формах (например, "взрыва" культуры андеграунда) пережить смертоносную паузу культуры, возродить "гоголевское письмо" и удивиться (в который уже раз!) его живучести. Произошел не просто слом письма, выражением которого стал, например, жгучий интерес к проблеме телесности (опыт, пережитый западной культурой гораздо раньше), но и слом псевдоэтических установок, в которых соседствуют постмодерн и православие, Ницше и Ленин, Хейзинга и неосталинизм. Этот слом находит выражение во всем: и в лихорадочных устремлениях к религии, и в отчетливом желании быть "самым патриотичным" из всех патриотов, и в упорном нежелании отказаться (или же, что то же самое, как можно скорее отказаться) от симулякров и мумий власти. Философия постмодерна фиксирует парадокс "конца истории" определенной культуры, в рамках которой, согласно точному замечанию У.Эко, ею же самой выработан такой метаязык, который описывает ее собственные тексты.

"Текстуальные стратегии" постмодернизма фактом своего формирования во многом обязаны основной философско-культурологической оппозиции, в которой динамика антиномического дискурса проявляется в полной мере. Речь идет об оппозиции "шизоанализ - психоанализ", открытием которой мы обязаны творчеству Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

Ж. Делез, продолжая тему К. Г. Юнга, называет художников "клиницистами цивилизации", оценка симптомов болезни которой вполне может совершиться в тексте романа или другого произведения искусства. В одной из своих программных статей, посвященной сравнительному анализу творчества Л. Кэрролла и

А. Арто, Ж. Делез пишет, например: "...безумный может создать великий поэтический шедевр, не прекращая при этом быть безумным"⁶⁹. Тем не менее самое главное — это уметь найти различие между смещениями смыслов, скрытых за поверхностным сходством. Это различие, продолжает Ж. Делез, выражается в разных функциях и глубине видимого абсурда, а также в специфике тех языковых коннотаций, которые используются большим человеком и "гением". С точки зрения А. Арто, Л. Кэрролл решает вопрос о специфике "странностей" приключений Алисы как "извращенец, который все сводит к созданию поверхностного языка... Игры Кэрролла кажутся Арто ребяческой забавой"⁷⁰.

Ж. Делез полагает, что техника работы, проявленная А. Арто при анализе произведения Л. Кэрролла, сродни "дурному психоанализу". Причем в данном случае (как и всегда) "психоанализ обманывает наши надежды... Он малопригоден как в клинической психиатрии, так и в критической литературе". Между тем "Кэрролл... как раз предстает мастером (топографом) поверхности. Благодаря ему, мы хорошо знаем то, чего никогда не смогли бы представить себе"⁷¹.

Обоснование концепции шизоанализа в совместном трехтомном труде "Капитализм и шизофрения" Ж. Делеза и Ф. Гваттари (последний из них был, кстати, известным психологом психоаналитического направления) стало одним из значимых событий культурной ситуации 70-80 гг. Принципиальное противопоставление шизоаналитического бессознательного (сплошь заполненного "машинами желания") бессознательному психоаналитическому составляет стержень этой концепции. Причем, как считают авторы, "психоанализ - вещь прекрасная, но с самого начала принимает дурной оборот...

⁶⁹Deleuze G. The Schizophrenic and Language: Surface and Depth in Lewis Carroll and Antonin Artout // Textual Strategies. P. 279.

⁷⁰Ibid. P.292.

⁷¹Ibid. P. 294-295.

Идеализмом в психоанализе мы называем всю систему наложений и редукций в теории и практике... Психоанализ остался глух к голосу безумия"⁷².

Шизоанализ, следовательно, отличается от психоанализа, по замыслу его создателей, качественным "материалистическим наполнением". Принципиально сохраняется в нем идея классового подхода, правда, весьма своеобразно выраженная: последний подчиняется "логике желания". По мнению наших авторов, классовый анализ ограничивается подсознательным интересом, тогда как желание (и возможность его "экономии") относится к более глубокому бессознательному пласту. В анализе Делеза и Гваттари буржуазия имеет своим оппонентом не пролетариат, а некую "группу в слиянии", или "наличного шизофреника".

Делез и Гваттари переосмысливают одну из традиционных оппозиций классического психоанализа - оппозицию между неврозом и психозом. С их точки зрения, принципиальной разницы здесь нет, поскольку единой является их причина, а именно "производство желания", ибо "оно является завершающей причиной психотической субверсии, наносящей сокрушительный удар Эдипову комплексу, а также... сопутствующим ему невротическим резонаторам"⁷³.

Внутренняя антиномичность основных понятий шизоаналитической концепции ("машина желания", "производство желания", "тело без органов", "деэдипизация", "детерриторизация"), с помощью которых ее авторы вторгаются в русло классического психоанализа, приводит к двойному парадоксу. С одной стороны, генеральная антиномия шизоаналитического и психоаналитического дискурсов задают определенное поле напряжения, видимость "схватки" за право чтения текста

⁷²Капитализм и шизофрения: Беседа... с Жилем Делезом и Феликсом Гваттари // *Ad Marginem*: Ежегодник. 1993. М., 1994. С. 396-398.

⁷³Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edipus: Capitalism and Schizophrenia*. New York: Viking Press, 1977. P. 66.

культуры; с другой - антиномичными оказываются все основные интенции самого шизоанализа. Разоблачая "империализм Эдипова комплекса", авторы полагают, что он является "идеей зрелого параноика", в воображении которого воспроизводится вся гамма проблем отношений между отцом и ребенком, причем здесь происходит своеобразная "мультипликация" отцов и детей, когда отец ребенка сам является ребенком своего отца и т. д. В принципе, путь Эдипова комплекса — это постоянное "смещение", движение к сумасшествию⁷⁴.

Свое отношение к концепции З. Фрейда, Ж. Делеза и Ф.Гваттари резюмируют в знакомой схеме бинарного противопоставления, говоря о том, что в принципе существуют два типа (две интерпретации) бессознательного - шизоаналитическая и психоаналитическая. В этой связи они выстраивают целую систему оппозиций:

шизофрения - невротический Эдипов комплекс,
конкретность - символическая форма,
машинация - структуральность,
мир микрофизики - мир "укорененный" (статический),
материальность - идеологичность,
продуктивность - экспрессивность и др.⁷⁵

Вывод, который делается о смысле противопоставления шизоанализа психоанализу, носит еще более острожно антиномический (в прямом, тезисно-антитезисном смысле) характер: "Мы могли видеть, - пишут авторы, - что негативные уроки шизоанализа не могут не быть насильственными, жестокими: разрушается (de-familiarizing) интимный мир человека; Эдипов комплекс; комплексы кастрации и "театра без дверей"; мечты и фантазии; производится декодировка и детерриторизация. Лечение ужасное... Но всему свое время"⁷⁶.

⁷⁴Ibid. P. 274.

⁷⁵Ibid. P. 382.

⁷⁶Ibidem.

Таким образом получается, что предполагаемый выход за пределы классических типов рациональности (в отношении оппозиции психоаналитической и шизоаналитической концепции) не состоялся. Борьба с бинарными оппозициями, так характерная для различных проявлений постмодернистического поиска, лишь по-новому ставит эту проблему, находясь тем не менее в скрепах антиномического движения.

Подтверждение этому можно найти в попытках определить рамки постмодернистской культуры с точки зрения ее отношения к модернизму. Приведем лишь несколько выдержек из этого списка оппозиций:

Модернизм - постмодернизм
цель - игра
мастерство/логос - исчерпанность
дистанция - участие
жанр/границы - текст/интертекст
чтение - письмо
симптом - желание
паранойя - шизофрения⁷⁷.

Традиционная антиномическая оформленность этого списка (который здесь приведен далеко не в полном виде) наводят на мысль о тех новых культурных формах антиномического дискурса, которые, возможно, определяют не только синхронический, но диахронический срез его функционирования в культуре XX века. Действительно, вряд ли можно отрицать влияние культуры начала XX века на художественные, нравственные, правовые интенции века XX в его завершающей стадии. Серебряный век русской культуры, например, рассмотренный в призме антиномического "регистра", окажется не менее значимым для развития культуры, чем постмодернистические штудии на русской почве.

⁷⁷Постмодернизм и культура: (Материалы круглого стола)// Вопр. философии. 1993. № 3. С. 5.

Антиномический дискурс как бы "стягивают" воедино разновременные парадигмы культурного бытия.

В общем, здесь есть над чем задуматься. Представляется, что иллюзии полной исчерпанности языка антиномий (то есть заостренной вариации бинарного архетипа) вряд ли оправданны. В подтверждение этой точки зрения рассмотрим еще один вариант "разоблачения" классического рационализма в рамках постструктуралистских и постмодернистских установок. Имеется в виду "грамматологический проект" нелинейного письма, автором которого является французский философ и литературовед Ж. Деррида.

Выражения "дискурс" ("философский дискурс"), "философская грамматика" и т. п. в какой-то мере можно считать метафорическими. То, что философия не сводится к дискурсу, можно пояснить на примере понятия "деконструкция", философской интерпретацией которого мы обязаны Ж. Деррида. Деконструкция представляет собой модель "трансцендентального переворота" в философии. В этом смысле проект деконструкции напоминает идею, выраженную Э. Гуссерлем в понятиях "феноменологическое эпохе" и "феноменологическая редукция". Деррида полагает, что проект Гуссерля практически не состоялся, поскольку основания языка находятся за пределами повседневного его употребления. У самого Гуссерля эта ситуация проявилась в том, каким способом он пытался разрешить обнаруженную в результате операций эпохе и трансцендентально-феноменологической редукции антиномию интенциональности (или конструируемой предметности) и экзистенциальности (или онтологической укорененности самого сознания).

Деррида, вводя понятие деконструкции (в качестве смысловой инверсии хайдеггеровской "деструкции"), не мог не видеть ограниченности такого способа обоснования и поэтому попытался спасти трансцендентализм на материале (и посредством) дискурсивных практик. Как

отмечает сам Деррида,⁷⁸ в ту пору интеллектуальной жизни во Франции господствовал структурализм, и принцип деконструкции (исходя из его этимологии) как будто бы функционировал в том же русле. Но это был не столько структуралистский, сколько антиструктуралистский культурный "жест".

По Деррида, деконструкция не есть анализ, критика или же регрессия к какому-то простому элементу (или же неразложимому основанию). Деконструкция — это "некое событие, которое не дожидается размышления, сознания или организации субъекта"⁷⁹.

Какой же смысл является наиболее существенным в интерпретации идеи деконструкции, как части грамматологического проекта Деррида?

Когда он говорит о деконструкции как о событии, которое не дожидается размышления, сознания и организации субъекта, то имеет в виду существо всякой мысли и всякого философствования. Движение мысли философа проистекает во многом из задачи непримиримой борьбы с бинарными оппозициями. Здесь он как бы продолжает тему Ницше, который также считал, что тактика бинаризма есть наше субъективное желание "упростить" мир до схемы. Техника деконструкции чем-то напоминает фрейдовскую концепцию речевых ошибок, то есть на самом деле речь здесь идет о возможности прорыва сознания на "волне" срыва речевых символов. Дополненная непримиримой критикой логоцентризма во всех его вариациях, идея деконструкции действительно предстает в качестве принципиально нового подхода к анализу культурного бытия.

Однако здесь можно сделать по крайней мере три существенных замечания.

Во-первых, критика бинарных оппозиций (в частности, при интерпретации концептуального понятия Dif-

⁷⁸Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопр. философии. 1992. № 4. С. 55.

⁷⁹Там же. С. 56.

ferance М. Хайдеггера - Ж.Деррида) совсем не устраняет бинаристских структур из мышления самого Ж. Деррида. Например, одно из наиболее продуктивных (и одновременно эпатажных) понятий - понятие фалло-гоцентризма представляет собой сознательную комбинацию двух элементов: логоцентризма и фаллоцентризма (доминирование логического и мужского начал в культуре). То же самое можно сказать о чрезвычайно красивых идеях фармакона (яда / противоядия) и диссеминации (единство "знака" и "семени") или даже о самой манере работы Ж. Деррида с кантовскими и гегелевскими текстами. Понятие архи-письма является у Ж. Деррида результатом деконструкции бинарной пары письмо / голос (то есть фактически их антиномическим единством-противопоставлением). Последняя идея, в свою очередь, появляется на основе одной из самых известных инверсий смысло-чтения в интерпретации французского философа, а именно инверсии "Differance-Différence", не вербализуемой "фоноцентрическим", голосовым, методом. Антиномическая нагруженность этой инверсии очевидна: "различАние" и "различЕние" (не вполне адекватное, но наиболее "зримое" представление-перевод этой инверсии на русский язык) фиксируют языковую неразличИмость полярных символов в культуре. Звуковая (и одновременно непроизносимая) модуляция фактически означает некий "провал", "трещину", "паузу" культуры, которые олицетворяют непреодолимый антиномизм культурного бытия.

В общем, Ж. Деррида, как философ, работает во вполне "классическом" стиле, изначально достаточно самоироничном, что может быть, раскрывает новую грань "души" антиномического дискурса. Позиция французского философа по отношению к классическому *cogito* чем-то очень напоминает проанализированную нами ранее позицию Ницше.

Во-вторых, следует учитывать, что если мы говорим о деконструкции, то надо вводить и понятие само-деконструкции. Анализ речевых (и текстологических)

практик "деконструктивистского ряда" показывает, что очень часто сами деконструктивисты "проговаривают" собственное дихотомическое отношение к речи, голосу, письму. Трудно назвать это издержками стиля. Скорее следует говорить о неявной, бессознательной работе антиномического дискурса в речевых практиках его оппонентов. Впрочем, в чуть ироничном объяснении самого Ж. Деррида, "деконструкция логоцентризма - дело куда более медленное и сложное, и, конечно же, нельзя просто говорить: "Долой!". Я, - продолжает Ж. Деррида, - люблю язык, люблю логоцентризм. ...Логоцентризм — это европейское, западное мыслительное образование, связанное с философией, метафизикой, наукой, языком и зависящее от логоса"⁸⁰. Можно вспомнить и недавнее высказывание Ж. Деррида в ходе лекции, прочитанной в С.-Петербургском университете в марте 1994 г. "Я, - сказал философ, - вполне признаю парадокс, антиномию и апорию языков национализма, поскольку источник национализма - в языке".

И в-третьих, необходимо прислушаться к высказыванию одного из молодых петербургских философов, рано ушедшего из жизни. "Пафос деконструкции, - писал он, - заключается в выведении созданий и создателей культуры, каковыми являются тексты и их творцы, из их замкнутости и открытии перед ними пространства возможностей. При этом не дается никаких гарантий и готовых ценностных ориентиров. Сама деконструктивистская герменевтика на каком-то своем этапе таит опасность "дикий деконструкции", низвержения всех ценностей и смыслов культуры"⁸¹.

Таким образом, на примере грамматологического (деконструктивистского) проекта философского дискурса мы увидели, что он выражает достаточно сложные и

⁸⁰Беседа с Жаком Деррида // Ad Marginem: Жак Деррида в Москве. М., 1993. С. 168-171.

⁸¹Дорохов Ю. М. Деконструкция и поэтика психоанализа // Ступени. 1991. № 1. С. 36.

противоречивые тенденции развития современной культуры. Путь "от шизоанализа к грамматологии" оборачивается в конечном счете опасностью собственного противоположения, когда "пауза недеяния", оформляющая ситуацию постмодернизма, грозит превратиться в разлом "логоцентрического тела" европейской культуры.

Антиномический дискурс в этом смысле выполняет роль индикатора уровня проблемности и "дикости" возникающего поворота в культуре. Его философские, а также этимолого-лингвистические инверсии совсем не снимают проблемы как таковой: бинаристские тенденции в европейском мышлении по-прежнему занимают достаточно прочное место, и какова будет их судьба в дальнейшем - на этот вопрос, возможно, даст ответ только грядущий век.

Подведем итоги этой части исследования.

Мы выяснили, что антиномический дискурс в европейской философии конца как в конце XIX в. так и в XX в. продолжает играть роль своеобразного интегрирующего фактора, развивающего и "совершенствующего" алгоритм бинарного архетипа в культуре. В то же время постепенно происходит существенная смена координат в понимании природы бинаризма, определяемая попытками переосмысления классического типа рациональности.

Тем не менее основные параметры применения бинаристского дискурса в философском мышлении остаются постоянными. Идея антиномий не становится ни менее "напряженной", ни менее распространенной в культуре. Напротив, антиномизм "проглядывает" практически сквозь все основные типы философствования в XX в.

То новое, что вносится в понимание бинарных отношений в "неклассический" период его развития, заключается в следующем.

Во-первых, они перестают быть предметом лишь логико-философской рефлексии. Сфера их проявления в

культуре обретает более широкие горизонты, затрагивая собой все поле культурных смыслов.

Во-вторых, отчетливо проявляется инверсия проблемы, которая выводит ее на пограничье культурных парадигм, в зоны маргинальной работы дискурса. Это становится возможным по той причине, что идея антиномизма приобретает выраженный *семиотический* контекст, органически вписывается в текстуальные стратегии философского мышления XX в.

В-третьих, становится очевидным тот факт, что антиномический дискурс предрасположен к "срыву" в сторону атактического, болезненного мышления, выражая самым фактом своего присутствия в культуре те катастрофические изменения, свидетелем которых становится человек в XX в. В частности, можно констатировать, что проблема антиномий существует в своеобразном "эйнштейновско-боровском" пространственно-временном континууме, определяемом неклассическими интенциями философии, науки и культуры.

Таким образом, бинарный архетип обретает новое наполнение, причем часто окрашивается в трагические тона "разорванного" антиномизма. Вместе с тем неклассические модели антиномического мышления демонстрируют углубление сфер его применимости в культуре, позволяют поставить вопрос о существовании принципиальных *границ* такого применения.

Для того, чтобы определить, имеет ли смысла вообще говорить о таких границах, мы обратимся к нетрадиционным сферам "работы" бинарного архетипа в культуре, чему и будет посвящена третья часть учебного пособия.

Дискуссии о мировоззрении в немецкой философии в конце XIX — начале XX столетий

А. А. Львов

Понятие мировоззрения (*Weltanschauung*) сформировалось прежде всего в немецкоязычной философской культуре, причем как минимум в два этапа. Во-первых, возникновение его относят к эпохе немецкой классической философии, а его автором принято считать Иммануила Канта. Во-вторых, именно на рубеже XIX—XX веков это понятие концептуально обогатилось, благодаря трудам В. Дильтея, М. Шелера, К. Ясперса, М. Хайдеггера и другим авторам. В предлагаемой статье анализируется возникновение и развитие понятия *Weltanschauung* в немецкой философии от И. Канта до М. Хайдеггера. Благодаря аналитическому методу можно выявить наиболее существенные положения в аргументации указанных авторов, касающиеся мировоззрения как необходимого элемента философского учения о человеке и даже цели философствования.

Вместе с тем описаний различных точек зрения недостаточно для уяснения характеристических свойств мировоззрения как одного из важнейших понятий в философии на излете столетий. Думается, что для этого рассмотренные дискуссии уместно не только вписать в историко-философский контекст, но и показать их место в истории идей, сопоставив с ценностными учениями и мировоззренческими установками ведущих естество-испытателей и философов природы конца XIX в. Важно отметить, что стремление представить аксиологические разработки разделяли не только представители движения философии жизни, но и научной философии — главным образом последователи неокантианцев и философов-позитивистов.

В конце статьи приводятся некоторые выводы, которые касаются выявления наиболее существенных черт мировоззрения как философского проекта и эпистемологических исканий мыслителей указанной эпохи. Выяснилось, что этот проект решался в двух основных своих аспектах: во-первых, в отношении положения человека в мире, его качественного отличия (или отсутствия такового) от иных форм живого; во-вторых, в отношении его онтологической и гносеологической связи с этим эмпирическим миром как самостоятельного, автономного субъекта.

Ключевые слова: мировоззрение, Weltanschauung, философия жизни, Lebensphilosophie, философская антропология, эпистемология, история немецкой философии, натурфилософия, Weltanschauungslehre.

The Discussion of Weltanschauung in German Philosophy in the end of XIX — beginning of XX century

Alexander A. Lvov

The concept of world-view, or Weltanschauung, had been formulated in primarily German-speaking philosophical culture, and it is reasonable to distinguish two stages here. Firstly, it has become a commonplace to connect its appearance with the classical German philosophy and it was Immanuel Kant who coined it. Secondly, at the turn of XIX—XX centuries, this concept enriched its content due to the works of Wilhelm Dilthey, Max Scheler, Karl Jaspers, Martin Heidegger and other authors. In the paper we will analyze the occurrence and development of Weltanschauung in German philosophy from I. Kant to M. Heidegger, applying analytical method. It is thanks to analysis that we will be able to demonstrate the most considerable points in the authors' arguments, which concern the concept of world-view as a mandatory element of the philosophical doctrine of man and even the goal of philosophizing as such.

At the same time, it is not enough to simply describe different authors' opinions to realize the characteristics of the world-view as one of the most important concepts at the break of the XX century. That is why it will draw a wider picture not only of the context of history of philosophy, but also show their place in the course of the history of ideas; it becomes possible when to match and compare them with the world-view attitudes and values of the leading natural philosophers and scientists of the second part of XX century. It is a fact of high importance that the axiological issues were designed not only by the representatives of the Lebensphilosophie (i.e. the philosophy of life movement), but philosophy qua science, namely the adepts of neo-Kantianism and Positivism.

In the end of the paper we summarize the main ideas and conclude the article with the characteristics of Weltanschauung as a philosophical project and epistemological problem of the distinguished thinkers of that time. Thus, firstly, we see that this project was elaborated as a concert to man's position in the world (generally, cosmos) and their qualitative distinction from nature, or its absence; secondly, as a concern to its ontological and epistemological connection with the given empirical world as an independent, autonomous subject.

Key words: world-view, Weltanschauung, philosophy of life, Lebensphilosophie, philosophical anthropology, epistemology, history of German philosophy, natural philosophy, Weltanschauungslehre.

Введение

Понятие «мировоззрение» (Weltanschauung) традиционно принято связывать с немецкой культурой и немецкоязычным философским тезаурусом. Так, например, Мартин Хайдеггер в работе «Основные проблемы феноменологии» (1927) замечает, что Weltanschauung как слово «... не перевод с греческого или, скажем, латинского. Нет такого выражения, как κοσμοθεωρία. Напротив, это слово специфически немец-

кого чекана, и оно было отчеканено именно в философии» [18, с. 5]. Исследователями установлено, что путь в истории мысли этому понятию проложил Иммануил Кант [24, v. *Weltanschauung*]. Действительно, начиная с его работы «Критика способности суждения» (1791), мировоззрение, то ли в смысле восприятия мира, то ли понимаемое как взгляд на мир конкретного познающего субъекта, оказывается одним из наиболее плодотворных философских концептов конца XVIII—начала XIX столетия. Достаточно сказать, что его активно разрабатывают такие представители немецкой классики, как Шеллинг и Гегель, а уже к 60-м годам XIX столетия оно прочно занимает свое место в словаре передовых интеллектуалов многих европейских стран (например, одним из тех, кто активно пользовался этим словечком в Российской империи был известный критик Аполлон Александрович Григорьев).¹

Однако подлинно философским смыслом оно стало насыщено позже в творчестве представителей «философии жизни» (*Lebensphilosophie*) в конце XIX — начале XX века, главным образом в трудах Вильгельма Дильтея и Макса Шелера, а также Карла Ясперса — мыслителей, впервые принявшихся развивать собственно *философию* (в случае Ясперса — психологию) мировоззрения. Таким образом оригинально продолжалась одна из линий развития собственно кантовского философствования как интеллектуального проекта во всемирно-гражданском плане — в то время как активно действовали и неокантианцы, предпринимая серьезные усилия для обоснования научного духа философии и обнаруживая поддержку международного научного сообщества [3, с. 141]. Попытка обоснования мировоззрения как формы интеллектуального и культурного выражения эпохи, к которой стремился В. Дильтей, оказалась, с одной стороны весьма плодотворной для некоторых его последователей, с другой — лирическим выражением ин-

¹ Об истории этого понятия см. также [1].

дивидуализма, на котором философия не должна сосредоточивать свое внимание.

В предлагаемой статье мы хотели бы, представив оригинальные учения о мировоззрении ведущих авторов конца XIX — начала XX века, осмыслить, в чем именно состояла эпистемологическая привлекательность понятия *Weltanschauung* для представителей различных направлений философской мысли. Для этого мы сосредоточимся на работах И. Канта, В. Дильтея, М. Шелера, М. Хайдеггера и К. Ясперса — поскольку именно у них мы обнаруживаем самобытные подходы к осмыслению этого потенциально плодотворного понятия. Целью статьи является выявить существенные характеристики *Weltanschauungsphilosophie*, которые в сочинениях рассматриваемых нами авторов предстают в качестве характеристических свойств самого понятия мировоззрения.

Что такое Weltanschauung — от Канта к Дильтею

Иммануил Кант был первым, кто ввел понятие «мировоззрение» в философский оборот; так в §26 «Критики способности суждения» (1790) это выражение употреблено (*Weltanschauung*) в смысле наблюдения мира, данного в чувстве, который он называет *mundus sensibilis* (чувственный мир), то есть как простое восприятие окружающего мира. Этот параграф посвящен тому, как определить величину природных вещей, от которой зависит формирование идеи возвышенного. Напомним, что в возвышенном — по Канту — обнаруживается безграничность объекта, его внешнее превосходство над человеком, которое порождает внутреннее противоречие бытия самого возвышенного, и в этом отношении бесконечное представляется великим абсолютно, в сравнении с ним все остальное из величин того же рода мало. Поэтому для того, чтобы мыслить бесконечное как целое необходима сверхчувственная способностью души. В этом смысле созерцания

(Anschauung) не допускает сам этот ноумен,² который оказывается в основании созерцания мира (Weltanschauung) как явления в качестве его подлежащего.³

Таким образом, ноумен бесконечного представляет собой интеллигибельный субстрат [6, с. 93], и мы можем сделать вывод о том, что созерцать мир, в основание которого положен ноуменальный субстрат вполне может только интеллигенция, то есть, синтетическое понимание предмета в единстве его противоположных свойств и тенденций развития. Примечательно, что такая трактовка мировоззрения нашла отклик и у других представителей немецкой классики — та же эта идея представлена во «Введении к наброску системы натурфилософии» (1799) Ф. В. Й. Шеллинга: «Интеллигенция продуктивна двояко: либо слепо и бессознательно, либо свободно и сознательно; бессознательно она продуктивна в созерцании мира, сознательно — в созерцании идеального мира» [20, с. 182]. Схожие направления исследований мы обнаруживаем и у современных авторов: так, например, С. А. Лохов анализирует развитие концепта мировоззрения в немецкой философии начала XX века «с постоянной оглядкой» на произведения Канта [9], а Дэвид Кит Ногель (D. K. Naugle), раскрывая смыслы понятия мировоззрения в сочинениях основателя немецкой классической философии, работает над разрешением двух альтернативных вопросов: «Является ли мировоззрение чем-то рефлексивно установленным (определенным представлением мира) или же оно есть нечто дорефлексивное и, следовательно, менее определенное? Является ли оно представлением мира (мнение, на основании которого конкретный человек или люди понимают мир) или же оно — мир как они получают его из опыта?» [21]

² Заметим, что И. Г. Фихте, например, понимает созерцание как изначально синтез противоположностей — см. [15, с. 219].

³ Интерпретация И. Кантом мировоззрения также рассмотрена в [10].

Однако на рубеже XIX—XX вв. мировоззрение приобретает фундаментальное значение как понятие в философии жизни, неокантианства (особенно марбургского) и феноменологии. Так, Вильгельм Дильтей полагал, что источником мировоззрения является сама жизнь. В своей работе «Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах» он указывает, что жизнь каждого индивидуума творит сама из себя свой собственный мир [2, с. 216]. Из размышлений над жизнью возникает жизненный опыт; то же, экстраполируя, можно сказать и о всех людях на свете — в «неразрывно связанной цепи индивидуумов возникает общий жизненный опыт» [20, с. 216]. Необходимо отметить, что к жизненному опыту относится и строго определенная система отношений, в которой наше «я» связано с другими людьми и предметами внешнего мира. Характерно, что Дильтей не обходит вниманием сформулированную им же «загадку жизни», которая заключается в том, что мышление, направленное на общее и целое, сталкивается в данных опыта с противоречивым образом жизни: «Жизненность и вместе с тем закономерность, разум и произвол; в отдельных частях может быть и что-то ясное, но в целом нечто совершенно загадочное. Душа жаждет объединить эти жизненные отношения и основанный на них опыт в одно стройное целое, но достичь этого не в состоянии. Средоточие всего непонятого составляют рождение, развитие и смерть» [2, с. 218]. Впоследствии Макс Шелер восторженно подхватит экзистенциальную составляющую концепции мировоззрения, выраженную в приведенной цитате, в своем проекте философской антропологии.

Замечательна попытка Дильтея дать закон образования мировоззрений. Мировоззрение не монолитно внутри себя, и, более того, не бывает у всех людей единого мировоззрения. Разумеется, существует некоторый дух времени — витающие в воздухе идеи, которые укореняют коллективное мировоззрение в почве коллективного человеческого опыта. Однако мировоззрение есть

вместе с тем и глубоко личная составляющая внутреннего мира и экзистенциального ориентира каждого человека. Итак, общий закон мировоззрения вполне покартезиански заключается в объяснении непонятного при помощи данного более ясного, причем настроения, бесчисленное множество оттенков в отношении людей к миру образуют подпочву развивающихся на их основе мировоззрений [2, с. 219—220].

Наконец, важно отметить, что Дильтей связывает понятие мировоззрения с понятием картины мира. Все мировоззрения, поскольку они пытаются дать полное разрешение загадки жизни, как правило, построены одинаково: они представляют собой единую стройную систему, в которой на основе единственной картины мира формулируются решения вопросов о значении и смысле мира. Так, он пишет: «Всякое проявление жизни развивается в одно целое, в котором структурно связаны одни и те же отношения к миру. Так и мировоззрения представляют собой правильные системы, в которых проявляется это строение нашей душевной жизни. Основа их есть всегда некоторая картина мира, которая возникает в результате закономерной последовательной работы нашего познания» [2, с. 220]. Отметим здесь, что мировоззрения (а их Дильтей выделяет три религиозное, поэтическое и метафизику [16, с. 36; 5]) являются созданиями мышления. Они не возникают в одной лишь воли познания; они суть результат занятой в жизни позиции, жизненного опыта, всей структуры нашего психического целого. Развитие мировоззрения определяется волей к устойчивости картины мира, оценки жизни, работе воли, вытекающего из ряда ступеней психического развития [2, с. 224].

*Философское мировоззрение
как задача философской антропологии*

М. Шелер в своей работе «Философское мировоззрение» указывает на этот факт в связи с развитием академической немецкой философии: «<...> до недавне-

го времени немецкая философия — в особенности академическая — сама отказывалась строить мировоззрения. Десятилетиями она ограничивалась тем, чтобы быть лишь служанкой позитивных наук, проверяя их предпосылки, методы и цели. Так, философия последней трети XIX в. почти целиком сводилась к учению о познании и душевном опыте. Но точно так же, как философия не может быть служанкой церковной веры, она не может быть и простой служанкой наук» [19, с. 3]. Далее, описывая поражения позитивизма, неокантианства и историцизма, в связи с их отрицанием метафизики, Шелер стремится обосновать особое философское мировоззрение, связанное с выходом в трансцендентное. Более того, он подчеркивает, что у человека нет выбора, формировать ли или не формировать у себя метафизическую идею и метафизическое чувство то есть, поясняет Шелер, идею о том, что именно в качестве сущего, которое существует лишь посредством себя и от которого зависит все иное сущее, лежит в основе мира и самого человека.

Итак, способность ориентироваться в мире, наблюдая и исследуя метафизическое его обоснование, и называется у Шелера философским мировоззрением: «Но философски свободное исследование абсолютного возможно не только потому, что метафизика — всегда нечто реальное. У человека есть также законные средства познания, чтобы осторожно и основательно, в строго очерченных границах познать основу всех вещей — всегда, правда, несовершенно, но истинно и с очевидностью. И точно так же он обладает способностью в ядре своей личности обрести живое причастие к основе всех вещей. Путь к этому должен быть указан» [19, с. 5]. Этот путь пролегает через знание, которое может быть трех видов: 1) знание ради господства или достижений, 2) сущностное, или образовательное, и 3) метафизическое, или знание ради спасения. Ни один из этих трех видов знания не существует только для самого себя, а служит преобразованию сущего — либо вещей, либо образова-

тельной формы самого человека, либо абсолютного. Высшей целью всякого метафизического мировоззрения является установка на мышление и созерцание абсолютно сущего, которое существует посредством самого себя таким образом, что соответствует и вообще соразмерно «найденной в “первой философии” сущностной структуре мира и реальному наличному бытию мира и случайного так-бытия, становящемуся нам доступным в сопротивлении нашему стремлению» [19, с. 10].

Современные исследователи отмечают, что понятие «мировоззренческой философии» было введено в оборот Эрнстом Кассирером, который опирается на кантовское различие школьной и мировой (всемирной) философии, и доказывал, что последнюю Кант понимал именно как мировоззренческую, что и послужило основанием для различения научной и мировоззренческой философии [13, с. 21]. Э. Кассирер также полагал, что предшествующее развитие науки XIX столетия было сосредоточено вокруг одной важнейшей гипотезы: обоснования единства и единообразия природы человека. В конце концов объяснительная сила положительного знания превзошла способности метафизики, однако возник парадокс, связанный с наметившимся в то же время кризисом философского самопознания [4, с. 195]. М. Шелер в своих работах критикует неокантианцев за ту роль, которую они отводят методологии и позитивным наукам в формировании философского знания. Ему важно показать, что философское мировоззрение не просто «метафизика» (кавычки самого М. Шелера), но высочайшая форма знания, приближенного к высшему бытию.

Высшее бытие постигается на основании своих атрибутов: во-первых, сам образующий идеи разум, который сам одновременно формирует сущностную структуру мира и самого человека; и, во-вторых, полагающий иррациональное наличное бытие и случайное так-бытие («образы», как называет их Шелер) иррациональный порыв, который выражает все многообразие и становле-

ние жизни во всех ее различных формах. Каким именно способом это происходит должна показать натурфилософия неорганической и органической природы. Изначально, увеличивающееся взаимодействие указанных атрибутов высшего бытия в этом сообщает наполняет смыслом привычный нам мир, что в свою очередь одухотворяет творческий порыв изначально безответным идеям и высшим ценностям, или, как формулирует этот процесс М. Шелер, обнаруживаются «растущие власть и сила первоначально бессильного, лишь проектирующего идеи бесконечного духа» [19, с. 10]. Здесь уже перед нами разворачивается попытка примирения позиций представителей классической немецкой философии, которые связывали мировоззрение с натурфилософским постижением мира (Шеллинг) и, с другой стороны, с диалектическим развитием самосознания (как это мы встречаем в философии Г. В. Ф. Гегеля). Именно на основании такого примирения, или мы можем сказать *соединения* данных позитивной науки и результатов аксиологических дисциплин, М. Шелер переходит непосредственно к метафизическому, или священному знанию.

Однако, между метафизикой пограничных проблем позитивных наук и метафизикой абсолютного стоит философская антропология. Современная метафизика, с точки зрения немецкого мыслителя, не может более считаться космологией и метафизикой предмета — она становится метаантропологией и метафизикой действия. Бытие человека понимается как микротеоса — именно через него нам дается первый подступ к Богу. Духовная «личность» (кавычки Шелера) человека — не субстанциальная вещь и не бытие в форме предмета. Человек может лишь активно вобрать себя в личность — она понимается как «монархически упорядоченная структура духовных актов, которая представляет собой уникальную индивидуальную самоконцентрацию единого бесконечного духа, в котором коренится сущностная структура объективного мира» [19, с. 13]. Человек в этом

смысле представляется сотворцом Бога, его соратником в абсолютном творческом порыве.

*Хайдеггер и Ясперс:
философская ли проблема — мировоззрение?*

Итак, очевидно, что связь метафизического мировоззрения и проекта философской антропологии в исследованиях М. Шелера неразрывны. Это объясняется, как мы обнаружили в первой главе, тем, что феномен человека начинает переосмысливаться в творчестве уже первых представителей неклассической линии в истории философии — А. Шопенгауэра, К. Маркса, З. Фрейда, С. Киркегора, и Ф. Ницше. Под сильным влиянием работ последних двух проходило становление творчества М. Хайдеггера, сделавшим исходным пунктом своего философствования экзистенциальную аналитику, вот- (здесь-) бытие — Dasein [11 с. 520—525]. Эти же двое, наряду с И. Кантом и создателем «понимающей психологии» Максом Вебером, оказали идейное влияние и на сочинение «Психология мировоззрений» старшего коллеги М. Хайдеггера Карла Ясперса [25, с. 12—13]. Обратимся теперь к их трактовкам понятия Weltanschauung.

Он со своей стороны противопоставляет проект фундаментальной онтологии философской антропологии, тем самым прокладывая еще один путь, по которому идет развитие философской мысли, прошедшей школу феноменологии Э. Гуссерля (1859—1938) (М. Шелер и М. Хайдеггер оба учились у Гуссерля — так же, как и у В. Дильтея).

По М. Хайдеггеру необходимо отмежевать мировоззрение от метафизики по принципу их логического основания. Современные исследователи замечают, что для М. Хайдеггера мировоззрение связано с наукой, с образованием «картины мира» — «конструктом опредмечивающего представления». Наука, и свою очередь, связана с особым типом мышления — калькулирующим, тогда как философия опирается на осмысляющее мышление [13, с. 21]. М. Хайдеггер же указывает, что

философия сама по себе выделяется как форма из мировоззрения, а потому имеет отношение к любому мировоззрению; она может очертить то, что составляет определенное мировоззрение, но сформировать его, учредить новое она не может. Он сам утверждает, что мировоззрение есть, по существу, первая форма и задача философии — при этом мировоззренческой проповедью философию нельзя назвать, как и нельзя ждать от нее этой проповеди [9, с. 31]. Впрочем, у философии и нет такой задачи, ибо она имеет дело с бытием и по существу является наукой о бытии [18, с. 13—18], а мировоззрение является личным убеждением всякого мыслителя, которое приведено в систему и на некоторое время консолидировало несколько приверженцев, самостоятельно впоследствии творящих свои системы [17, с. 453]. Хайдеггер даже связывает само понятие мировоззрения с проповедью, почти идеологией, которая присуща новоевропейской мысли от Декарта до Ницше. Мировоззрение воспряло, распустило свои до тех пор сдерживаемые метафизикой крылья и, полагает Хайдеггер, тем самым ознаменовало становление европейского нигилизма. Примечательно, что власть мировоззрения, по Хайдеггеру, тотальна, и связывается оно как понятие со становлением новоевропейской картины мира [17, с. 243].

Итак, мировоззрение теснейшим образом связано с картиной мира (в чем трудно не усмотреть влияние В. Дильтея), точнее говоря — с миром, который разворачивается перед нами как картина. В своей статье «Время картины мира» Хайдеггер вновь обращает внимание на характеристическое свойство всеобщности и одновременно — дискретности мировоззрения. *Объективность* картины мира означает, что она является представителем новоевропейской цивилизации как особый процесс покорения разворачивающегося перед ним мира. Под картиной в данном случае имеется в виду создание опережающего представления; человек здесь занимает такую точку зрения, оказывается на такой позиции, ко-

торая всему сущему задает меру и предписывает норму [17, с. 72]. По мере совершенствования науки и того, как техника обступает человека и начинает над ним властвовать; по мере того, как моторами заглушают бытие и прежний греческий космос рушится под натиском *второй природы*, которую можно измерить и которой возможно задать необходимые параметры — также в новоевропейском мире происходит борьба мировоззрений, которые поглотили метафизику. И неслучайно поэтому набатом звучат в статье зловещие слова «гигантизм» и «американизм», прочно связанные для М. Хайдеггера как с кризисом, так и со стремлением к полноте новоевропейского субъекта [17, с. 72—73, 86].

Подход к аналитике мировоззрения у К. Ясперса совершенно оригинален. Прежде всего, необходимо отметить, что действует он с позиций широко понятой психологии — в этом он, пожалуй, близок методологии В. Дильтея. К. Ясперс писал эту книгу в 1919 году как итог одного из своих курсов, прочитанных в Гейдельбергском университете, и именно в ней впервые является миру зародыш экзистенциальной философии. Примечательно, что архитектонику своего труда и основной его текст К. Ясперс переработке в дальнейшем не подвергал, считая его вполне законченным очерком мировоззрений [7]. На вопрос о том, что такое *Weltanschauung*, он дает следующий ответ: «Во всяком случае, что-то целое и что-то универсальное. Когда, например, речь идет о знании, это значит — не отдельное знание, а знание как целостное, как космос. Ведь мировоззрение — не просто знание, оно проявляется в оценках, в порядке предпочтения ценностей» [25, с. 1]. И в самом деле, в своем труде он с образцовой систематичностью и искусной структурированностью дает образчики различных картин мира, свойственных различным типам личностей, а также впервые прописывает четыре вида *частных пограничных состояний* на конкретных примерах в ситуациях борьбы, смерти, случайности (*Zufall*) и вины. Ясперс подчеркивает, что ни одна из этих ситуаций не

может существовать без другой, что подчеркивает единство и собранность внутреннего мира человека, наиболее отчетливо выявляющееся в данных конкретных психологически экстремальных положениях. Именно в этих условиях эмпирического мира дает о себе знать человеческая экзистенция [25, с. 227—228].

Весьма любопытно привести здесь суждение и самого К. Ясперса о своей книге — тем более, что оно достаточно точно передает самую суть изложенных в ней идей: «В исторической ретроспективе “Психология мировоззрений” является самым ранним произведением, где излагается та современная философия, которая впоследствии стала называться экзистенциализмом, философией существования. Интерес к человеку, забота мыслящего человека о себе самом, попытка быть предельно честным — вот что задавало тон всему. Здесь затронуты были почти все основные вопросы, которые позднее осознались со всей ясностью и были развернуты во всей широте: вопрос о мире — каков он для человека; вопрос о ситуации, в которой находится человек, и о его пограничных ситуациях, которых он не может избежать (смерть, страдания, случай, вина, борьба); вопрос о времени и о многомерности чувства времени; вопрос о развитии свободы при создании человеком самого себя; вопросы об экзистенции, о пути мистики и пути идеи, и так далее. Однако все эти вопросы были рассмотрены бегло, не в системе. Настрой и замысел книги были более широки, чем то, что удалось сказать» [14, с. 233].

Заключение

Итак, на пороге XIX—XX веков и в первой половине XX века вопрос о мировоззрении уже не стоит как вопрос о понятии, он уже вышел за пределы только формального определения. Метафизический дискурс расширил свои границы и вывел прежде техническое, натурфилософское понятие из области самосознания в область человеческой деятельности. Это закономерно в силу того, что неклассическая линия истории филосо-

фии подвергла радикальному переосмыслению феномен человека и его сложившийся в прежней европейской системе ценностей статус. Отсюда – важнейшие течения периода *fin de siècle*, философия жизни, философская антропология и фундаментальная онтология, развившиеся из проекта феноменологии Э. Гуссерля, а также оригинальные способы решения проблемы мировоззрения, которые предлагают представители этих направлений мысли [9, с. 37].

С одной стороны, постановка вопроса о мировоззрении продолжает быть тесно связанной с границами метафизики; в этом отношении мировоззрение приобретает статус необходимого заключения философского поиска, который призван это мировоззрение сформировать. Но с другой, мировоззрение напрямую соотносится с проектами Нового времени, прежде всего — с галилеевской математизацией знания о мире, который разворачивается перед субъектом как картина. Необходимо подчеркнуть здесь этот визуальный, оптикоцентрический момент, поскольку становление новоевропейского мировоззрения зачастую трактовалось как знак кризиса Европы, европейского нигилизма. Вместе с тем именно положительная наука, а также философствующие представители естествознания (такие, как учитель М. Шелера Ханс Дриш или знаменитый натуралист Эрнст Геккель) также сделали важный вклад в осмысление понятия мировоззрения.⁴ Также весьма симптоматично, что, начиная со второй половины XIX века возникает необходимость в особой идиографической дисциплине — учении о мировоззрении (*Weltanschauungslehre*). Она может быть определена как «наука, которая ставит задачу установить последовательную связь всех тех мыслей, которые используются отдельными науками, также практической жизни практической жизни, для

⁴ Этот «союз» метафизики и положительной науки в решении проблемы метафизики не остался незамеченным и современниками — см. [16, с. 37-38; 8, с. 33-35; 12, с. 168-175].

воспроизведения фактов о человеке» [24, v. *Weltanschauungslehre*]. Большой вклад сюда был сделан позитивистом Е. Дюрингом [22], историком философии Г. Гомперцем [23], Р. Эйслером [26], а также Х. Шмидтом и другими. В этом отношении очевидно, что возникновение мировоззренческих установок как итог становления строгих научных идей и философских учений (все равно, исходили ли они от профессиональных философов-неокантианцев или философствующих естествоиспытателей) оказалось важной приметой времени — времени, которое жаждало ориентиров и требовало сформулировать новые идеалы и ценности взамен уже изжитых аксиологических смыслов.

Таким образом, мы видим, что проект *Weltanschauung* как его понимают представители немецкой философии конца XIX — начала XX века, был решен в двух основных аспектах: во-первых, в отношении положения человека в мире, его качественного отличия (или отсутствия такового) от иных форм живого, во-вторых, в отношении его онтологической и гносеологической связи с этим эмпирическим миром как самостоятельного, автономного субъекта.

Литература

1. Ваганова Е. Г. Языковая картина мира как предмет философско-лингвистического анализа // Идеи и идеалы. 2012. №3(13). С. 3—10.
2. Дильтей В. Типы мировоззрений и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и составитель С. Я. Левит. М.: «Центр гуманитарных инициатив», 1995.
3. Дмитриева Н. А. Философия как наука и мировоззрение: к вопросу о пацифизме в немецком и русском неокантианстве // Логос. 2013. №2. С. 138—154.
4. Залевский А. В. Философия человека: мировоззренческий сдвиг в понимании природы человека //

Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. №4. С. 191—196.

5. *Зотов А. Ф., Мельвиль Ю. К.* Буржуазная философия середины XIX — начала XX века М., 1988. [Электронный ресурс] URL: http://sbiblio.com/BIBLIO/archive/sotov_burjuasnaia/09.aspx (дата обращения: 28.05.2018).

6. *Кант И.* Критика способности суждения // *Кант И.* Сочинения в 8-ми т. М.: Чоро, 1994. Т. 5.

7. *Косилова Е. В.* Ясперс о самоубийстве [Электронный ресурс] URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/os/osilova_3.html (дата обращения: 28.05.2018).

8. *Лапшин И. И.* Философия изобретения и изобретение в философии (Введение в историю философии). М.: Республика, 1999.

9. *Лохов С. А.* Мировоззрение как объект философской рефлексии (И. Кант, М. Хайдеггер, М. Шелер) // Вестник Российского университета дружбы народов (серия Философия) 2003. №1. С. 29—37.

10. *Львов А. А.* Формирование понятия мировоззрения в немецкой классической философии // Вестник Мурманского государственного технического университета 2014. №4 (17). С. 693—697.

11. *Михайлов А. В.* О значении и переводе слова Dasein. // *Хайдеггер М.* Исток художественного творения. М., Академический проект, 2008. С. 520—525.

12. На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение / Сост. П. А. Алексеев. М.: Политиздат, 1990.

13. *Некрасова Н. А., Некрасов С. И.* Мировоззрение как объект философской рефлексии. // Современные наукоемкие технологии. 2005. №6. С. 20—23.

14. *Перцев А. В.* Молодой Ясперс: рождение экзистенциализма из пени психиатрии. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012.

15. *Фихте И. Г.* Основа общего наукоучения. // *Фихте И. Г.* Сочинения в 2 тт. СПб, Мифрил, 1993. Т. 1.

16. Франк С. Л. Борьба за «мировоззрение» в немецкой философии // Русская мысль. 1911. кн. IV. С. 34-41.
17. Хайдеггер М. Время и бытие. СПб, «Наука», 2007.
18. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб, Высшая Религиозно-Философская Школа, 2001.
19. Шелер М. Избранные произведения. М.: Издательство «Гнозис», 1994.
20. Шеллинг Ф. В. Й. Введение к наброску системы натурфилософии, или О понятии умозрительной физики и о внутренней организации этой науки. // Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2 тт. М., «Мысль», 1987. Т. 1.
21. Cannon D. David Naugle on Worldviews [Электронный ресурс] // Tradition & Discovery: The Polanyi Society Periodical, p. 27—31: URL: <http://polanyisociety.org/TAD%20WEB%20ARCHIVE/TAD33-1/TAD33-1-fnl-pg27-31-pdf.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).
22. Dühring E. K. Logik und Wissenschaftstheorie. Leipzig, 1905. 546 S.
23. Gomperz H. Weltanschauungslehre (Methodologie und Noologie). 1905/1908. 2 Bde.
24. Grimm J., Grimm W. Deutsches Woerterbuch. Leipzig, Verlag von S. Hirzel, 1955. 14 Band.
25. Jaspers K. Psychologie der Weltanschauungen. Berlin, Verlag von Julius Springer, 1919. 428 S.
26. Wörterbuch der philosophischen Begriffe. Historisch-quellenmäßig bearb. v. Rudolf Eisler. 3., völlig neu bearb. Aufl. Berlin, 1910. 3 Bde.

Поздние тексты Мартина Хайдеггера: структурно-семиотическое исследование («Проселок», 1949 г.)

А. С. Романенко

В статье на основе структурно-семиотического подхода интерпретирует поздние произведения Мартина Хайдеггера как тексты культуры, тяготеющие к художественной модели. Особое внимание уделено выявлению и характеристике отношений параллелизма, эквивалентности структурных элементов на различных иерархических уровнях: внутри текста, в метатекстуальном пространстве.

Ключевые слова: Мартин Хайдеггер, семиотика культуры, Ю. М. Лотман, художественный текст, параллелизм, эквивалентность, структура.

Martin Heidegger's Later Works: Structural-Semiotic Analysis ("The Pathway", 1949)

Anton S. Romanenko

The author interprets the late works of Martin Heidegger as cultural texts gravitating to the literary model on the basis of a structural-semiotic approach. The article focuses on the identification and characterization of parallelism relations, equivalence of structural elements at different hierarchical levels: within the text and the metatextual space.

Key words: Martin Heidegger, semiotics of culture, Yuri Lotman, a literary text, parallelism, equivalence, structure.

«Der Feldweg», «Проселок» (в пер. А. В. Михайлова), иначе «Проселочная дорога» – небольшое по размеру,

объемом в несколько страниц, позднее сочинение Мартина Хайдеггера, написанное в 1949 году. Точное, корректное определение «жанра» этого текста (очерк, рассказ, статья и т.д.) на сегодняшний день – непростая исследовательская задача, ее сложность объясняется и особенностями этого произведения, и его местом в корпусе текстов мыслителя. Во вступительной статье к сборнику переводов поздних произведений философа «Исток художественного творения» отечественный филолог, германист, историк культуры А.В. Михайлов отмечает присутствие в тексте «Проселка» и поэтических, и лирических качеств, при этом анализируемое сочинение – текст философский, в границах которого сосредоточена «вся суть философии Мартина Хайдеггера» [6, с. 15-19]. По замечанию ученого, данный текст является собой «инобытие поэзии», которое превращает ее в нечто «замысловатое, непростое для понимания», здесь речь в то же время идет «...о простоте, о простом» [6, с. 15].

В научной, философской литературе уже долгое время небезосновательно бытует мнение о присущих поздним текстам Хайдеггера поэтичности, сращении поэтического и философского. В этой связи возникает вопрос о влиянии «на то тематическое и стилистическое превращение, которое претерпевают язык и мысль Хайдеггера» различных поэтических традиций, в первую очередь – поэзии Фридриха Гёльдерлина [4, с. 178]. Так, структурное описание мира как «четверицы» земли, неба, смертных и божеств в поздних текстах Хайдеггера имеет своим источником осмысление поэтической модели мироздания у Гёльдерлина [3]. Определенные предпосылки такому философствованию, на наш взгляд, можно найти уже и у «раннего» Хайдеггера. Например, в «Бытии и времени» (1927) философ, обращаясь к идеям графа Йорка, изложенным в переписке с Дильтеем, цитирует: «... из особенного рода философского мышления следует особенность его языкового выражения» [5, с. 403].

Так как же все-таки следует смотреть на текст «Проселка»? Как относиться к нему: как к философскому очерку, лирическому произведению или поэтическому сочинению? Можно ли однозначно дать ответ на этот вопрос? В статье на примере «Проселка» рассматриваются особенности поздних сочинений Хайдеггера как текстов культуры художественной модели в силу наличия в арсенале их характеристик ряда особенностей, признаков, присущих художественным текстам. Методологической основой исследования выступает структурно-семиотический подход к исследованию художественного текста, представленный в трудах отечественного семиотика, философа Ю. М. Лотмана.

В границах структурно-семиотического подхода художественный текст рассматривается как система, имеющая сложную реляционную структуру «взаимопересекающихся подструктур с многократными вхождениями одного и того же элемента в различные конструктивные контексты» [2, с. 105]. В основе внутренней организации такой системы лежит сопоставление эквивалентных элементов различных уровней, в результате чего между данными элементами возникают сложные иерархические отношения, и, как следствие, образуются добавочные значения. Язык художественного текста, таким образом, является «определенной художественной моделью мира и в этом смысле всей своей структурой принадлежит “содержанию” – несет информацию» [2, с. 28]. Происходит образование как реляционных значений внутри структуры, так и значений, возникающих в отношении внетекстовых связей.

С позиции семиотики культуры Лотмана граница между художественным и нехудожественным текстами оказывается подвижной [1, с. 203]. Любой текст имманентно содержит в себе признаки художественного и нехудожественного, которые актуализируются в сознании читателя (адресата) в зависимости от культурного контекста, то есть конкретной идеологической, эстетиче-

ческой, аксиологической и иной культурной установками. Вследствие этого в рамках синхронного аспекта можно говорить о тяготении того или иного текста к одной из двух указанных полярностей (однозначно определить текст как художественный или нехудожественный невозможно), а в рамках диахронного – утверждать потенциальную амбивалентность любого текста, выражающуюся в способности реализовывать как художественную, так и нехудожественную функции. При этом реализация текстом художественной функции заключается в способности порождать новую информацию посредством образования множества одновременно сосуществующих в сознании адресата добавочных значений для того или иного структурного элемента.

Посмотрим на текст «Проселка» с точки зрения признаков и особенностей художественного текста, обозначенных Лотманом. В упомянутой выше вступительной статье к сборнику «Исток художественного творчества», А. В. Михайлов, говоря о тексте «Проселка», отмечает два присущих ему противоположных качества «разреженность» и «густоту слов». По мнению ученого, текст обладает «разреженностью», потому что «каждое слово, полнясь и горя своим собственным внутренним смыслом, отодвигается и отгораживается от соседних слов», но в то же время происходит и обратное: каждое слово приходит в «новые, цепкие связи» с соседними словами» [6, с. 14]. Приведенное замечание полностью выражает одно из ключевых свойств поэтического текста, о которых писал Лотман. Речь в данном случае идет о явлении «связанности» или «параллелизма» слов в поэтическом тексте, при котором все слова, с одной стороны становятся эквивалентными элементами художественной структуры, а с другой – приобретают самостоятельность. Текст, таким образом, членится на множество иерархичных уровней и знаков, становясь при этом знаком единого содержания.

Вышеприведенные положения позволяют выявить в тексте «Проселка» различные ряды эквивалентных

элементов, противопоставленных друг другу в парных оппозициях. В нашем дальнейшем рассуждении осуществим движение анализа от частных сегментов текста к более высоким уровням синтагматики и парадигматики. Отметим, рассматриваемый текст изобилует примерами реализации бинарных оппозиций элементов на различных уровнях. Например:

«На пути, каким бежит проселок, встречаются зимняя буря и день урожая, соседствуют будоражащее пробуждение весны и невозмутимое умирание осени, и видны друг другу игры детства и умудренная старость» [6, с. 394].

В отрывке отчетливо прослеживается ряд семантических оппозиций: «*зимняя буря*» – «*день урожая*», «*пробуждение весны*» – «*умирание осени*», «*игры детства*» – «*умудренная старость*». Подобные элементы оппозиций не просто противопоставляются друг другу, но оказываются со-противопоставленными. Так, все пары указанных элементов вступают в отношения эквивалентности, получая объединяющий их признак, нейтрализующий бинарную оппозицию: «*встречаются*», «*соседствуют*», «*видны друг другу*», соответственно. Более того, все три пары элементов становятся эквивалентными друг другу в силу наличия общей для всех архисемы – в качестве характеристики «*пути, каким бежит проселок*». Выявление указанных структурных связей позволяет очертить ряды со-противопоставленных элементов, а также зафиксировать более сложные структурные отношения. Для более детальной иллюстрации подобного параллелизма в тексте приведем в пример следующий фрагмент:

«Сам же дуб говорил о том, что единственно на таком росте зиждется все долговечное и плодотворное, о том, что расти означает – раскрываться навстречу широте небес, а вместе корениться в непроглядной темени земли; он говорил о том, что самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес,

и хоронится под защитой несущей его на себе земли» [6, с. 392].

На примере данного отрывка проиллюстрируем следующие структурные отношения. В анализируемом предложении видны две части, разделенные синтаксически точкой с запятой. В первой части предложения происходит семантическое уравнивание элементов «земля» и «небо», при котором образуется архисема «*расти*», сводящая на нет отношения бинарной оппозиции. Указанные элементы становятся одновременно противопоставленными и тождественными, то есть, вступают в отношения эквивалентности. Если продвигаться к более высокому уровню иерархии текста, в данном предложении становится очевидной со-противопоставленность первой и второй частей указанного предложения. При этом на их тождественность указывает их одинаковое начало «...говорил о том», тогда как их оппозиция формируется синтаксически, с помощью точки с запятой. В рамках сформированного отношения образуются также эквивалентные пары более мелкого порядка, например, семантически уравниваются «долговечное», «плодотворное», «самородно-подлинное». В результате образующихся структурных связей каждый вступающий в отношения со-противопоставленности элемент наделяется различными добавочными значениями, и как следствие начинает художественно функционировать, т. е. реализовывать эстетическую функцию.

Очертим структурные уровни бинарных оппозиций более высокого порядка. В одном из последних фрагментов текста повествование в некотором смысле «закольцовывается», образуя отношения эквивалентности между двумя абзацами – первым и третьим с конца. Приведем указанные отрывки:

«Он от ворот дворцового парка ведет в Энрид. Старые липы смотрят вослед ему через стены парка, будь то в пасхальные дни, когда дорога светлой нитью бежит мимо покрывающихся свежей зеленью нив и

пробуждающихся лугов, будь то ближе к Рождеству, когда в метель она пропадает из виду за первым же холмом...» [6, с. 392].

«Дойдя до Энрида, проселок поворачивает назад к воротам дворцового сада... Едва белеет полоска дороги в свете мерцающих звезд. Над дворцом высится башня церкви Св. Мартина. В ночной тьме медленно, как бы запаздывая, раздаются одиннадцать ударов...» [6, с. 394].

Как видно, структурные отношения на уровне абзацев устанавливаются с первых предложений, которые, «закольцовывая» повествование, вступают в сопоставление друг с другом, будучи одновременно противопоставленными и тождественными: речь идет об одной и той же дороге, соединяющей названные в обоих предложениях топонимы. Очевидное различие происходит семантически в отношении направления движения: «дворцовый сад» – «Энрид», и наоборот. Возникновение такой структурной связи позволяет читателю обнаружить отношения эквивалентности между двумя абзацами. Можно добавить, что приведенная связь является так же выражением присутствующего повсеместно в тексте мотива «возвращения» (например, «...до сих пор мысль... случается, вернется на те пути...»). Происходит сближение и по другим основаниям: например, наличие в тексте абзацев семантически эквивалентных элементов, таких как «распятие» и «церковь». В результате этого появляется основание сравнить отдельные структурные элементы, выявить моменты различия схожего и сближения различного. К примеру, если в первом абзаце проселочная дорога связывается с лексемами, синтаксически наделенными характером «временного» («свежая зелень нив» и противопоставленная ей «метель»), то во втором – «полоска дороги» уже «белеет... в свете мерцающих звезд». На основании этого выявляется парная оппозиция «временное» – «вечное». Данная оппозиция находит выражение на протяжении всего повествования в различных рядах противопоставленных

элементов, имеющих отношение к временному: *«старинный колокол»* и *«ладони мальчика»*, *«меняющийся с временами года воздух проселка»*, *«врата, ведущие в вечному»*, *«старые липы»* и *«первые колокольчики»*, *«башенные часы»* и *«колокола»*, и т.д. На уровне метатекстуального рассмотрения категории времени и временности занимают одно из важнейших мест в пространстве мысли Хайдеггера. Точно так же в тексте «Проселка» получают осмысление и другие важнейшие категории хайдеггеровской философии. Например, вступают в отношения со-противопоставления вещь природы и вещь человеческого потребления:

«Близ опушки она [дорога] привечает высокий дуб, под которым стоит грубо сколоченная скамья» [6, с. 392].

Если обратиться к структурным отношениям, которые имеют метатекстуальный характер, т. е. реализуются в том числе на уровне внетекстовых связей, интересным станет следующий пример. В тексте «Проселка» выделяется ряд эквивалентных элементов, образующих четыре условных смысловых гнезда. В качестве первой пары можно указать оппозицию: «Земля-Небо». Так, первому ее элементу соответствует следующий ряд эквивалентностей: *«лес»*, *«старые липы»*, *«свежая зелень нив»*, *«луга и поля»*, *«непроглядная темень земли»* и т.д. Второму элементу парной оппозиции, «Небу», соответствуют: *«альпийские вершины высоко над лесами»*, поднимающийся *«в небеса, навстречу летнему утру, жаворонок»*, *«свет мерцающих звезд»* и т.д.

В тексте одного из приведенных выше отрывков встречаем: «...самородно-подлинное родится лишь тогда, когда человек одинаково и по-настоящему готов исполнять веления превышних небес, и хоронится под защитой несущей его на себе земли» [6, с. 392]. В данном фрагменте реализован первый элемент второй парной оппозиции «Человек-Бог». В свою очередь, ему соответствует ряд: *«мыслящий»*, *«поселянин»*, *«дровосек»*, *«отец»*, *«мать»*, *«дети»* и т. п. Наконец, второе звено второй из

предлагаемых парных оппозиций – «Бог» – имеет следующий ряд смысловых эквивалентов: «*распятие*», «*Рождество*», «*глас божий*», «*церковь*» и т.д. Для читателя, знакомого с поздними текстами Мартина Хайдеггера, вышеприведенные элементы – Земля, Небо, Смертные, Божества – угадываются в качестве упомянутой в начале статьи структуры, описанной немецким философом в докладе «Вещь» (1950), получившей наименование «Четверица мира».

В контексте рассуждений о тяготении поздних текстов Хайдеггера к полярности художественных произведений отметить то, что некоторые поздние произведения, например, «Закон тождества» («*Der Satz der Identität*», 1957) Хайдеггер записал на пластинки. По мнению А.А. Доброхотова сделано это было по причине важности в тексте «и ритма и интонации» [7, с. 178]. Декламация в таком случае становится одним из структурообразующих элементов произведения. Данный факт актуализирует рассуждения Лотмана о мелодическом единстве поэтических текстов. Ритмико-интонационный строй «включается в единую систему текста» [2, с. 233], в результате чего актуализируются те или иные структурные элементы, например, культурный контекст восприятия произведения. Лексические, синтаксические структуры соотносятся и пересекаются с ритмическими, интонационными, вследствие чего осуществляется процесс смыслопорождения и появления добавочных значений.

Все вышеприведенные отрывки и положения иллюстрируют наличие в рассматриваемом тексте Хайдеггера ключевых признаков, присущих художественному тексту. Так, «Проселок» характеризуется наличием сложноорганизованной структуры отношений между эквивалентными элементами различных иерархических уровней, и, как следствие, способностью элементов текста входить в несколько контекстных структур и получать различные значения одновременно. Это позволяет ха-

рактизовать его как текст, приближенный к полярности «художественного».

Структурно-семиотический подход к изучению поздних текстов Мартина Хайдеггера позволяет очертить широкую область возможных интерпретаций и приблизиться к более глубокому пониманию учения крупнейшего немецкого мыслителя XX века.

Литература:

1. Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 203-215
2. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста / Ю. Лотман. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018.
3. Романенко А. С. "Четверица мира": от Гёльдерлина к Хайдеггеру // XXIII Царскосельские чтения. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор А. А. Беляева. 2019. С. 59-64.
4. Сафронова Н. Д. М. Хайдеггер как толкователь поэзии Фр. Гёльдерлина: в поисках "сочинённого" // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 178-188.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. Бибихина В.В. Издание 2-е, исправленное. СПб.: Наука, 2002.
6. Хайдеггер М. Исток художественного творения / Пер. с нем. Михайлова А. В. М.: Академический проект, 2008.
7. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позд. периода творчества / Пер. с нем. под ред. А.А. Доброхотова. М.: Высш. школа, 1991.

ТЕКСТЫ И КОНТЕКСТЫ

Мифологизация России в журнале «Жар-Птица» (религиозно-философский аспект)¹

Н. В. Михаленко

Миф о России на страницах эмигрантского журнала «Жар-Птица» (Берлин, Париж) раскрывается многогранно – не только с помощью литературного материала, но и благодаря оформлению этого издания репродукциями картин, иллюстрациями Н. С. Гончаровой, Н. К. Рериха, К. Ф. Юона и др. Здесь буйствует красками стихия лубка, также много изображений церквей и монастырей, тихих улочек городов. Создается образ утраченной земли обетованной, Китеж-града. В рассказах Б. К. Зайцева, К. Д. Бальмонта, стихах В. В. Набокова, Тэффи, В. Л. Пиотровского, И. А. Бунина, статьях об искусстве и культуре авторы стремятся воссоздать образ до-революционной страны как хранительницы исконно русского, создается представление, что эмигранты должны сохранить Россию в своих сердцах и надеяться на ее преобразование и возрождение, как птицы феникс или жар-птицы. Тема крестного пути эмиграции, странничества сопряжена с мотивом поиска чаемого града, а также погруженности в прошедшее, обретения в нем сил для будущих дел.

Ключевые слова: журнал «Жар-Птица» (Париж, Берлин) 1921–1926, мифологизация России, религиозно-философские мотивы, С. Черный, А. Н. Толстой, В. В. Набоков.

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет средств Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432).

Construction of the Russian Myth in the "Firebird" Magazine (Religious and Philosophical Aspect)

Natalia V. Mikhalenko

The myth of Russia in the pages of the Russian émigré magazine "Firebird" (Berlin and Paris) is constructed with multiple tools: not only through texts but also by the accompanying copies of paintings and illustrations by Natalia Goncharova, Nikolay Roerich, Konstantin Yuon and others. They widely use elements of the Russian popular print, so-called "lubok", raging with color, and also rely heavily on the imagery of churches, monasteries, and quiet city streets. It creates the image of a lost paradise, or the legendary lost city of Kitezh. In the stories of Boris Zaytsev, Konstantin Balmont, verses by Vladimir Nabokov, Tefi, V. Piotrovsky, Ivan Bunin, articles on art and culture, the authors strive to recreate the image of the pre-revolutionary country as the embodiment of the original Russian spirit; the idea is created that emigrants should preserve Russia in their hearts and hope for its transformation and rebirth, like a phoenix or a firebird. The likening of Russian émigré to Christ carrying the cross and the theme of pilgrimage is combined with that of the quest for the Kingdom of Heaven, as well as of the past as a source of strength for future deeds.

Keywords: The "Firebird" magazine (Paris and Berlin) 1921-1926, the Russian myth, religious and philosophical motives, Sasha Chorny, Aleksey Nikolayevich Tolstoy, Vladimir Nabokov

Журнал «Жар-Птица», «шедевр русского печатного искусства <...> ничем не превзойденных ни до, ни после» [17, 449], был знаковым в литературном процессе русского зарубежья, выходил в течение пяти лет (с 1921 по 1926 год) в Берлине. В числе его авторов были

К. Д. Бальмонт, А. Н. Андреев, Тэффи (Надежда Лохвицкая), Б. А. Пильняк, А. М. Ремизов, В. В. Набоков (под псевдонимом В. Сирин), В. Ф. Ходасевич, И. С. Соколов-Микитов и другие. Обложки оформляли И. Я. Билибин, Б. М. Кустодиев, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, Б. Д. Григорьев и другие известные художники. Редактором художественного отдела «Жар-Птицы» стал Г. К. Лукомский. Литературным отделом заведовал поэт Саша Черный (Александр Гликберг). Как писала Е. М. Трубилова, «хотя журнал не стремился акцентировать свое политическое кредо, на эмоциональном уровне не скрыть было ностальгической тоски по оставленной родине. Она пронизывала материалы разных жанров, отголоски ее можно было найти даже в статьях на внешне, казалось бы, нейтральные темы. <...> Художники и поэты, прозаики и критики “унесли Россию с собой”, о чем не раз говорят страницы журнала» [18, 135-136].

Создание мифологизированного образа утраченной родины стало семантическим центром журнала. Стихи, рассказы, оформление издания, даже новостные материалы ориентированы на создание многогранного образа дореволюционной России. Лейтмотивом журнала можно назвать стремление понять душу ушедшей страны, обрести заповедную, сокрытую от глаз Россию, ставшую для эмигрантов своеобразной вариацией Китеж-града.

Хотя в одной из рецензий на это издание было высказано мнение о невыполнении журналом возложенной на него миссии («...в журнале нет самого главного: нет идеи, нет осмысленного служения искусству, нет своей точки зрения, нет и попытки принять на себя идеологическое водительство. <...> Тут должна происходить серьезная идеологическая работа, должно чувствоваться искание дальнейших путей русского искусства. Кому много дано – с того много и взыщется» [16, 9–10]), можно говорить о том, что художественные произведения, здесь опубликованные, опосредованно выражали

эту идею единства русских на чужой земле, сохранения России как памяти о ней, ее духовных основах.

Важной чертой оформления журнала является его яркость, пестрота – создается визуальный образ волшебной птицы, вынесенной в заглавие издания. На обложке № 7 изображена жар-птица, летящая к белокаменному граду с золотыми куполами соборов. Публикуются репродукции картин Н. С. Гончаровой «На Святой неделе» (с. 1), своеобразные рамки, выполненные этой же художницей в стиле дымковской игрушки. Иллюстрации С. Ю. Судейкина, отличающиеся яркостью красок и сочетаний, близки к лубкам (например, картины, изображающие жизнь в усадьбе, опубликованные в № 1, № 9, а также репродукция «Московские невесты» (эскиз для «Летучей мыши» Балиева) (с. 27), на которой создан образ Москвы православной и «обильной» – с традиционным самоваром и богатыми нарядами сидящих вокруг него невест). Обложкой № 8 служит фрагмент средневековой миниатюры, где герой в зеленой рубахе побеждает льва, написанного яркой охрой. Открывает № 14 эскиз для панно «Кораблик» И. Я. Билибина – по морю-океану плывет охряной корабль с красными парусами и стоящими на палубе витязями в красных плащах.

Тема пути, поиска родины, странничества является одной из центральных на страницах журнала. Частотны публикации репродукций, изображающих дорогу, путь к храму или церкви и монастыри (Г. К. Лукомский «В Лавре – уголок келий», №7 (с. 7), И. И. Левитан «Вечерний звон», №7 (с. 17) «Озеро», № 7 (с. 21), К. Ф. Юон «Русская провинция», № 8 (с. 9), И. Я. Билибин «Борис и Глеб» № 14 (с. 3). Как писал Сергей Горный в очерке об идее живописи Левитана, «...живет Русь в тихих прогалинах своих, в сквозистых опушках, в сбитом, утоптанном, пылящем суглинком пешеходных, змеистых тропинок. Их исходили богомольцы, по ним тихою, лыковой лаской прошли трудовые, неторопливые лапти» [5, 16]. Основное стремление в живописи этого художника ав-

тор так обозначил: «...омут души нашей, схороненный и стихший, прощен уже Кем-то наверху, как прощена и обласкана Чьей-то Правдой неторопливая ритмика Левитановской Руси. Он исходил ее, словно раздувая на ходу уголек у кадила: молился» [5, 16]. Странническое начало эмиграции, стремление обрести утраченный дом очень тонко передал в рассказе «Душа» Борис Зайцев: «Но какой бы ни был, я хотел бы плыть тихо, с сердцем некровным, в светлой дымке сентябрьской. Не хочу ни дома, ни садов. Я путник. Мы стоим. Смотрим, слушаем, два призрака, два чужака в пустынях жизни» [6, 8]. Строки стихотворения «Весна» В. Набокова (подпись – Сирин) близки той же идее пути к чаемому, небесному граду: «И в день видений, в вихре синем, / – когда блеснут все купола, – / мы, обнаженные, раскинем / четыре огненных крыла» [7, 2]. Образ сакральной связи земного и небесного, несмотря на свою обыденность, создается в стихах Н. А. Оцупа «Опять поля и синие туманы...»: «Вот пролетев из невысокой ржи / Сквозь ветерка прозрачные движенья, / Прилипли к небу камешки – стрижи / Противу всех законов притяжений. // Вот пахарь медленно, как дождь, бредет, / На черный холм влезая постепенно. / И кляча перешла на небосвод, / А за крутым холмом конец вселенной» [9, 32].

В стихотворении «Край мой» Тэффи, обращаясь к образам «Слова о полку Игореве», сакрализует образ родной страны: «Плакала незнаемо / Зегзицею серою – / Бран ты мною, край мой, / Немереной мерой // Ка-б не силы слабые – / Тебя, умирая, / Песнью вознесла бы я / До Господня рая» [13, 8].

Среди образов разорения страны важной является мечта о сохранении России в сердцах эмигрантов, что дает силы для смиренного несения своего креста, молитвенного обращения к Богу, как, например, в стихотворении В. А. Пиотровского «Лунное моление»: «Только ночью, вверху, рассыпаются зерна, – / Не пошлешь ли ты их, Тихий Свете, / Тем, кто смотрит и ждет так покорно? / А если чем они и согрешили – / Прости их,

неразумных и малых, / За то, что нашли Тебя в звездной пыли / И в луне, и в угольках алых» [10, 14]. На страницах журнала ярко выражено и желание путников вернуться домой, в свою обитель. В стихотворении М. А. Смирновой «Возьми»: «Вновь сквозь чердачное оконце / Пусть заискрит последний снег / И – разойдется... и неволю / Забрызгает грозю май... / Возьми меня на Север, в поле – / В мой хмурый, заунывный край» [11, 20].

Стремление получить божественное откровение, проникнуться символическим смыслом пути эмиграции, объяснить цель жизни человека тесно связано на страницах журнала с темой судьбы родины. В № 4–5 публикуются репродукции картин Н. К. Рериха и статья о его творчестве, основная мысль которой заключается в философии работ художника, который вечно стремится «небесное объяснить земным» [1, 20] – «рериховскому человеку, что идет на высоком берегу и видит такой прекрасный мир, мудрый, преображенный, прозрачно светлый и примиренный, поднятый на высоту сверхчеловеческих очей» [1, 20], «в молчанье земли и небес звучат глаголы божественных откровений» [1, 19]. Мотив преображения родной земли, обретения новой России силен на страницах журнала. В творчестве Рериха выделяется близкая символика: «Что же сказать о человеке, который среди видимого открывает невидимое и дарит людям не продолжение старого, а совсем новый, прекрасный мир...» [1, 18].

Миф о смерти России также раскрывается на страницах журнала. Наряду с верой в преображение страны силен мотив гибели истинной родины и утраты людьми человеческого облика («Пять лет мировой войны и четыре года внутренних потрясений убили в человеке все, что сближало и объединяло людей, что человеку весть подавало» [8, 35]). Например, в «Элегии» Тэффи [14, 30]: «На острове моих воспоминаний / Есть серый дом. В окне цветы герани, / ведут три каменных ступени на крыльцо. / В тяжелой двери медное кольцо. / Над дверью барельеф — меч и головка лани, / а рядом шнур,

ведущий к фонарю. / На острове моих воспоминаний / я никогда ту дверь не отворю!..» [14, 30]

С темой утраченной родины связан в журнале «Жар-Птица» и образ усадьбы, разоренного родового гнезда. Воспоминания о былом окрашены теплой грустью, овеяны памятью о доме, об истории семьи, связаны с представлениями о благообразном быте, жизни, протекающей на лоне природы.

Живописный образ усадьбы также создается на страницах журнала «Жар-Птица». Благодаря предваряющей художественный материал статье А. Н. Толстого, репродукциям картин С. Ю. Судейкина «Усадьба», «Чаепитие под машину» (№ 1)² читатель может погрузиться в мир дворянских усадеб и балаганов, проникнуться национальным колоритом, стихией лубка: «Передо мной картины Судейкина: вот — чудесный полный поэзии, радости и юмора, мир старинных пейзажей, дворянских усадеб, хороводов под зеленой сенью рощи, жеманных молодых людей, влюбленных в сельских красавиц: оживили мир беспечной прелести и любви, над которым купидон, выхолонный в бабушкиных перинах, натягивает свой лук» [12, 23]. Алексей Толстой говорит о преображении искусства русских художников в рассеянии, о новом витке развития живописи: «Об русском современном искусстве, во всем его объеме, говорить сейчас трудно: оно раскидано по свету и только теперь начинает собираться в ячейки. Но по отдельным частям его, преимущественно живописи и музыке, уже можно провидеть в нем новую кровь, свежую силу: преображение. Не осталось и следа разочарования и упадка» [12, 25].

В № 4–5 «Жар-Птицы», объединенных темой Рождества, опубликован рассказ К. Д. Бальмонта «На волчьей шубе», в котором в образе усадебной жизни просматриваются мотивы культуры Древней Руси. Маленький

² В № 9 была также опубликована репродукция картины С. Судейкина «Из жизни старой усадьбы» (с. 24).

мальчик, оставшийся один в усадьбе, рассматривает библейские лубки: «На стенах были наивные картинки, снимки со старинных расписных ковров. Картина мироздания, первые дни в раю, Ева, глядящая на спящего Адама, ликующий Адам, перед которым в менуэте проходят, парами, все звери мира, в то время как он каждому дает своим вскриком имя, и поэма укушенного и съеденного яблока» [2, 9]. Здесь можно отметить мотив возвращения к истокам – стремление вновь обрести утраченный рай.

В стихотворении Саши Черного «Весна на Крестовском», опубликованном в № 2 журнала «Жар-птица», пейзажи родной земли становятся духовным камертоном в эмиграции: «О родине каждый из нас вспоминая, / В тоскующем сердце унес / Кто Волгу, кто мирные склоны Валдая, / Кто заросли ялтинских роз... / Под пеплом печали храню я ревниво / Последний счастливый мой день: Крестовку, широкое лоно разлива / И Стрелки зеленую сень» [15, 20]. Детали дачного быта необыкновенно значимы и дороги, поэт старается воссоздать картину прошлого во всей полноте звуков, запахов, ощущений: «Сеть лиственниц выгнала алые точки. Белеет в саду флигелек. / Кот томно обходит дорожки и кочки / И нюхает каждый цветок. / Так радостно бросить бумагу и книжки, / Взять весла и хлеба в кулке, / Коснуться холодной и ржавой задвижки / И плавно спуститься к реке...» [15, 20].

В стихотворении И. А. Бунина «Молодость» образ цветущих ландышей, затерянных в роще, выступает символом хрупкости ушедшего быта, мимолетности счастья: «В голых рощах веял холод / Ты светился меж сухих, / Мертвых листьев / Я был молод, / Я слагал свой первый стих» [3, 5].

Жизнь в эмиграции тесно связана с трепетным сохранением памяти о прошлом, бережном обращении с вещами, вызывающими воспоминания о былом. Так, в стихотворении И. Воинова все детали интерьера несут память об ушедшей эпохе: «В старинной мебели – ста-

ринные рассказы, / И Казановы тень на шелковых драпри... <...> Часы стоят... остановились годы... / И выцвели цветы узорного ковра... / Но вечен аромат в капризах старой моды, / И так естественна жеманная игра» [4, 26].

Мифологизации утраченной России раскрывается на страницах «Жар-Птицы» на разных уровнях: это идейно-тематическое единство литературного и живописного материала, обращение к библейской, православной символике на страницах журнала, создание образа родной страны как земли обетованной, память о которой должна объединить русских на чужбине, дать духовный ориентир для жизни в изгнании.

Литература

1. Андреев Л. Н. Держава Рериха // Жар-Птица, № 4–5, 1921. С. 17–20.
2. Бальмонт К. Д. На волчьей шубе // Жар-Птица, № 4–5, 1921. С. 6–10.
3. Бунин И. А. Молодость // Жар-Птица, № 3, 1921. С. 5–6.
4. Воинов И. «В старинной мебели – старинные рассказы» // Жар-Птица, № 2, 1921. С. 26.
5. Горный С. (Оцуп А. А.) Левитан // Жар-Птица, № 7, 1922. С. 16–20.
6. Зайцев Б. К. Душа // Жар-Птица, № 7, 1922. С. 4–8.
7. Набоков В. В. Весна // Жар-Птица, № 7, 1922. С. 2.
8. Н. Р. Элегия // Жар-Птица, № 6, 1922. С. 35–37.
9. Оцуп Н. А. «Опять поля и синие туманы...» // Жар-Птица, № 9, 1922. С. 32
10. Пиотровский В. Л. Лунное моление // Жар-Птица, № 7, 1922. С. 14.
11. Смирнова М. А. Возьми // Жар-Птица, № 8, 1922. С. 20
12. Толстой А. Н. Перед картинами Судейкина // Жар-Птица, № 1, 1921. С. 23–28.
13. Тэффи. Край мой // Жар-Птица, № 9, 1922. С. 8

14. Тэффи. Элегия // Жар-Птица, № 6, 1922. С. 30.
15. Черный А. Весна на Крестовском // Жар-Птица, № 2, 1921. С. 20.
16. Левитан И. Жар-птица № 6. Изд. А. Э. Когана «Русское Искусство». Берлин, 1922 // Новая русская книга. 1922. № 3 (март).
17. Левитан И. Русские издательства 1920-х годов в Берлине // Книга о русском еврействе 1917–1967. Нью-Йорк, 1968.
18. Трубилова Е. М. Жар-Птица // Литературная энциклопедия Русского зарубежья. 1918–1940 / Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000.

Убийства законные и убийства исконные

А. М. Мелихов

Legitimate murder and the primordial murder

Alexander M. Melikhov

Всем известно, что Лев Толстой был страстным противником смертной казни. Париж, 1857 год, письмо В. Боткину: «Я имел глупость и жестокость ездить нынче утром смотреть на казнь <...> И это зрелище мне сделало такое впечатление, от которого я долго не опомнюсь. Я видел много ужасов на войне и на Кавказе, но ежели бы при мне изорвали в куски человека, это не было бы так отвратительно, как эта искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека. Там есть не разумная воля, но человеческое чувство страсти, а здесь до тонкости доведенное спокойствие и удобство в убийстве и ничего величественного».¹

«Исповедь»² 1882 года: когда «голова отделилась от тела, и то и другое врозь застучало в ящике», он «понял не умом, а всем существом, что никакие теории разумности существующего и прогресса не могут оправдать этого поступка и что, если бы все люди в мире, по каким бы то ни было теориям, с сотворения мира находили, что это нужно, — я знаю, что это не нужно, что это дурно...».

Трактат «Так что же нам делать?» 1886 года: «Тридцать лет тому назад я видел в Париже, как в присутствии тысячи зрителей отрубили человеку голову гильоти-

¹ Толстой Л.Н. Письма. 90. В. П. Боткину. 1857 г. Марта 24—25 / апреля 5—6. Париж. // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1984. Т. 18. С. 471—473.

² Толстой Л.Н. Исповедь // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 106—165.

ной. Я знал, что человек этот был ужасный злодей; я знал все те рассуждения, которые столько веков пишут люди, чтобы оправдать такого рода поступки; я знал, что это сделали нарочно, сознательно, но в тот момент, когда голова и тело разделились и упали в ящик, я ахнул и понял – не умом, не сердцем, а всем существом моим, что все рассуждения, которые я слышал о смертной казни, есть злая чепуха...».³

Гневный памфлет «Не могу молчать»⁴ 1908 года: «Ужаснее всего то, что делается это не по увлечению, чувству, заглушающему ум, как это делается в драке, на войне, в грабеже даже, а, напротив, по требованию ума, расчета, заглушающего чувство». И самая последняя его заметка 1910 года «Действительное средство»⁵ посвящена все тому же — смертной казни.

Ничего удивительного, если библейское «Не убий», доведенное в толстовском понимании христианства до бескомпромиссного требования непротивления злу насилием, представлялось Толстому вершиной мудрости и красоты, а мне не раз приходилось писать, что вопрос о применении смертной казни вопрос не столько нравственный, сколько эстетический.

И тем не менее в двух своих кавказских шедеврах — в «Казаках»⁶ и «Хаджи-Мурате»⁷ — Толстой не находит не то что слов, но даже интонаций для осуждения целой череды бесхитростных убийств.

³ Толстой Л.Н. Так что же нам делать? // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 16. С. 166—396.

⁴ Толстой Л.Н. Не могу молчать // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 тт. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1928-1958. Том 37. 1956.

⁵ Толстой Л.Н. Действительное средство // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений в 90 тт. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1928-1958. Том 38. 1936.

⁶ Толстой Л.Н. Казаки // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1979. Т. 3. С. 151—301.

⁷ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат // Л.Н. Толстой. Собрание сочинений в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 14. С. 22—136.

«Он и есть, абрек», — подумал он радостно и, вдруг порывисто вскочив на колени, снова повел ружьем, высмотрел цель, которая чуть виднелась на конце длинной винтовки, и, по казачьей, с детства усвоенной привычке проговорив: «Отцу и Сыну», — пожал шишечку спуска».

Товарищи этого славного малого Лукашки тоже не собираются делать из убийства трагедию.

«— Вот так сазан попался! — сказал один из собравшихся кружком казаков, в то время как вытасченное из каюка чеченское тело, приминая траву, легло на берег.

— Да и желтый же какой! — сказал другой».

Только у чудаковатого дяди Ерошки в лице выражается «что-то серьезное и строгое: «Джигита убил, — сказал он как будто с сожалением». А всех остальных занимают исключительно деловые соображения.

«— Слышь, Лукашка! — сказал урядник, державший в руках кинжал и ружье, снятые с убитого. — Ты кинжал себе возьми и зипун возьми, а за ружье, приди, я тебе три *монета* дам. Вишь, оно и с свинцом, — прибавил он, пуская дух в дуло, — так мне на память лестно.

Лукашка ничего не ответил, ему, видимо, досадно было это попрошайничество; но он знал, что этого не миновать.

— Вишь, черт какой! — сказал он, хмурясь и бросая наземь чеченский зипун, — хошь бы зипун хороший был, а то байгуш.

— Годится за дровами ходить, — сказал другой казак.

— Мосев! я домой схожу, — сказал Лукашка, видимо уж забыв свою досаду и желая употребить в пользу подарок начальнику.

— Иди, что ж!

— Оттащи его за кордон, ребята, — обратился урядник к казакам, все осматривая ружье. — Да шала-

шик от солнца над ним сделать надо. Может, из гор выкупать будут.

— Еще не жарко, — сказал кто-то.

— А чакалка изорвет? Это разве хорошо? — заметил один из казаков.

— Караул поставим, а то выкупать придут: нехорошо, коли порвет.

— Ну, Лукашка, как хочешь: ведро ребятам поставишь, — прибавил урядник весело.

— Уж как водится, — подхватили казаки. — Вишь, счастье Бог дал: ничего не видавши, абрека убил.

— Покупай кинжал и зипун. Давай денег больше. И портки продам. Бог с тобой, — говорил Лука. — Мне не налезут: поджарый черт был.

Один казак купил зипун за *монет*. За кинжал дал другой два ведра.

— Пей, ребята, ведро ставлю, — сказал Лука, — сам из станицы привезу.

— А портки девкам на платки изрежь, — сказал Назарка.

Казаки загрохотали.

— Будет вам смеяться, — повторил урядник, — оттащи тело-то. Что пакость такую у избы положили...

— Что стали? Тащи его сюда, ребята! — повелительно крикнул Лукашка казакам, которые неохотно брались за тело, и казаки исполнили его приказание, точно он был начальник. Протащив тело несколько шагов, казаки опустили ноги, которые, безжизненно вздрогнув, опустились, и, расступившись, постояли молча несколько времени. Назарка подошел к телу и поправил подвернувшуюся голову так, чтобы видеть кровавую круглую рану над виском и лицо убитого.

— Вишь, заметку какую сделал! В самые мозги! — проговорил он, — не пропадет, хозяева узнают.

Никто ничего не ответил, и снова тихий ангел пролетел над казаками».

Но ангел так и отлетает, не произнесши ни слова.

А после того, как брат в обмен на выкуп увез тело убитого за Терек, «казаки же на этой стороне были чрезвычайно довольны и веселы». Морализировать пытается только интеллигентный отщепенец.

— Чему ж ты радуешься? — сказал Оленин Лукашке. — Как бы твоего брата убили, разве бы ты радовался?

Глаза казака смеялись, глядя на Оленина. Он, казалось, понял все, что тот хотел сказать ему, но стоял выше таких соображений.

— А что ж? И не без того! Разве нашего брата не бьют?».

Да и у Оленина осуждение не простирается глубже слов, оно не мешает ему переживать ощущение счастья и любви к убийце: «Он так любил всех и особенно Лукашку в этот вечер!». И мысленно воспевать естественную жизнь Кавказа: «“Никаких здесь нет бурок, стремнин, Амалат-беков, героев и злодеев, — думал он, — люди живут, как живет природа: умирают, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают, и никаких условий, исключая тех неизменных, которые положила природа солнцу, траве, зверю, дереву. Других законов у них нет...” И оттого люди эти в сравнении с ним самим казались ему прекрасны, сильны, свободны, и, глядя на них, ему становилось стыдно и грустно за себя».

«Умирают, рождаются, совокупляются, опять рождаются, дерутся, пьют, едят, радуются и опять умирают», — нет только слова «убивают», он уже успел об этом забыть. И когда он увязался за казаками добивать окруженных абреков, «он любовался на казаков». И только когда началась стрельба и рубка, «ужас застлал ему глаза». Но того безотчетного отвержения убийства, которое у Толстого вызвала казнь, нет ни признака: очевидно, отвратительно ему было отнюдь не всякое убийство, а убийство *по закону*. А убийство как часть *естественной* жизни принимается им, как и все естественное: что ж, это жизнь!

В гениальном «Хаджи-Мурате», работу над которым в письме к брату Сергею Лев Николаевич назвал «баловством и глупостью», убийства такая же естественная часть жизни, и совершают их совсем не злые и не жестокие люди — это для них просто работа. Вот солдатам предстоит сопровождать чеченского лазутчика.

«Смотри, — сказал Панов, — осторожней, впереди себя вели идти. А то ведь эти гололобые — ловкачи.

— А что это? — сказал Авдеев, сделав движение ружьем с штыком, как будто он закалывает. — Пырну разок — и пар вон.

— Куда ж он ходит, коли заколешь, — сказал Бондаренко. — Ну, марш!».

Куда ж он ходит, коли заколешь — вот и вся мораль.

Да и офицеры в смерти видят лишь ее социальную функцию.

«Между офицерами шел оживленный разговор о последней новости, смерти генерала Слепцова. В этой смерти никто не видел того важнейшего в этой жизни момента — окончания ее и возвращения к тому источнику, из которого она вышла, а виделось только молодечество лихого офицера, бросившегося с шашкой, на горцев и отчаянно рубившего их.

Хотя все, в особенности побывавшие в делах офицеры, знали и могли знать, что на войне тогда на Кавказе, да и никогда нигде не бывает той рубки врукопашную шашками, которая всегда предполагается и описывается (а если и бывает такая рукопашная шашками и штыками, то рубят и колют всегда только бегущих), эта фикция рукопашной признавалась офицерами и придавала им ту спокойную гордость и веселость, с которой они, одни в молодецких, другие, напротив, в самых скромных позах, сидели на барабанах, курили, пили и шутили, не заботясь о смерти, которая, так же как и Слепцова, могла всякую минуту постигнуть каждого из них».

И перестрелка вполне может оборачиваться не тем богопротивным делом, которым Толстой не раз называл войну, а увлекательным спортом.

«По всей линии цепи послышался непрерывный веселый, бодрящий треск ружей, сопровождаемый красиво расходившимися дымками. Солдаты, радуясь развлечению, торопились заряжать и выпускали заряд за зарядом».

Сам Хаджи-Мурат у офицерства тоже вызывает восхищение как редкостный храбрец и хитроумный тактик, и лишь один простодушный солдат отзывается о нем с неприязнью: «Сколько душ загубил, проклятый, теперь, поди, как его ублагодотворять будут». Автор же никак не присоединяется к нему ни прямо, ни косвенно, интонационно: вся его повесть гимн мужеству и стойкости, но отнюдь не милосердию. Это у великого гуманиста — так чего же требовать от воронцовского застолья!

«Вообще весь обед прошел в рассказах о Хаджи-Мурате. Все напереыв хвалили его храбрость, ум, великодушие. Кто-то рассказал про то, как он велел убить двадцать шесть пленных; но и на это было обычное возражение:

— Что делать! *A la guerre comme a' la guerre*».

А веселый Хан-Магома и вовсе не видит разницы между военной и мирной хитростью: он спокойно вяжется в крупную игру, имея в кармане двенадцать копеек.

«— Ну, а если бы проиграл?

— А вот.

И Хан-Магома указал на пистолет.

— Что же, отдал бы?

— Зачем отдавать? Убежал бы, а кто бы задержал, убил бы. И готово».

Разумеется, благовоспитанный русский офицер Бутлер ни за что бы никого не убил в корыстных целях, он вообще видит в войне не убийство, а скорее самопожертвование.

«Война представлялась ему только в том, что он подвергал себя опасности, возможности смерти и этим заслуживал и награды, и уважение и здешних товарищей, и своих русских друзей. Другая сторона войны: смерть, раны солдат, офицеров, горцев, как ни странно это сказать, и не представлялась его воображению. Он даже бессознательно, чтобы удержать свое поэтическое представление о войне, никогда не смотрел на убитых и раненых. Так и нынче — у нас было три убитых и двенадцать раненых. Он прошел мимо трупа, лежавшего на спине, и только одним глазом видел какое-то странное положение восковой руки и темно-красное пятно на голове и не стал рассматривать. Горцы представлялись ему только конными джигитами, от которых надо было защищаться».

А о только что проведенной карательной акции он уж и не помнит.

«Бутлер с своей ротой бегом, вслед за казаками, вошел в аул. Жителей никого не было. Солдатам было велено жечь хлеб, сено и самые сакли. По всему аулу стелился едкий дым, и в дыму этом шныряли солдаты, вытаскивая из саклей, что находили, главное же — ловили и стреляли кур, которых не могли увезти горцы. Офицеры сели подальше от дыма и позавтракали и выпили. Фельдфебель принес им на доске несколько сотов меда. Чеченцев не слышно было. Немного после полдня велено было отступать. Роты построились за аулом в колонну, и Бутлеру пришлось быть в арьергарде. Как только тронулись, появились чеченцы и, следуя за отрядом, провожали его выстрелами.

Когда отряд вышел на открытое место, горцы отстали. У Бутлера никого не ранило, и он возвращался в самом веселом и бодром расположении духа».

И только бесчинства, творимые *по закону*, вызывают у автора поистине пророческий гнев.

«Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а непризнание этих русских собак людьми и та-

кое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их, как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, было таким же естественным чувством, как чувство самосохранения».

Такие же настроения присутствуют и в свите Хаджи-Мурата.

«Гамзало понял, для чего Хаджи-Мурат велел зарядить ружья. Он с самого начала, и что дальше, то сильнее и сильнее, желал одного: побить, порезать, сколько можно, русских собак и бежать в горы. И теперь он видел, что этого самого хочет и Хаджи-Мурат, и был доволен».

Но на русской стороне никто ненависти к Хаджи-Мурату не испытывает: убить убьем, а ненавидеть за что же? По-ихнему он был совершенно прав.

«Кликнули казака, и он внес мешок с головой. Голову вынули, и Иван Матвеевич пьяными глазами долго смотрел на нее.

— А все-таки молодчина был, — сказал он. — Дай я его поцелую.

— Да, правда, лихая была голова, — сказал один из офицеров.

Когда все осмотрели голову, ее отдали опять казаку. Казак положил голову в мешок, стараясь опустить на пол так, чтобы она как можно слабее стукнула».

А женщина реагирует и вовсе по-человечески.

«— Все вы живорезы. Терпеть не могу. Живорезы, право, — сказала она, вставая.

— То же со всеми может быть, — сказал Бутлер, не зная, что говорить. — На то война.

— Война! — вскрикнула Марья Дмитриевна. — Какая война? Живорезы, вот и всё. Мертвое тело земле предать надо, а они зубоскалят. Живорезы, право, — повторила она и сошла с крыльца и ушла в дом через задний ход».

И она права: на войне убивают исключительно для пользы дела — чтоб не становились на пути.

«Хаджи-Мурат сообразил по топоту крупной лошади казака, приближающегося к нему, что он накоротко должен настигнуть его, и, взявшись правой рукой за пистолет, левой стал слегка сдерживать своего разгорячившегося и слышавшего за собой лошадиный топот кабардинца.

— Нельзя, говорю! — крикнул Назаров, почти равняясь с Хаджи-Муратом и протягивая руку, чтобы схватить за повод его лошадь. Но не успел он схватиться за повод, как раздался выстрел.

— Что ж это ты делаешь? — закричал Назаров, хватаясь за грудь. — Бей их, ребята, — проговорил он и, шатаясь, повалился на луку седла.

Но горцы прежде казаков взялись за оружие и били казаков из пистолетов и рубили их шашками. Назаров висел на шее носившей его вокруг товарищей испуганной лошади. Под Игнатовым упала лошадь, придавив ему ногу. Двое горцев, выхватив шашки, не слезая, полосовали его по голове и рукам. Петраков бросился было к товарищу, но тут же два выстрела, один в спину, другой в бок, сожгли его, и он, как мешок, кувырнулся с лошади».

Хотя кое-что, пожалуй, и здесь не вполне утилитарно: «Петраков лежал навзничь с взрезанным животом, и его молодое лицо было обращено к небу, и он, как рыба всхлипывая, умирал», — можно был бы его и добить, как остальных (а интонация авторская и здесь вполне эпична, без гнева и пристрастия).

Он и убийц Хаджи-Мурата рисует точно такими же красками и звуками.

«И Карганов, и Гаджи-Ага, и Ахмет-Хан, и все милиционеры, как охотник над убитым зверем, собрались над телами Хаджи-Мурата и его людей (Ханефи, Курбана и Гамзалу связали) и, в пороховом дыму стоявшие в кустах, весело разговаривая, торжествовали свою победу».

А заключительная фраза прямо-таки чарует своей сдержанной красотой.

«Соловьи, смолкнувшие во время стрельбы, опять защелкали, сперва один близко и потом другие на дальнем конце».

Чистый Хемингуэй, только еще прекраснее и еще мощнее.

Не говоря уже о том, что лет на тридцать раньше.

Да, для Толстого лишь хладнокровное убийство по закону это мерзость, которой не может быть оправдания. Убийство же в борьбе — это печальная часть жизни, в которой, однако, можно усмотреть и величие, и красоту.

Это для Толстого-художника.

А для Толстого-моралиста?

Толстой-моралист был идеалистом в самом точном смысле этого слова — ценил идеалы выше фактов. Да, убивать, конечно, нехорошо, но ничего не поделаешь, — таковы люди, такова жизнь! Но никогда, никак, ни при каких обстоятельствах нельзя объявлять убийство чем-то правильным и законным — к такому выводу, мне кажется, подводят толстовские кавказские повести.

Это еще раз подтверждает рациональную неразрешимость вопроса о применении смертной казни. Бесхитростный люд и реагирует бесхитростно — на последнее впечатление. Появляется сообщение о зверском убийстве — число сторонников смертной казни резко взлетает; появляется сообщение о невинно казненном — оно так же резко падает. А вот вековые споры теоретиков коренятся еще и в том, что они, часто сами того не замечая, отстаивают разные миры: одни защищают мир реальностей, другие — мир идеалов.

ГЕНДЕРНЫЕ ШТУДИИ

Формы и способы объективации гендерной идентичности автора: феномен Арсения Мерича

Розанна Курпниесе, Наталья Шром

Гендерная эмотиология исходит из базового понимания гендера как социального конструкта и в числе актуальных выделяет вопросы о наличии в языке средств для конструирования гендерной идентичности, гендерного конструирования речевого поведения, а также гендерные различия эмоциональной личности (являются ли они отражением стереотипных представлений, обусловленных различными социокультурными параметрами, например, гендерной идентичностью автора-повествователя). В отличие от исследований, исходящих из заранее очевидной предпосылки (известности гендерной идентичности автора или персонажа), в качестве объекта исследования выбран феномен Арсения Мерича (один из мужских псевдонимов писательницы, переводчицы, литературного критика и журналиста Августы Филипповны Даманской). Выбранные для анализа рассказы «Актриса» и «Ночной гость» аккумулируют главный исследовательский вопрос об обусловленности эмоций говорящего фактором гендера. Решение этого вопроса предполагало составление последовательного эмоционального сценария героинь, а также анализ специфики кодирования эмоций с точки зрения способа их предъявления читателю. Факт несовпадения эмотивных тактик рассказов (в частности, различие объема открытого и закрытого вербального кодирования) целесообразно связать с гендерной авторской установкой.

Ключевые слова: Августа Даманская, Арсений Мерич, гендер, гендерная идентичность автора, гендерный стереотип, женское письмо, эмотиология, феминность, маскулинность, языковая личность, нарратор.

Forms and Approaches to the Representation of Author's Gender Identity: The Phenomenon of Arseniy Merich

Rozanna Kurpniece, Natalja Šroma

Gender emotiology proceeds from a basic understanding of gender as a social construct. One of the issues it finds relevant are the questions about the presence in the language of means for constructing gender identity, for gender construction of speech behavior, as well as about gender differences in emotional personality (are they a reflection of stereotypical representations due to various sociocultural parameters, for example, the gender identity of the narrator). In contrast to studies based on a pre-obvious premise (when the gender identity of the author or character is well-known), the phenomenon of Arseniy Merich was chosen as the object of study. This is one of the male pseudonyms of the writer, translator, literary critic and journalist Augusta Damanskaya. The stories "Actress" and "Night Guest", selected for analysis, accumulate the main research question about the conditioning of the speaker's emotions by the gender factor. In order to find the answer, a sequential emotional script of the main female characters was composed; the peculiarity of coding emotions is analyzed from the point of view of the way of their presentation to the reader. The established fact of discrepancy among emotive tactics of stories (in particular, the difference in the volume of open and closed verbal coding) should be associated with the author's conscious decision on gender setting.

Key words: Augusta Damanskaya, Arseniy Merich, gender, author's gender identity, gender stereotype, ecriture feminine, emotiology, femininity, masculinity, speech behavior, narrator.

Сегодня представляется органичным и целесообразным проводить гендерные исследования в рамках такого направления, как гендерная эмотиология. Подобные научные работы уже существуют на материале английского, французского, немецкого, русского языков¹. Круг основных вопросов гендерной эмотиологии, которая исходит из базового понимания гендера как социального конструкта, включает, в частности, следующие:

- Какими средствами располагает язык для конструирования гендерной идентичности?
- Насколько речевое поведение может быть гендерно сконструировано?
- Каковы гендерные различия эмоциональной личности: являются ли они отражением стереотипных представлений, обусловленных различными социокультурными параметрами, например, гендерной идентичностью автора-повествователя?

Исследования в сфере гендерной эмотиологии исходят из заранее очевидной предпосылки, когда гендерная идентичность автора или персонажа известна, и работа сводится к своего рода проверке – проявленности маскулинной языковой личности в текстах авторов-мужчин и феминной языковой личности в текстах авторов-женщин или коммуникативных стратегий персонажей-мужчин и персонажей-женщин. Однако особый интерес

¹ См., напр., Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексикосемантической системе (на материале англ. яз.): диссертация ... док. филол. наук (1988); Болтенко Э.Н. Вербализация эмоциональной сферы в современном немецком языке с гендерных позиций (2002); Суркова Е.В. Гендерные особенности авторской репрезентации эмоций персонажей (на материале русской и немецкой художественной литературы): диссертация ... канд. филол. наук (2005); Исакова З.З. Некоторые аффективы в мужских и женских текстах (на материале английского языка) (2009); Гаранович М. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих (глава «Стереотипы эмоционального/неэмоционального поведения женщин и мужчин»); диссертация ... канд. филол. наук (2011); Зотова Н.В. Репрезентация эмоций в художественном тексте (на материале произведения М. Уэльбека «La carte et le territoire») (2017) и др.

представляют случаи *неочевидности* характера взаимосвязи комплекса гендерных предпосылок и текстовой реальности, что в целом объясняет исходные установки обращения к исследованию феномена Арсения Мерича.

Арсений Мерич – один из мужских псевдонимов писательницы, переводчицы, литературного критика и журналиста Августы Филипповны Даманской. Ее творческое наследие насчитывает несколько книг рассказов (излюбленный жанр Даманской), писательница также пробовала себя в жанрах повести, романа, пьесы. Кроме того, как сказано о Даманской в биобиблиографическом словаре «Русская литература XX века», «общий объем ее переводов, по приблизительным подсчетам, составил бы 54 тома» [2, с.607]. Даманская оказалась в эмиграции с 1920 года, и практически сразу началось ее сотрудничество с газетой «Сегодня», которое длилось до закрытия издания. В общей сложности в рижских газетах «Сегодня» и «Сегодня вечером» было опубликовано более двухсот ее текстов. Около 60 из них – в основном рецензии – подписаны псевдонимом Арсений Мерич (псевдоним впервые появился в печати еще в 1904 году – в рецензии на постановку горьковских «Дачников»). Выбор мужского имени для критических текстов вполне мотивирован – необходимая для критика логичность, сдержанная и, по возможности, объективная оценочность – это стереотипные маскулинные характеристики. Большая часть газетных текстов в «Сегодня» и «Сегодня вечером» (около 160) подписана именем Августа Даманская – в том числе, практически все художественные. Несмотря на дискуссионность феномена *женская литература* в 1920-1930-е годы, творчество Даманской было встречено критиками весьма положительно. Как о талантливой и умной писательнице о ней пишут Георгий Адамович, Борис Зайцев [3], Петр Пильский [5]. Даже от Владимира Набокова, не жаловавшего женскую литературу, писательница получила, как пишет Максим Шраер, «осторожное поощрение» [6].

Скрываться за мужским псевдонимом писательнице Даманской было не надо, и она этого не делала. Однако из этой логичной (с точки зрения гендерной стратификации) картины выбиваются два художественных текста, авторство которых Даманская приписала Меричу, – это рассказы 1931 года *Актриса* и 1939 года *Свидетель*. Выбор мужского имени для атрибуции рассказа *Свидетель* мы объяснить можем – повествование ведется от первого лица, рассказчик и главный герой – мужчина. Однако следует отметить, что в целом форма повествования *Ich Erzählung* для Даманской не является типичной. В ее творчестве обнаружены всего лишь пять рассказов, где в роли рассказчика выступает женщина. По отношению к рассказу *Актриса* очевидной мотивации нет. Более того, у Даманской есть текст, который ситуативно дублирует *Актрису*, – это рассказ 1937 года *Ночной гость*, но он подписан Августа Даманская.

Поиск ответов на закономерно возникшие вопросы привел к составлению *эмоционального сценария героинь*, его основой послужил:

- авторский дискурс, который включает элементы, позволяющие идентифицировать эмоцию (например, единицы-названия эмоций, развернутые описания эмоций, а также невербальные маркеры эмоциональных состояний: характеристика манеры речи, мимика, жесты, телодвижения и т. д.);
- коммуникативное поведение двух героинь в ситуативных диалогах.
- Кроме того, анализу была подвергнута и специфика *кодирования эмоций* в диалогах двух текстов с точки зрения способа их предъявления читателю.
- Текстовое эмоциональное пространство главных героинь (послужившее объектом анализа) демонстрирует определенную общность:
- во-первых, приблизительно одинаковый объем эмоционального кластера - в рассказе *Актриса* было

выделено 20 эмоционально значимых ситуаций, а в рассказе *Ночной гость* 25;

- во-вторых, эмоциональные портреты героинь также обладают определенной общностью – в них сопрягаются сходные положительные и негативные эмоции – упоение успехом, гордость за себя, с одной стороны, и страх, испуг, – с другой. Общность эмоциональных портретов обусловлена фабульным сходством и соотносительностью системы персонажей двух рассказов: главные героини принадлежат к миру искусства – первая актриса, вторая – певица кабаре. Обе женщины талантливы. Обе возвращаются домой после представления и застают в квартире непрошенного гостя – вора. Обе добровольно отдают вору деньги и / или драгоценности, после чего вор сразу же покидает квартиру;

- в-третьих, демонстрируют общность и способы кодирования эмоций, и языковая репрезентация маркеров эмоциональных состояний, что позволяет говорить об эмотивной поэтике Даманской.

Характер кодирования

В обоих сценариях устойчиво широко используется предъявление эмоций не в диалогах, а в авторской речи, условно обозначенное нами как «невербальное кодирование эмоций». Основание – отсутствие форм проявления открытой вербализации со стороны героинь. При таком способе кодирования знаками-репрезентантами эмоций выступают номинативные эмотивы (названия эмоций), ассоциированные со знаками телесного, двигательного, мимического кода, а также указатели просодии. Восприятие / атрибуция эмоций читателем предполагает и наличие фона – знание типичных признаков проявления эмоций (в целях достижения эффекта большей наглядности при представлении языкового материала воспользуемся таблицами).

Таблица № 1.

Невербальное кодирование эмоций	
<i>Актриса²</i>	<i>Ночной гость³</i>
Сладкая усталость, гордая улыбка...	...очень уж возбуждена была успехом, цветами, подношениями...
Голос ее дрогнул. Она глубоко вздохнула...	Нерешительно тихо спросила...
...Едва держалась на ногах. Роль весь вечер держала нервы в напряжении, утомляя тело.	...к чему-то прислушиваясь, вздрагивая от шороха, шелеста вещей, которые роняла на ковер и линолеум в ванной комнате...
Актриса закрыла, открыла глаза,.. прижала кольцо к губам и вынула из сумочки маленькое зеркальце. Лицо ее было бледно, и от пережитого волнения влажно и красиво блестели глаза... Она покачала головой...	И пела через силу, хоть и не полным голосом...

Кроме того, в рассказах используется и открытое вербальное кодирование эмоций. Открытую вербализацию Даманская использует в речи героинь, «сценической площадкой» здесь выступают ситуативные диалоги, и реплики-речевые действия, как их структурные компоненты. Важная роль отводится просодии и стереотипным сценариям проявления эмоций.

² Здесь и далее рассказ *Актриса* цит. по: Мериц А. Актриса // Сегодня. 1931. № 136 (17 мая). С.4.

³ Здесь и далее рассказ *Ночной гость* цит. по: Даманская А. Ночной гость // Сегодня. 1937. № 264 (26 сентября). С. 4.

Таблица № 2.

Открытая вербализация эмоций	
<i>Актриса</i>	<i>Ночной гость</i>
Глупости!.. Спрячьте, пожалуйста, вашу дурацкую штучку! У вас не все в порядке -э- Ничего лучше придумать не могли?!	Я не могу. Я страшно устала Что вам от меня нужно?
Идиот! Ха-ха-ха!	Не может быть...не может быть... Андрюша... Андрюша... не может быть!
	Я не кокотка! Я не продажная!.. Клянусь тебе... я... Все равно тебе? Клянусь, я не...
	Но какой ты старый!
	Значит, ты меня
	Андрюша, нет, нет, выслушай и не перебивай меня... Во имя... да, да, да!
	Знаю, чем виновата.....и не каяться хочу!
	Бери, бери вот эти кольца, нитку жемчуга...

Несложно заметить, что в *Ночном госте* вербальное кодирование количественно преобладает (9:3), кроме того, в диалогах различна и прагматика высказываний.

Актриса:

- экспрессив – вежливая просьба – приказ: *Глупости!.. Спрячьте, пожалуйста, вашу дурацкую штучку!*

- прямое и косвенное утверждение в форме вопроса: *У вас не все в порядке -э- Ничего лучше придумать не могли?!*
- оценочный экспрессив (инвектива): *Идиот!!!*

Отметим, что в *Актрисе* коммуникативный вектор с категорической определенностью направлен непосредственно в сторону адресата, в ее персональном дискурсе доминируют дистантные «Вы–реплики», а источником эмоций выступает ситуативное настоящее.

В *Ночном госте* речеактовая палитра иная: выражающие эмоцию речевые акты иную психологическую основу – это сильнейшие переживания героини, находящейся в состоянии аффекта. В составе речеактовой парадигмы:

- признание: *Я не могу. Я страшно устала.*
- косвенная просьба в форме вопроса: *Что вам от меня нужно?*
- Экспрессив (эмотив) – вокатив: *Не может быть...не может быть... Андрюша... Андрюша... не может быть!*
- экспрессивные признания–отрицания: *Я не кокотка! Я не продажная!..*
- клятвы: *Клянусь тебе... я.. Клянусь, я не...*
- вопрос– переспрос: *Все равно тебе?*
- оценочное утверждение (вердиктив): *Но какой ты старый!*
- утверждение (догадка): *Значит ты меня...*
- обращение – вокатив – категорическое отрицание – просьба– мольба: *Андрюша, нет, нет, выслушай и не перебивай меня... Во имя... да, да, да!*
- признание – сообщение о собственных намерениях: *Знаю, чем виновата.....и не каяться хочу!*
- директив: *Бери, бери вот эти кольца, нитку жемчуга...*, но данный директив направлен на выполнение желания ночного гостя.

Безусловно, коммуникативная дуга в обоих случаях замыкается на адресате, но в *Ночном госте* рисунок взаи-

модействия сложнее, так как имеет место своего рода возвратно-поступательное движение, отталкивающееся от глубинных субъективных эмоций, связанных с утраченным прошлым. В дискурсе доминируют «Я/ТЫ-типа» высказывания, т. е. актуализируется личностная прагматика ближнего круга.

Наконец во внутренней речи героинь используется и так называемая скрытая вербализация (вербализация скрытых эмоций).

Таблица № 3.

Скрытая вербализация эмоций	
<i>Актриса</i>	<i>Ночной гость</i>
<i>Черт возьми! – такая неожиданно подвернулась действия вспышка!</i>	пить с гостями, приохотиться к шампанскому и ликерам – ни в коем случае...
<i>... как он срывал с ее пальца кольцо...</i>	
<i>Она заметила, к ужасу своему..., улыбка застыла на ее лице... А если он силой?</i>	

Таким образом, мы можем сказать, что эмотивная стратегия писательницы Даманской едина – для ее эмотивной поэтики свойственно паритетное соотношение вербальных и невербальных способов выражения эмоций, а также чередование названных эксплицитных эмоций и эмоций непрямого обозначения. А вот эмотивные тактики в двух рассказах не совпадают – в частности, не совпадает объем открытого и закрытого вербального кодирования – и это, на наш взгляд, связано с гендерной авторской установкой.

Эмоциональные сценарии двух рассказов

В рассказе *Актриса* в квартиру героини вламывается незнакомый ей человек – вор. Чтобы спастись, героиня еще раз проигрывает перед ним только что ус-

пешно сыгранную сцену из спектакля. Эксплицитно театральная сцена осталась за рамками текста, имплицитно она представлена в положительных эмоциях героини – это гордость, упоение своей ролью и собственным талантом, что сопровождается мимикой (улыбкой).

Разыгранная дома сцена начинается с условного поднятия занавеса – «она повернула выключатель» – в комнате-сцене загорелся свет. Сразу же следует сильная негативная эмоция, обозначенная эмотивом-номинативом (страх), ее подкрепляет невербальный знак – телодвижение: «страх приковал ее ноги» и «хотела уже было поднять руки». Актриса удачно ведет сцену, и эмоция вновь становится положительной (воспоминания о сыгранной сцене и мимика – улыбка: *она с улыбкой взглянула на него*). И вновь мгновенный переход к сильной (более сильной) негативной эмоции, сопровождаемой мимикой, – улыбка застыла на ее лице – она заметила к ужасу своему. Сцена проигрывается еще раз и завершается – падает и открывается (для поклонов) занавес: *Актриса закрыла, открыла глаза*. Следует сильная положительная эмоция, аналогичная начальной, – *отлично сыграно, браво, браво*, что сопровождается невербальным знаком сильнейшей эмоции – *глаза влажно и красиво блестели*.

В рассказе эмоции испытывает героиня-женщина, но это стереотипно маскулинные эмоции. Эмоциональные проявления «Актрисы» динамичны – эмоциональная шкала представляет собой «эмоциональные качели», т. к. высокие эмоции последовательно чередуются с эмоциями низкого регистра: усталость – восхищение; экстаз – обретение спокойствия; скука – возмущение; решимость – удовлетворение. Но все эти эмоции кратковременны, объективированы, а главное – обусловлены «игровым фактором». Так, источником эмоции досады, даже негодования (его выражает аффектив *Черт возьми!*) служит вполне сценическая ассоциация: это вор – как партнер, его плохая «игра», скучный рас-

сказ о себе. Данную реакцию выражает констатив-вердиктив: *Актрисе стало скучно*. В результате избражаемый эмоциональный мир оказывается стабильным, сбалансированным, текст начинается и завершается одной эмоцией – возникает своего рода композиционное эмоциональное кольцо.

Имплицитный автор Арсений Мерич как автор-мужчина, или маскулинная авторская личность, выбирает повествовательную позицию так наз. олимпийского Бога – это всезнающий повествователь с внутренней психологической точкой зрения. Об этом свидетельствует доминирование невербального и скрытого вербального кодирования. Читателю конкретно и определенно указан тип эмоций, ему не надо осуществлять имплицитных действий. Эмоции наблюдаемы и представимы. Автор точно идентифицирует эмоциональное состояние героини, и эта точность важна, поскольку речь идет о ее профессиональной состоятельности – она для себя выясняет, актриса она или, как презрительно заметил вор, *актерка?*

В рассказе *Ночной гость* в квартиру певицы кабаре Наташи Огородниковой вламывается – как оказывается – не просто вор, а знакомый ей до эмиграции (и, видимо, когда-то любимый ею) человек. Казалось бы, этим можно объяснить несколько странную реакцию героини – В комнате было светло (светло ночью – так как вор зажег свет). Перед нею стоял человек в низко надвинутой на глаза шляпе, с направленным на нее револьвером в руке – далее следует неожиданное телодвижение – *она приподнялась, упираясь ладонями в подушки за спиной* (не застыла от страха, а приподнялась навстречу грабителю!) – - Что вам от меня нужно? Она еще не узнает гостя и тем не менее – *Она вытянулась больше, выше ...* Даже на улице – когда возможный источник страха был не проявлен (– это было «что-то в темной глубине пустынной улицы») – реакция Наташи сильнее – она *боязливо* оглянулась по сторонам. Почему героине

страшно на пустынной улице и не страшно перед дулом наведенного на нее револьвера?

В эмоциональном сценарии Наташи Огородниковой доминируют негативные состояния (соотношение негативных и позитивных эмоций- 20:5), при этом негативные эмоции являются сущностями «глубинного уровня залегания»: постоянная усталость, с трудом преодолеваемое нежелание петь гостям, несогласие с «контекстом» собственной жизни, одиночество, вызванное потерей любви. Позитивные эмоции, напротив, кратковременны и в большинстве своем проявлены в сцене свидания с ночным гостем. Этот положительный эмотивный пласт создан при помощи открытой вербалики и непосредственно выражает эмоции самой героини. Они относятся к утерянному прошлому, знаком которого и является ночной гость. Эксплицируемая эмоция (состояние) Наташи – это вырвавшаяся наружу в виде крика, бьющая фонтаном боль по прекрасному утраченному прошлому. В этой сцене при представлении эмоционального состояния героини автор отходит в сторону, предлагая читателю самому пережить эмоцию.

Что же касается доминирующих по объему негативных эмоций, то – как мы видим из реакции на вторжение, – здесь все сложнее. В отличие от рассказа *Актриса* в *Ночном госте* есть рамочный текст (до и после сцены визита ночного гостя), он фиксирует мир повседневности кабаре (мир дрящегося настоящего), по отношению к которому указан вектор естественной (с точки зрения гуманистической морали) эмоциональной реакции: неприятие, отвращение, презрение, негодование, гнев, ненависть, страдание. Не случайно эффектом взаимодействия героини с этим миром в конце концов становится ее бегство.

Устойчивость негативных эмоций, длительность нежелательных переживаний позволяют говорить, что основу эмоционального состояния героини рассказа *Ночной гость* составляет душевная опустошенность, негативное отношение к повседневной реальности, в которой неиз-

бежны поступки, унижающие достоинство женщины, поведение, не соответствующее ценностным ориентирам автора-женщины. В этом длящемся настоящем времени рассказа у героини нет эмоций, большая их часть репрезентируется через отрицание –

- *Нет, в этот раз ни за что.. и не до смеха, не до пьяных шуток...*
- *Передай, что сегодня не...*
- *Я не могу...*
- *Молва о Наташе Огородниковой шла недобрая — играет в несчастный роман, интересничает, знает, чем приманивать дураков... И что денег куры не клюют, недоверчива, сквалыга — а для кого копить? Когда никого у нее, кроме старой тетки в богадельне, — об этом судачили все, знавшие ее. А близко не знал ее никто — она никого к себе не звала, ни с кем дружбы не водила...*
- *не умывалась долго, не вытирала долго лицо и шею розовой водою..., не смотрелась в зеркало, не искала морицин на своемъ лице, Делала всё быстро, нехотя,... Легла, не приняв лекарства*
— Я не кокотка.. Я не продажная... Клянусь тебе... Я... — Все равно тебе?.. Клянусь, я не... Я не.. (эллипсисы с НЕ)
- *«Андрюша, Андрюша, нет, нет, выслушай,- и не перебивай меня... Во имя... да, да, да! Не отмахивайся... Знаю, чем виновата и не каяться хочу...*

С точки зрения источника эмоций субдискурс кабаре – это авторский дискурс и здесь выражены эмоции автора, а именно: сильные эмоции автора-женщины (в этой части текста рассказа сосредоточены невербальные и скрытые вербальные способы кодирования). Важно то, что автор-повествователь (в отличие от рассказа *Актриса*) не встает на внутреннюю точку зрения. Поэтому все описания эмоций-чувств героини мотивированы чужим

словом – легендами, историями, фантастическими слухами, молвой («чесали языки», «судачили»):

- *...была история, «история» — обраставшая уже легендой. Был такой, с кем легко и весело было пить, для кого радостно было петь...*
- *Исчез так же внезапно, как вошел в ее жизнь чужой, чужой страны, и выжег в сердце все, чем жило, все, что любило – близкое, родное...*

В целом проведенный анализ двух рассказов позволил наметить существенное различие: реальная схожесть приемов не заслонила гендерной реальности: там, где в центре оказывается демонстрация профессиональных качеств, – слово берет автор-мужчина. Там же, где рвется наружу крик о женской судьбе, ведущим становится голос и позиция автора-женщины.

Таким образом, феномен Арсения Мерича подтверждает концептуальную идею Элен Сиксу о том, что феномен *écriture féminine*, впрочем, как и письма мужского, не зависит от пола автора. Опыт Августы Даманской свидетельствует о том, что гендерная языковая личность, проявляющаяся в следовании гендерным стереотипам, сознательно конструируется автором. Думается, что это напрямую связано и с гендерными ожиданиями читателя.

Литература

1. Даманская А. Ночной гость // Сегодня. 1937. № 264 (26 сентября). С. 4.
2. Даманская А. // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Т.1. Москва: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С.606-607.
3. Зайцев Б. А.Ф. Даманская: К 25-летию литературной деятельности // Возрождение. 1931. 12 окт.
4. Мерич А. Актриса // Сегодня. 1931. № 136 (17 мая). С.4.
5. Пильский П. А.Ф. Даманская. Юбилейные строки // Сегодня. 1931. № 218 (9 августа). С.12
6. Шраер Д. Максим: Почему Набоков не любил писательниц? // Дружба народов. 2000. № 11.

ОПЫТЫ

Трансформации образа женщины в советской и постсоветской женской периодике¹

К. С. Изотова, А. Ю. Степанова

В статье анализируется изменение образа женщины со времен Советского Союза до наших дней на примере женских журналов «Работница», «Дарья», «Счастливая и красивая». Показано, что большое влияние на репрезентацию образа женщины оказывают политические, экономические и культурные факторы. Внимание в статье сосредоточено на том, как по содержанию и наполнению женских журналов можно воспроизвести ожидаемые полоролевые модели поведения и гендерные стереотипы. В ходе истории роли матери и работницы то соревновались между собой, то объединялись, создавая на страницах журналов идеальный образ женщины своего времени.

Ключевые слова: СССР, женские журналы, советская женщина, образ женщины, полоролевая модель, гендерные стереотипы, «Работница», «Дарья», «Счастливая и красивая», советская женская периодика, постсоветская женская периодика

Transformation of the image of women in the Soviet and post-Soviet women's periodicals

Kseniya S. Izotova, Anastasiya. Yu. Stepanova

The article analyzes the change in the image of a woman from the time of the Soviet Union to the present days based on “Worker”, “Daria”, “Happy and Beautiful” women's magazines. Political, economic and cultural factors

¹ Публикация подготовлена под руководством кандидата философских наук Любови Сергеевны Московчук.

have a great influence on how our women look like. The article reviews the expected gender-role models and behavior stereotypes as they are reproduced by the content of the women's magazines. Throughout our history the roles of a woman being a mother and a breadwinner used to separate or combine creating the respective ideal feminine image on the pages of the magazines.

Keywords: USSR, women's magazines, Soviet woman, woman's image, gender-role model, gender stereotypes, «Rabotnitsa» / «The Woman Worker», «Daria», «Happy and beautiful», Soviet women's periodicals, post-Soviet women's periodicals

Средства массовой информации – отличный источник для изучения гендерных стереотипов, в которых аккумулируются требования и ожидания социума относительно образцового поведения мужчин и женщин. В образе идеальной женщины, который воспроизводится на страницах модных и развлекательных журналов, отражаются метаморфозы, происходящие с обществом. Изучение этих образов позволяет показать, как образ женственности зависит от экономической, политической, идеологической и демографической ситуации.

Задача нашего небольшого исследования заключается в сравнении образов женщины, характерных для СССР и для нашего времени. Базой для нашего исследования послужили такие популярные женские журналы, как «Работница» (издавался 1914-2001, с 2001 года издается для семейного чтения, минимальный тираж 2013 год – 35 тыс., максимальный в 1990 году – 23 млн.), «Дарья» (издается с 2003 года, тираж – 300 тыс.), «Счастливая и красивая» (издается с 2011 года, тираж 65 тыс.). Эти журналы объединяет большая распространенность, известность и ориентация на широкий круг читателей.

Еще в XIX в. в обществе активно обсуждалась идея эмансипации женщины и освобождение ее от экономической, правовой и бытовой зависимости от мужчины, но «в размышлениях о «женском вопросе» практически

все мыслители XIX в. сваливались в социологизмы, связывая его решение с контекстами частных практик брачно-семейных отношений. По умолчанию полагалось, что все сферы социальной деятельности женщины (образование, профессия, творчество и пр.), в лучшем случае, вторичны по отношению к ее репродуктивной и супружеской функциям» [16, с. 73]. В советских журналах происходит определенное переосмысление роли и места женщины в обществе и семье.

Образ женщины, который создается в журнале «Работница», можно назвать образом «суперженщины», которая одновременно является и хорошей матерью, и женой, и работницей. Например, этот образ прослеживается в письмах читательниц, опубликованных в журнале: «Мать работала уборщицей! Мать и отец командовали всем этим жизнерадостным «взводом» ненавязчиво, мягко. Все выполнялось сразу и очень быстро»; «Мама, мы привозим своих жён к тебе в деревню, чтобы показать твою жизнь, твой труд, твою заботу и любовь к детям» [9, с.34]. В журнале 1985 года в одной из статей женщина рассказала о своих буднях так: «Придешь с работы усталая, дома что-то поделаешь, с сыном позанимаешься – и дня как не бывало... Однако, мы знаем, Лариса Николаевна все же находит время для своих любимых дел. Организовала на заводе народный книжный магазин, но ни разу не пожаловалась на то, что эти общественные хлопоты съедают ее свободное время» [15, с.35]. В другом выпуске опубликовано письмо читательницы, в котором она пишет: «Я женщина и, значит, должна совмещать всё – работу, дом, семью... Но заметьте, я иду в субботу на завод, зная, что у меня квартира в чистоте, дети сыты, у мужа свежая, выглаженная рубашка» [5, с.24]. Таким образом, можно отметить, что идеальная женщина, сошедшая со страниц журнала «Работница», гармонично сочетает в себе роли матери, жены, работницы и общественного активиста, и заслуживает тем самым уважение. Забота о семье и трудовая профессиональная деятельность одинаково поощ-

рялись со стороны общества, что хорошо видно на примере женских советов, существовавших при предприятиях, работа которых освещалась на страницах «Работницы». В ведении женских советов были вопросы профессионального развития женщин, совершенствования условий труда, помощь в решении семейных проблем, организация семейного досуга, помощь детям-сиротам и др. [4, с.16].

Истоки такого положения женщины в обществе того времени можно найти еще конце 30-х годов. Тогда в журналах большое внимание уделялось историям приобщения женщин к труду на заводах и в колхозах. Что можно объяснить необходимостью поднятия экономики в стране: «...особенно бросаются в глаза факты, свидетельствующие о новой роли трудящейся женщины в нашей стране... Тот факт, что трудящиеся женщины выдвинулись теперь на передовые позиции строителей социализма, имеет громадное значение» [3, с.11]. Также в этом выпуске «Работницы» напечатана серия рассказов об участницах совещания передовых комбайнеров и комбайнерок. Эти рассказы советских женщин о своем трудовом пути мотивировали читательниц [6, с.5-6], [24, с.6]. Подобные публикации действительно воодушевляли женщин «Не пропускаю прочитать ни одного номера «Работницы», где пишут о том, как растут советские женщины. Радуюсь, когда читаю о женщинах-директорах, женщинах-председателях сельсоветов, колхозов и т. д.» [26, с.20].

Кроме индустриализации на формирование полоролевых ожиданий оказала большое влияние Великая Отечественная война, которая унесла огромное количество жизней, как женщин, так и мужчин. Однако, в общем объеме населения потери среди мужчин составляют 76% из 20 млн. [2]. Согласно данной статистике, потери среди женского населения страны были меньше. Из этого следует, что на плечи советских женщин были возложены сначала работа в тылу и служба на фронте, а после работа по восстановлению экономики и демографиче-

ского положения в стране. Однако не только объективные причины подталкивали женщин осваивать новые профессии, как указывает М. Ганина, но и жажда «осваивать новое» [7, с.1].

На страницах журнала «Работница» оказывается поддержка матерям-одиночкам, упор делается на то, что в Советском Союзе не может быть одиноких людей и у советского человека всегда есть коллектив, а государство всегда готово помочь. Например, «Женщины – работницы и служащие, - в том числе и не состоящие членами профсоюзов, имеют право на пособие по беременности и родам независимо от стажа работы» [13, с.31]. В статье «Уважать права работниц-матерей!» пишут, что «Советское государство издало много законов, охраняющих труд женщин-матерей, и надо, чтобы все руководители, больших и малых предприятий, уважали эти законы» [23, с.29]. «В нашей стране не может, не должно быть, да и нет одиноких людей. Слова «мать-одиночка», «одинокая мать» не имеют права на существование...У матери есть ребенок. Уж по одному этому она не одинока. У нее есть коллектив, членом которого она является, вместе с которым трудится на благо родины» [14, с.15].

Также вновь с новой силой поднимается тема работающей женщины, успехи которой всячески воспеваются. «Женщина – жена, друг, товарищ, мать. Работает ли она рядом с мужем у станка или несет всю нелегкую домашнюю работу и воспитывает детей, - от нее, от ее энергии и старания в значительной степени зависит работа целых предприятий и новостроек» [19, с.5]. «В нашем изоляционном цехе работают почти одни женщины...У нас нет ни одного рабочего, который не выполнял бы норму; многие работницы вырабатывают 200 процентов» [22, без/с]. «Коммунистическая партия и советское государство приложили огромные усилия, чтобы привлечь женщин к активному участию во всех областях производственной, общественной и культурной жизни. В народном хозяйстве СССР женщины состав-

ляют теперь уже 46 процентов ко всей численности рабочих и служащих» [17, с.6].

Благодаря политике поддержания семей, женщина могла спокойно работать, пока ее ребенок находился в детском саду, также молодым семьям выделяли квартиры и давали возможность получать образование, совмещая это даже с работой и семьей. Также, стоит отметить, что в статьях про семью мужчины и женщины стоят на равных: пока женщина работает и ухаживает за ребенком, мужчина также выполняет другие обязанности помимо работы. Ярким примером является история семьи Кулинич, напечатанная в том же выпуске журнала «Работница»: «Женаты Кулинич 10 лет. Начинали семью, как они выражаются, «с полного нуля». Оба приезжие, она пришла на фабрику после школы ученицей настильщицы ваты, он после армии – механиком. Сегодня должность Нины Петровны – инженер БРИЗа, Владимир Викторович – старший инженер по оборудованию. Образование оба получили без отрыва от производства, уже имея дочку. Могли бы они это сделать без помощи бабушек-дедушек, если бы не круглосуточные фабричные ясли, а потом садик? А может, и могли бы, целеустремленности им не занимать. Но было бы гораздо труднее. А как у них с жильем? Сначала выделили комнату в общежитии, через год дали комнату «с подселением», еще через 3 получили квартиру» [20, с.23]. В более ранние годы также об этом писали: «Питерская работница в борьбе за свободу всюду шагала рядом с мужчиной. Вместе они бросали по призыву революционеров работу, вместе выносили все лишения, горести, беды» [8, с.1].

Таким образом, к 80-м годам в образе советской женщины, созданном на страницах журнала «Работница», гармонично сочетаются роли как матери и жены, так и работницы. Этот журнал читали как взрослые, так и школьницы. Благодаря разнообразным статьям и иллюстрациям складывался образ идеальной советской женщины. Как же выглядела эта женщина? На страни-

цах «Работницы» сложно найти женщин в коротких юбках и с вечерним макияжем. Чаще всего там изображены женщины рабочего класса в косынках и удобной одежде, женщины в строгих костюмах, лица которых серьезны, а в глазах уверенность и сила.

Есть выражение: «Спрос рождает предложение», именно по такому принципу в современной России издаются журналы, которые предлагают читательницам разные стили жизни. Например, «Дамский дом», а также русские адаптации зарубежных изданий, таких как «VOGUE», «Harper`s Bazaar», «Glamour» пишут о моде и красоте. Журналы «Лиза», «Домашний очаг», «Дарья» транслируют семейные ценности и традиционный образ женщины. Также есть более узкоспециализированные журналы, которые читают как мужчины, так и женщины: «Наука и жизнь», «Новое литературное обозрение», «Вокруг света», «Искусство кино» и т. д. Однако в Советском Союзе ассортимент женских «глянцевых» журналов был не столь широк.

Даже в названиях журналов разных эпох можно найти определенный смысл. Если названия «Работница» или, например, «Крестьянка» явно указывают на род деятельности женщины, то такие названия современных журналов, как «Дарья» или «Лиза» не несут в себе явной идеологической составляющей, а указывают на развлекательный характер и обращаются к любым женщинам, независимо от их статуса и рода занятий.

Читая такие современные журналы для женщин, как «Дарья» и «Счастливая и красивая», можно сделать выводы о том, что многим женщинам в наши дни интересны такие темы, как семья, красота, мода, кулинария и здоровье. Посмотрев рубрики журналов, в этом можно еще раз убедиться. Темы работы и карьеры перешли из рубрик женских журналов в отдельные издания, которые зачастую читают как мужчины, так и женщины. В современных женских журналах, рассматриваемых в данной статье, эти темы не поднимаются. Однако, в «Работнице» с 1984 года появляются постоянные рубри-

ки, такие как: «Званный гость», «Читателю слово», «Письмо в номер», «Мода», «Совет да любовь», «Политическая аудитория», «Юмор», «Юридическая консультация», «Дискуссионный клуб «за» и «против»», «Азбука экономики». С появлением новых рубрик тем в журнале становится тоже больше. Налаживается коммуникация с читателями благодаря рубрикам: «Письмо в номер», «Читателю слово» и т. д. Таким образом можно заключить, что советские журналы ставили перед собой задачу не только идейного воспитания и повышения трудовой сознательности женщин, но и преследовали развлекательные, рекреационные и образовательные цели.

Сравнивая советские журналы и современные, можно отметить, что в настоящее время больше внимания уделяется женщине как отдельной личности, а не как представительнице коллектива или государства. «Многие из нас привыкли угождать – родителям, мужу, детям, друзьям и начальству. Чувствуешь себя при этом хорошей, но несчастной. Может, пора и о себе подумать?» – так начинается одна из статей журнала «Дарья» [18, с.28]. Также вы можете найти статьи с заголовками «Мама поневоле» [12, с.30], «Постельные признания» [10, с.35], «Я родила от женатого» [1, с.16]. Такие провокационные темы не поднимались в «Работнице», но это не значит, что они не существовали. В России до сих пор тяжело обсуждать такие темы, но теперь женщины хотя бы могут свободно читать об этом в журналах. Сейчас то, что будет печататься во многом определяется интересами коммерческих организаций, то есть они печатают то, что будет продаваться, то, что интересно читать многим современным женщинам.

Также в современных журналах можно найти «развлекательные» рубрики, такие как астрологические прогнозы, тесты, кроссворды. Это еще раз подчеркивает, что в журналах содержится также и менее серьезный контент. В СССР в 1980-х годах тоже были развлекательные, по тем временам, рубрики. Например, юмор с

различными иллюстрациями, статьи про моду и выкройки. В более ранних журналах «Работницы» встречались рецепты [11, с.32]. Регулярно публиковались рассказы и другие литературные произведения, что придавало журналу не только развлекательный, но и образовательный характер [21, с.32]. Причем можно отметить, что уровень развлекательных материалов был высоким.

Темы красоты, моды и здоровья интересуют многих современных женщин. Через эти рубрики транслируется образ привлекательной, ухоженной и уделяющей себе много времени женщины. Если в СССР больше внимания уделялось деятельности женщины, то сейчас более популярно говорить о внешнем образе и отношении к себе и к жизни.

Например, в журнале «Счастливая и красивая» в разделе «В тренде красота» говорится о том, как с помощью одежды создать привлекательный образ, а в разделах «Психология» и «Самоанализ» о том, как наладить отношения с друзьями и научиться прощать [25, с.9], [27, с.31].

Таким образом, можно сделать вывод, что в советских журналах образ идеальной женщины включал роли образцовой матери, жены, работницы. В журнале не уделялось особое внимание внешней привлекательности и индивидуальности, психологическим проблемам женщины. В современных журналах всё выглядит иначе. Роли матери, жены и рабочей женщины разделились, а внешнему образу и внутреннему миру теперь уделяется особое внимание. Так же можно отметить, что раньше на страницах журналов создавали одобряемый женский образ, которому следовало соответствовать новой советской женщине, то современные журналы напротив идут от ожиданий своих читательниц, не ставя перед собой преобразовательных и воспитательных целей.

Литература

1. Анастасия Р. Я родила от женатого // Дарья. 2019. №19. С.16
2. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза 1922-1991 / под. ред. А. Г. Волкова. М.: Наука, 1993. 143 с.
3. Берман Л. М. Высокая награда правительства // Работница. 1935. № 36. С. 11-12.
4. Бородина Р. Помощницы // Работница. 1979. №3. С. 16.
5. Варичева Л. Свободна. От чего? // Работница. 1985. №09. С. 24-25.
6. Волкова А. И работать стало весело и жить хорошо! // Работница. 1935. №36. С. 5-6
7. Ганина М. Еще о женщине... // Работница. 1979. № 3. С. 1-2.
8. Головань И. Сердце ленинградки // Работница. 1957. №6. С. 1-2.
9. Иванова Е. Живой пример // Работница. 1984. №11. С. 34.
10. Князькин И. Постельные признания // Дарья. 2019. №19. С.35.
11. Козырева А. Про запас // Работница. 1968. №08. С. 32.
12. Мама поневоле // Дарья. 2019. №19. С.30
13. Никифорова М. Пособия по беременности и родам // Работница. 1957. №03. С. 31.
14. Они не одиночки! (Обзор писем) // Работница. 1957. №01. С. 15.
15. Орлова Л. Хочешь быть красивой? // Работница. 1984. №11. С. 35-37.
16. Орлова Н. Х., Киейзик Л. Михайловский и Бакунин о решении «женского вопроса»: тревоги о конкуренции // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. №28. С. 71-82.

17. По пути, начертанному XX съездом КПСС // Работница. 1958. №10. С. 6-7.
18. Рассказова Д. Хорошие девочки не жалуются! // Дарья. 2019. №19. С.28.
19. Руденко И. Волнения Полины Ивановны // Работница. 1957. №01. С. 5.
20. Рябинкина Т., Хизанашвили Т. Молодая семья в молодом доме. Глава третья: первый дом // Работница. 1979. №3. С. 22-24.
21. Седова Т. Моцарт Французской живописи // Работница. 1984. №11. С. 32.
22. Травина В. Чем мы встречаем славную годовщину // Работница. 1957. №06. б/с.
23. Уважать права работниц-матерей! (Обзор писем) // Работница. 1957. №06. С. 29.
24. Чабанова А. Самая лучшая премия // Работница. 1935. №36. С. 6.
25. Шелкова М. Стыд. Освобождение // Счастливая и красивая. 2019. №06. С. 9.
26. Шитикова К. При советской власти растет наша Чукотка // Работница. 1936. №34. С. 20.
27. Я боюсь, что он меня бросит... // Дарья. 2017. №08. С. 31.

Токсичная маскулинность в рекламе¹

М. К. Ходкевич

В статье анализируется понятие маскулинности, рассматриваются ее различные виды, демонстрируется почему «токсичная маскулинность» часто воспринимается как проблема. На примере рекламных роликов успешных компаний анализируется образ мужчины и описывается «идеал» мужественности. Наиболее распространенным остается традиционный канон маскулинности, базирующийся на силе, успешности, безэмоциональности. Отмечается зарождающийся тренд на освобождение мужского образа от токсичной маскулинности в рекламе.

Ключевые слова: маскулинность, токсичная маскулинность, пол, гендер, полоролевой конфликт, полоролевой стереотип, гендерные стереотипы

Toxic masculinity in advertising

Mariya K. Khodkevich

The article analyzes the concept of masculinity, considers its various types, demonstrates why “toxic masculinity” is often perceived as a problem. Examples of commercials of successful companies show the image of a man and describe the “ideal” of masculinity. The most common is the traditional canon of masculinity, based on strength, success, and emotionlessness. There is a nascent trend for the release of the male image from toxic masculinity in advertising.

Key words: masculinity, toxic masculinity, gender, sex, sex role conflict, sex role stereotype, gender stereotypes

¹ Публикация подготовлена под руководством кандидата философских наук Любови Сергеевны Московчук.

Всем известны распространенные стереотипы, в которых общество выражает свои требования к мужчинам: он должен быть сильным, успешным на работе и способным обеспечивать семью, защищать ее, не должен плакать и как-либо проявлять свои эмоции... Только мы забываем, что никто никому ничего не должен, и продолжаем разбрасываться стереотипными фразами о «настоящем мужчине». Как будет показано через анализ рекламных роликов, крупные бренды не стоят в стороне от поддержания социально одобряемых моделей поведения и в своих рекламных кампаниях воспроизводят и закрепляют традиционные идеалы маскулинности, в то время как экономические и демографические изменения предъявляют к современному мужчине новые требования. А значит, в настоящее время вопрос о сильных и слабых сторонах образа идеальной маскулинности как никогда актуален.

Проведенное исследование ставит цель обратить внимание на проблему токсичной маскулинности и, возможно, наметить перспективы преобразования представлений общественности о том, каким должен быть современный мужчина.

Человеческий пол имеет два измерения: биологическое и социальное. В первом случае мы говорим о различиях мужчин и женщин, которые проистекают из нашей физиологии и биологической природы, а во втором – о том влиянии, которое оказывает общество на наше поведение в роли мужчин и женщин. Социальное измерение пола называется гендером.

В своем поведении мы часто руководствуемся усвоенными из культуры и полученными благодаря воспитанию гендерными ролями. Эти роли – модели поведения, которые включают в себя ожидания и требования социума, к человеку как представителю определенного пола. Несформированное полоролевое поведение или отсутствие в нем гармонии могут повлечь серьезные последствия: конфликты с окружающими людьми, стрессы и даже депрессии, полоролевые конфликты.

Полоролевой конфликт – это противоречие (столкновение) между полоролевыми или гендерными стереотипами и неспособностью или нежеланием личности им соответствовать.

Гендерные стереотипы задают ожидаемые и одобряемые границы поведения, чем могут влиять на наши психологические характеристики, способствуют или напротив препятствуют самореализации человека. В общественном сознании мужские и женские качества обычно противопоставляются. Как указывает Е. П. Ильин, агрессивность, доминантность, предприимчивость, самодостаточность, независимость, смелость, отсутствие эмоций, активность и логичность мышления в гендерных стереотипах обычно приписываются мужчинам, а зависимость, тактичность, разговорчивость, боязливость, аккуратность, спокойность, мечтательность, суеверность, эмпатийность, тревожность, сентиментальность и эмоциональность – женщинам [2].

Полоролевые стереотипы задают идеальные образы мужского и женского поведения, которые воплощаются в идеалах мужественности (маскулинности) и женственности (феминности). В отличие от феминности маскулинность не так давно попала под прицел научных исследований. Среди наиболее авторитетных исследователей маскулинности в психологии, философии, культурологии, социологии и др. науках стоит отметить имена Е. А. Здравомысловой, И. С. Кона [3], И. Костериной [4], Н. Х. Орловой [5], А. А. Тёмкиной [1], С. Ушакина [7] и др. Вслед за этими авторами в своей статье мы сосредоточимся на проблеме маскулинности.

Ирина Тартаковская дает достаточно простое определение этому сложному понятию: «Маскулинность — это определенный набор практик и представлений, которые отвечают на вопрос о том, что значит быть правильным мужчиной в данное время и в данном социальном окружении» [6]. В каждом обществе сложились свои социальные ожидания, и мужчина, будучи его составной частью, обязан им следовать. Маскулинность

подразумевает успешность, силу, наличие лидерских качеств, а все «женские» проявления отрицает.

По мнению общества мужчиной недостаточно просто родиться. Своими повседневными действиями мужчина должен подтверждать свой маскулинный статус, успешно овладевая «правильными» мужскими ролями (добытчик, покоритель женских сердец, лидер и др.) и демонстрируя «правильный» набор качеств, о котором говорилось выше. В противном случае, в глазах общества, мужчина на всю жизнь останется неудачником.

Однако с гипермаскулинностью, которая раньше считалась нормой или даже показателем успеха, все не так легко. И. Кон пишет, что она вызывает и многочисленные отрицательные качества, такие как агрессивность, эмоциональная скованность, девиантное поведение и т. д. [3].

Мужские роли включают в себя противоречащие друг другу элементы (например, опору на агрессию и эмоциональная скованность), социально-психологические процессы, не позволяющие мужчине реализовать свой личностный потенциал, проблематичные механизмы эмоционального самоконтроля. Именно поэтому идеологическое содержание традиционной маскулинности сейчас все чаще ставится под сомнение.

Концепция Роберта Брэннона состоит из четырех принципов традиционной маскулинности [8]:

1. «Без бабства» – мужчина должен избегать всего женского.

2. «Большой босс» – мужчина должен добиваться успеха и опережать других мужчин.

3. «Крепкий дуб» – мужчина должен быть сильным и не проявлять слабость.

4. «Задай им жару» – мужчина должен быть крутым и не бояться насилия.

Несмотря на то, что концепция создавалась в 80-е годы прошлого века, в общественном сознании мало что изменилось. От мужчин так же требуют соответствия этим сомнительным устаревшим нормам. И. С. Кон пи-

сал: «мужские проблемы коренятся не столько в мужской психофизиологии и особенностях индивидуального развития мужчин, сколько в противоречивости нормативного канона маскулинности, ориентированного на оправдание и поддержание мужской гегемонии» [3]. Следование традиционной модели маскулинности может приводить к полоролевым межличностным и внутриличностным конфликтам в том случае, когда по каким-либо причинам (объективным или субъективным) мужчина не способен вписаться в существующие стандарты, либо напротив, когда излишне вживается в роль настоящего мужчины, что может приводить к излишней агрессивности, девиантному поведению и др.

Транслирующиеся с экранов рекламные ролики все еще (за редким исключением) поддерживают эти принципы маскулинности. Давайте рассмотрим на примерах.

Главное действующее лицо всем знакомого рекламного ролика нового аромата с названием «Captain» бренда мужских продуктов для ухода за кожей «OldSpice» – мускулистый мужчина с грубым тяжелым голосом в воинственной позе, отражающей его превосходство, перемещается на рояль со словами: «Капитан – хозяин морей. Ему море по колено»². Сказанная фраза и полный образ героя отражают все принципы Бреннона, показывают настоящего гипермаскулинного мужчину, вызывая у зрителя-мужчины желание быть немного похожим и покупать новый продукт.

Следующий ролик – реклама холодильника «InstaView Door-in-Door» компании «LG», который можно назвать «Мужчины тоже плачут»³. Только в этом случае излишняя эмоциональность мужчины показывается далеко не с положительной стороны, а даже наоборот. Дочь и жена обнаруживают, как их муж и отец плачет

² Рекламный видеоролик «OldSpice» URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=fdKQvDs3KqY>

³ Рекламный видеоролик «LG InstaView Door-in-Door» URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=nSHpRVEUj8A&feature=share>

после просмотра мелодрамы. Их реакция проста и понятна – это смех. Так и в повседневной жизни, мужчина, плачущий над фильмом, вызовет чаще всего насмешку, ведь такая реакция свойственна женщинам, а не сильным, безэмоциональным, даже черствым мужчинам, с точки зрения существующих стереотипов.

В видео-рекламе автомобиля «Toyota TRD-2019»⁴ крупным планом снят боец Хабиб Нурмагомедов, обладающий традиционной восточной внешностью. Его, можно сказать, прямой, агрессивный, хищный взгляд, вызывающий уважение и внушающий страх, сильные руки и могучий рекламируемый внедорожник дополняют слова «Мощь – это твое превосходство... Сила – это твое достоинство». Видео просто источает гипермаскулинные импульсы, создавая образ «идеального» и «правильного» мужчины.

Рекламный ролик «Snickers» «Когда ты сытый, ты лучший»⁵ также обыгрывает традиционные стереотипы о настоящем мужчине. Сюжет стандартный для рекламной кампании шоколадного батончика: сначала главный герой какой-то не такой, как все – вместо того, чтобы попасть мячиком по кнопке, «запускающей» веселую вечеринку, он сбивает стаканы, разбивает лампочку и попадает в кота. В то же время другие мужчины демонстрируют ловкость и сноровку, успешно закидывая лед в бокалы и пластинку на проигрыватель, а другому неудачнику говорят, что он не в ударе, и советуют съесть рекламируемый батончик, чтобы стать таким же, как они. Сразу после употребления «Snickersa» герой преобразается: он теперь в стильном костюме, взгляд сменился с отчаянного на уверенный, и все начало получаться. В ролике интересно показано то, как реагируют люди, на мужчину, который отличается от них – ему

⁴ Рекламный видеоролик «Toyota TRD-2019» URL:

https://www.youtube.com/watch?time_continue=3&v=RPTpuLapZd4

⁵ Рекламный видеоролик «Snickers» URL:

https://www.youtube.com/watch?time_continue=4&v=shO5I7p7mJ4&feature=emb_logo

сразу нужно измениться и стать «нормальным». Аналогично обыгрывается сюжет «Ты – не ты...» и в других рекламных роликах шоколадного батончика: рэп-баттл, в котором участвуют брутальные рэп-музыканты и не такой мужественный Элтон Джон, поединок восточных воинов, который чуть не испортил нелепый и неуклюжий Мистер Бин, гламурный женоподобный Спартак на галере, чуть не сорвавший бунт.

Очень интересный рекламный ролик был найден на просторах интернета. В рекламном видео информационного мужского портала «4Level»⁶ прямым текстом описывается успешная жизнь современного мужчины: «Успешная жизнь – это набор правил. Носи костюм, зарабатывай деньги, води дорогой автомобиль, построй дом. Будь мужчиной – настоящим мужчиной». Мы видим красивого мужчину, который соответствует упомянутым критериям успеха. Он покоритель женских сердец, отважный путешественник и бизнесмен, умеющий зарабатывать деньги. В представлении портала «4Level» герой ролика и есть воплощение «идеала».

Но не все так печально в мире рекламы. Нашумевший выпуск маркетинговой кампании «Gillette» под названием «We Believe: The Best Men Can Be»⁷ бросает вызов устоявшимся канонам мужественности. Ролик демонстрирует типичные для мужчин, по мнению авторов, проявления поведения и призывает бороться с домогательствами и буллингом со стороны мужчин и, отрицая каноны маскулинности, призывает быть лучшим мужчиной.

В своем ролике компания показала много парадоксальных моментов, когда мужское поведение действительно недопустимо, но среди представителей пола счи-

⁶ Рекламный видеоролик «4Level» URL:
<https://www.youtube.com/watch?v=tQ4tfXMKDXs&feature=share>

⁷ Рекламный видеоролик «Gillette» URL:
<https://youtu.be/koPmuEyP3a0>

тается нормальным. «Разве ничего лучше для мужчины нет?» – главный вопрос ролика.

Видео набрало около 804 тысячи лайков и более 1,5 миллиона дизлайков. Наверное, общество не готово полностью отказаться от традиционных канонов маскулинности или просто не верит, что происходящее в видео реально.

Еще одним примером намечающегося тренда в сторону избавления образа мужчины от «токсичности» можно назвать рекламу детского питания «Фрутоняня» со слоганом «В помощь маме. И папе», в которой показывается участие мужчины в повседневном уходе за ребенком, хотя обычно в рекламе детского питания чаще всего изображают заботливых мам.

В качестве заключения можно сказать, что из-за установок, царящих в социуме, крупные бренды обязаны соответствовать традиционной мужественности в мужских образах своих роликов, чтобы увеличить желание обладать продуктом, а следовательно, и умножить количество продаж. «Идеальный мужчина», согласно представлениям крупных брендов и общественных стереотипов, до сих пор тот, у которого есть внимание женщин, дорогая машина, деньги, успешный бизнес, сила и ловкость. Когда изменится это представление и изменится ли вообще, сложно сказать. Однако уже сейчас в обществе существует запрос на другого мужчину: на мужчину, который не будет агрессивным и грубым, который не будет стыдиться своих эмоций и др. Мы искренне надеемся, что наша статья поможет вам пересмотреть свое мнение на проблему и изменить его в пользу всех мужчин, которым когда-либо мешали развиваться и самореализовываться общественные установки, правила и требования, базирующиеся только на гендерных стереотипах.

Литература

1. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 48-73.
2. Ильин Е. П. Пол и гендер. С-Пб.: Питер, 2010.
3. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. Электронная версия: <https://www.litmir.me/br/?b=108148&p=17>
4. Костерина И. Конструкты и практики маскулинности в провинциальном городе: габитус «нормальных пацанов» // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 4. С. 122-140.
5. Орлова Н. Х. О чем молчал Адам: Гендерное измерение христианской антропологии. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2012. 304 с.
6. Тартаковская И. Гендер для чайников: что такое маскулинность. Чего требует общество от мужчин – и во что им это обходится. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/11112-gender-dlya-chaynikov-chto-takoe-maskulinnost>
7. Ушакин С. Человек рода «он»: знаки отсутствия // в сб. ст.: О муже(N)ственности / ред. и сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 7-40.
8. Brannon R. The male sex role: Our culture's blueprint of manhood and what it's done for us lately // The forty-nine percent majority: The male sex role / D. S. David, R. Brannon (Eds.). Reading, MA: Addison-Wesley, 1976.

PERSONA PERSONAM¹

У меня есть моя истина...²

Н. Х. Орлова

В статье читатель знакомится с русской писательницей, переводчицей философской литературы, философом - Ксенией Михайловной Милорадович (1882- не ранее 1940), имя которой совсем неизвестно для современных исследователей. Выпускница Бестужевских курсов, она посвятила свою жизнь профессиональной философии. Приводится список выявленных публикаций Ксении Милорадович, опубликованных в первой четверти XX века. Кроме того, приводятся сведения о рукописях, выявленных автором статьи в Архиве УФСБ по Самарской области.

Ключевые слова: Ксения Михайловна Милорадович, Бестужевские курсы, И. А. Шляпкин, Э. Л. Радлов, А. И. Введенский, философское общество, русские женщины-философы.

I have my truth...

Nadezda Kh. Orlova

In the article readers are introduced to the Russian writer, a philosophical literature translator, and philosopher Ksenia Mikhailovna Miloradovich (born 1882, died not earlier than 1940), whose name is completely unknown to contemporary researchers. A graduate of Bestuzhev courses, she devoted her life to professional philosophy. The list

¹ Продолжаем знакомить читателей с незаслуженно забытыми именами женщин, которыми по праву может гордиться русская культура. В данном выпуске рубрика целиком посвящена философу Ксении Михайловне Милорадович.

² Публикация подготовлена в рамках гранта Народного Центра Науки – Польша согласно договору УМО nr 2017/25/B/HS1/00530 «Второй план. Женщины в русской философии».

of identified publications of Ksenia Miloradovich published in the first quarter of the XX century is given. Moreover, the information about manuscripts found by the author of this article in the FSB archive in Samara region is presented.

Key words: Ksenia Mikhailovna Miloradovich, Bestuzhev courses, Shlyapkin, Radlov, Vvedensky, philosophical society, Russian women philosophers

Вся моя беда в том, что у меня есть *моя истина*, которая ростом гораздо больше меня самой. Я знаю, что если бы когда-нибудь мне удалось сказать ее во всей полноте, то это было бы что-то очень важное и значительное.³

Биография Ксении Михайловны Милорадович (1882-не ранее 1940) отразила в себе всю полноту драмы своего исторического времени. Насыщенная, интересная и вполне успешная (для женщины того времени) жизнь, но одновременно предельно трагичная. В круг истории ее жизни включено много знаковых событий и замечательных представителей того времени. Здесь и острота дискуссий по «женскому вопросу», и зарождение новых академических традиций с полноправным включением в них женщин, и университетские бунты, и Первая мировая, и революция 1917 г. с исходом из России интеллектуальной элиты, и смутные 1930-е, в которых наша героиня потеряла многих и сгинула сама...

Образовательные маршруты Ксении Михайловны Милорадович начались в Полтавской Мариинской женской гимназии, о чем в выпускном аттестате сказано, что «русская подданная, дочь дворянина, восемнадцати лет от роду, православного исповедания»⁴ по окончании курса наук в 1899 году показала отличные результаты. Наша героиня готовилась к профессиональной деятельности педагога, что по тем временам было одним из са-

³ Из письма Э. А. Радлову. Цит. по: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество: В 2-х ч. Ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: ред. «Парадигма», 2018. С. 162.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. № 771. Л. 7-8.

мых распространенных способов обрести финансовую самостоятельность. Затем в 1900 г. Ксения Милорадович поступает на историко-филологическое отделение С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов. Это был практически единственный в то время социальный лифт, который приближал женщин к университетскому образованию. Программы преподавания соответствовали университетским и преподавались университетскими профессорами. Через университетские аудитории барышни вовлекались и в большую науку, и в различные социальные движения. Конец XIX – начало XX в. в России было временем непрекращающихся общественных волнений, в том числе и студенческих. В биографии Ксении Милорадович было несколько арестов, самый первый из которых – 4 декабря 1901 г. – был связан именно с этими событиями. В С.-Петербургском Охранном отделении для «Коллекции фотопортретов лиц, проходивших по делам полицейских учреждений» сохранилась карточка «Ксеньи Михайловны Милорадович» с указанием, что задержана «4 Дек. 901 г. по Д<елу> группы Искра».⁵ В 1901 г. полиция провела массовые аресты всех причастных к делу, и Милорадович оказалась в их числе. Как известно, один академический год Милорадович тогда пропустила.

Однако вскоре Ксения Милорадович стала одной из первых, кто выступил за чистоту академической жизни от политики. Ей принадлежит своего рода манифест «От одной из многих», в котором слушательница III курса Историко-филологического отделения Ксения Милорадович объявляет: «я считаю себя свободной от постановле-

⁵ ГАРФ. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 23496. Л. 1об. Можно предположить, что именно «Искра» или другие издания, распространявшиеся искровскими группами, были той самой «нелегальной литературой», которую упомянет в будущем Мария Аркадьевна Беневская (1882—1942) в своих попытках защитить Милорадович от подозрений советской власти при следующем аресте.

ния сходки и действую как личность. Пусть, кто думает, как я, – действует так же».⁶

В 1905 г., Ксения Милорадович вместе с подругой Зинаидой Ефимовской станут одними из организаторов и активнейших членов «Академического союза слушательниц С.-Петербургских Высших женских курсов», выступавшего за очищение учебных заведений от политики. Подруги вместе с членами университетского «Союза студентов» приняли участие в составлении теоретического обоснования «академизма» – очерка «Университет и политика», вышедшего отдельным изданием в 1906 г.⁷

Политические же преференции Милорадович тяготели к «Союзу возрождения России» – одной из православно-монархических организаций Петербурга.⁸ Судя по дошедшим до нас сведениям, на некоторых его заседаниях Ксения Михайловна выступала с докладами. Известно о выступлении, которое состоялось в апреле 1906 г. и было посвящено Достоевскому. Выступление о Герцене дошло до нас в виде статьи «А. И. Герцен и покончен ли старый спор», напечатанной в журнале «Мирный труд».⁹

Но вся общественная активность была для нее вторична по отношению к главной задаче, которую она ставила перед собой, одержимая идеей саморазвития и формирования себя как мыслитель. Личное общение с профессорами было своего рода социальным лифтом, с помощью которого можно было вырасти до исследова-

6 РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 2. № 64. Л. 1. – На обороте листа текст сходного содержания, написанный З. А. Ефимовской.

7 Университет и политика. СПб.: Издание «Союза студентов С.-Петербургского университета» и «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов», 1906.

8 «Союз возрождения России» – «кружок преподавателей и студентов высших учебных заведений, сторонников учения славянофилов»; был создан в 1905 г. как одна из попыток консолидации проправительственных студенческих сил, однако деятельность его не получила широкого развития и прекратилась, по-видимому, в 1907 г. См.: Омельяничук И. В. Академисты // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М., 2011. С. 25–29.

9 См.: Приложение: №9.

тельского уровня, встроиться в академическое сообщество, что порой давало перспективу реальной профессиональной деятельности ученого. В известной мере это состоялось и в жизни нашей героини.

Самая первая творческая дружба сложилась у Милорадович с особенно популярным в то время профессором Ильей Александровичем Шляпкиным.¹⁰ Замечательный педагог, он был увлекающимся человеком и умел увлечь своим предметом аудиторию. Он не просто выполнял функцию формального лектора, но стремился развивать в учениках и ученицах самостоятельных исследователей. Сближение Ксении Милорадович с профессором И. А. Шляпкиным сыграло важное значение в становлении ее как учёного. В тематический круг их бесед включались самые разные вопросы: политические, научные, литературные, театральные, личные... Ему Ксения Милорадович доверила даже свои стихи.¹¹

По окончании курсов, теплота отношений сохранялась, но маршруты Милорадович развернулись в сторону философии, которую, к слову сказать, на Бестужевских курсах за всю их историю преподавали ведущие фигуры в русской философии того времени:¹² М. И. Владиславлев, Э. А. Радлов, Вл. С. Соловьёв, М. И. Каринский, А. И. Введенский, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, В. Н. Сперанский, С. И. Поварнин, А. И. Сырцов. Со многими из них Милорадович в будущем будет участвовать в заседаниях философских собраний уже как полноправный член философского цеха. В годы же становления ее философского мировоззрения и письма важными были две встречи, два учителя.

¹⁰ Шляпкин Илья Александрович (1858-1918) – филолог; профессор СПб-го университета, Бестужевских курсов и ряда других учебных заведений. Письма Милорадович к Шляпкину см.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С. 88-116.

¹¹ См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С. 82-86.

¹² О преподавании философии на Бестужевских курсах см.: Орлова Н. Х. Философские штудии на Бестужевских курсах // Дискурс. 2018. № 1. С. 19-28.

Александр Иванович Введенский был одним из самых влиятельных и харизматичных университетских философов того времени. В начале XX в. он занимал ключевые посты в философской науке С.-Петербурга, возглавляя кафедры в Университете, на Бестужевских курсах и в Женском педагогическом институте, был действительным членом Московского психологического общества, а также бессменным (со времени основания) председателем Петербургского философского общества.

На Бестужевских курсах он долгое время один читал лекции по всем предметам философского цикла: логике, психологии, истории философии. Введенский, как и Шляпкин много и неформально работал со слушательницами Курсов, вовлекая их в самые разные творческие проекты. Так в 1892 г. участницы курсового философского семинария под его руководством подготовили русское издание «Истории древней философии» В. Виндельбанда.¹³

Надо сказать, что для некоторых из курсисток серьезные переводческие штудии были не только формой сотрудничества с профессурой, но и возможностью подрабатывать. Была в это вовлечена и Ксения Милорадович, которая в мае 1906 г. успешно окончила полный курс наук по историко-филологическому отделению, и была оставлена при Курсах. Такая практика давала возможность наиболее талантливым выпускницам остаться в Петербурге и продолжать свои научные занятия под руководством профессоров. Философская кафедра Бестужевских курсов, состоявшая на тот момент из одного А. И. Введенского,¹⁴ остро нуждалась в младшем преподавателе. Вполне возможно, что, оставляя Милорадович

13 См.: Востриков А. В. Вильгельм Виндельбанд как жертвователь библиотеки Бестужевских курсов, или История одного перевода // «...По утрам я читал, упражнялся в переводах...»: Материалы научно-практических чтений. Сельцо Михайловское: Пушкинский Заповедник, 2016. С. 180–191.

14 И. И. Лапшин, работавший на Бестужевских курсах с 1896 г., поначалу читал здесь только педагогические дисциплины.

при курсах, в ней видели будущую ассистентку. Однако в сентябре 1906 г. А. И. Введенский неожиданно покинул Бестужевские курсы и вернулся только в 1908 г. В результате этого Ксения Милорадович осталась без научного руководителя, заменить которого на Курсах в то время было некем. К сожалению, к моменту ухода Введенского, у нее не успели сложиться с ним доверительные человеческие отношения, которые могли бы продолжиться в научном сотрудничестве на других академических площадках.

Судьбоносной в этом смысле стала встреча и сотрудничество Ксении Милорадович с ярким и чрезвычайно разносторонним Эрнестом Львовичем Радловым. Они совпали творчески и темами, и пониманием роли философа, и стилем работы. Многие годы этот союз определял возможности Милорадович быть причастной к философскому цеху того времени.¹⁵ Кроме того, в 1907 г. сложился так называемый «радловский кружок» – неформальное объединение увлеченных философией бывших курсисток, где Милорадович была своеобразной старостой кружка (по крайней мере, в первые годы его существования). Пять выпускниц Бестужевских курсов: Екатерина Аменицкая,¹⁶ Нина Аникиева,¹⁷ Наталия Кулаковская,¹⁸ Зина Ефимовская и Ксения Милорадович

¹⁵ Письма Милорадович к Радлову см.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С. 117-165.

¹⁶ Аменицкая Екатерина Дмитриевна (1878–1942) – выпускница Бестужевских курсов (1902); работала в редакции ЖМНП; с 1910-х до 1930-х годов преподавала в средних учебных заведениях. В архиве Э. А. Радлова сохранилось около 130 писем Е. Д. Аменицкой к нему за 1902 – 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. № 38, 39 и 40.

¹⁷ Аникиева Нина Петровна (1884–не ранее 1969) – после окончания Бестужевских курсов (1903) была оставлена по кафедре философии на два года; впоследствии преподавала в гимназиях логику и психологию, занималась переводами; после революции преподавала литературу в школе; во время блокады оставалась в Ленинграде; заслуженный учитель РСФСР.

¹⁸ Кулаковская (в замуж. Муретова) Наталья Платоновна (1881–1919) – дочь П. А. Кулаковского; окончила Бестужевские курсы (1904).

собирались у Радловых в доме 24 по Загородному проспекту для совместного философствования. Заседания продолжались до весны 1916 г.

Именно Радлов стал тем человеком, другом, коллегой, который деятельно отзывался на ее просьбы о содействии в получении заработка: с осени 1908 г. Ксения Милорадович была принята на работу в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения». В круг ее обязанностей входили поручения по корректуре, редакции, сношениям с авторами и типографией. В это же время Э. А. Радлов стал активно привлекать К. М. Милорадович и к писательской работе в журнале, в первую очередь рецензионной. Хотя проработала она там только один год, это была важная для нее школа редакционной работы.

Когда с осени 1909 г. К. М. Милорадович была принята на службу в библиотеку Бестужевских курсов, различные писательские заказы от Радлова стали существенной прибавкой к небольшой библиотечной зарплате. Это было весьма важно для нее - зарабатывать на жизнь именно тем делом, которое любила и знала – профессиональной философией. И это способствовало ее становлению как профессионального философа.

Э. А. Радлов много работал как историк философии, и его младшая коллега Милорадович тоже успешно развивалась на этом поприще. Одним из важнейших занятий была для них обоих переводческая деятельность. Когда в 1912 г. Радлов вместе с Н. О. Лосским затеяли продолжающуюся серию «Новые идеи в философии», Ксения Михайловна впишется в нее добротными переводами статей П. Наторпа,¹⁹ Э. Гартмана²⁰ и Ф. Брентано.²¹ Пригласили Милорадович и к работе в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», в который в свое время Радлов был приглашен Владимиром Соловьевым.

19 См.: Приложение: №33.

20 См.: Приложение: №35.

21 См.: Приложение: №34.

Написание словарных статей стало для Милорадович очень важной школой дисциплины философского литературного труда.

В 1913 г. К. М. Милорадович и Е. Д. Аменицкая задумали создание собственного «издательства» под названием «Цельное Знание» (термин Владимира Соловьева им подсказал Э. Л. Радлов). Первый сборник вышел в 1915 г. и был посвящен современным идеям в религиозно-философской мысли Франции. Но ни второй, анонсированный в предисловии к первому, ни последующие сборники не были предложены читателю. Начало Первой мировой войны отменило многое из задуманного. Ксения Милорадович поступила на службу в лазарет, а затем вступила сестрой милосердия в отряд Красного Креста и служила в действующей армии. В январе 1918 г. К. Милорадович вернулась в Петроград, в город, который был опустошен вихрями Первой мировой и революции 1917 года. История любимого города отныне насыщалась утратами друзей и дорогих сердцу людей. Из «старых друзей» в Петрограде оставались Е. Д. Аменицкая и Э. Л. Радлов, но первая погрузилась в школьную педагогику, а второй, утратив все министерские и университетские должности, служил в Публичной библиотеке. Вернулась к библиотечной профессии и Ксения Милорадович. Все изменилось. Кроме того, что женщины обрели равные с мужчинами права на образование, все высшие учебные заведения перешли в ведение советского государства. Теперь бывшая библиотека Бестужевских курсов стала «первым филиальным отделением». Ксения Михайловна Милорадович заняла на ней должность заведующей, и при ней библиотека Бестужевских курсов приобрела тот вид, который через много лет послужил основанием для ее мемориальной реконструкции.

Хотя служба в университетской библиотеке давала определенный социальный статус и гарантированный паек, но Ксения Михайловна нуждалась в дополнительной зарработке. Однако издательская ситуация в России

сильно изменилась. Серия «Новые идеи в философии» прекратилась еще в начале войны, «Журнал Министерства народного просвещения», как и многие другие старые журналы, был закрыт вскоре после революции. И вновь помог Э. А. Радлов, рекомендовавший Милорадович З. И. Гржебину,²² который в это время формировал портфель руководимого им вместе с Максимом Горьким масштабного издательского проекта, скупая готовые рукописи и заказывая новые работы. В одной из служебных анкет Ксения Михайловна написала, что ею были подготовлены «в 1920–21 гг. – учебник психологии и книжка “Что такое наука” – и то и другое куплено у меня издательством Гржебина».²³ Дальнейшая судьба этих рукописей неизвестна...

Первые пореволюционные годы были временем тотальной нестабильности: переименовывались старые, открывались новые и почти сразу прекращали свою жизнедеятельность различные общества и институты. Судя по всему, Ксения Милорадович использует любую возможность для занятий философическими штудиями. На вновь организованной философской секции Исторического научно-исследовательского института 15 декабря 1921 г. она прочитала доклад «Мистика материализма». На заседании возобновившего свою деятельность Петроградского Философского общества 22 января 1922 г. выступила с докладом «Следует ли стремиться к метафизическому знанию». Да и в целом изменилась ее роль в Философском обществе; на одном из первых заседаний после восстановления она была избрана действительным членом. Теперь ее голос звучал на равных – и в прениях, и в самостоятельных докладах.

Но во второй половине 1922 г. попытки восстановления нормального развития общественной мысли в стране были пресечены. Высылаются «навечно, без права

22 Гржебин Зиновий Исаевич (1877–1929) – художник-карикатурист и график; издатель.

23 СПФ АРАН. Ф. 155. Оп. 2. № 472. Л. 103–103об.

возвращения» из Петрограда более 200 представителей научной интеллигенции. Среди них были и хорошо знакомые К. М. Милорадович по университету и философскому цеху учителя и коллеги. Вскоре были распущены Философское общество и Вольная философская академия (Вольфила), были закрыты журнал «Мысль» и еще ряд изданий и издательств.

Во второй половине 1920-х годов в условиях закрытия прежних легальных собраний, возникали кружки и общества, домашние журфиксы, православные братства и подпольные организации, в них принимали участие многие знакомые Ксении Михайловны (старые и новые). Очевидно, что ее имя все чаще стало попадать в поле зрения надзирающих органов. Забегая вперед, скажем, что при разгроме в 1928–1929 годах общества «Воскресение» (в значительной степени объединившего религиозную философскую мысль Ленинграда) Милорадович фигурировала в следственных документах, как «руководитель монархического кружка молодежи», связанного с деятельностью религиозно-философского кружка А. А. Мейера.²⁴ О деятельности этого кружка неизвестно практически ничего, кроме нескольких случайных упоминаний, в которых он назывался то «школьным», то «нелегальным» и «монархическим».²⁵ Сама К. М. Милорадович говорила о «занятиях для 7-ми подростков с целью подготовить их к поступлению в ВУЗ».

Примечательно, что высказалась она о политике в печати только один раз и в самое пореволюционное время в небольшой брошюре «Черная критика: о кадетах и о

24 Мейер Александр Александрович (1874–1939) - философ, религиозный и общественный деятель; арестован в 1928 г., освобожден в 1935 г.

25 См.: Дело А. А. Мейера / Публ., подгот. текста, вступ. заметка и прим. Ирины Флиге и Александра Даниэля // Звезда. 2006. № 11. С. 170, 202–203; см. также: Медведев Ю. П. «Воскресение». К истории религиозно-философского кружка А. А. Мейера // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1999. № 4 (9). С. 102, 120.

большевиках»,²⁶ которая была напечатана в Петрограде в первой половине 1918 г. Скорее всего, тираж брошюры был ничтожным и разошелся по знакомым. Возможно поэтому «Черная критика» не была замечена современниками и не поступила в библиотеки. Но упоминание об этой книжечке встречается именно в следственных делах, которые заводились при арестах на Милорадович. И в Архиве УФСБ по Самарской области хранится рукопись «Черной критики» в ее уголовном деле, видимо, изъятая при аресте как улика.

Сначала Ксения Михайловна была арестована в январе 1927 г., провела около 3 месяцев в заключении, после чего была освобождена без применения каких-либо карательных мер. В апреле она вернулась на свое рабочее место в Библиотеке Академии наук,²⁷ но ненадолго... В сентябре 1927 г. К. М. Милорадович уже была выслана в административном порядке в г. Саратов на три года. Было трудно устроиться с жильем, почти невозможно найти работу. Срок высылки закончился в июле 1930 г., но вернулась в Ленинград она только в апреле 1931 г.

Вернуться на работу ни в университетскую библиотеку, ни в Библиотеку Академии наук не удалось, как не удалось устроиться и в Публичную библиотеку. В городе все меньше оставалось людей, кто мог бы помочь с трудоустройством. Во время ее ссылки не стало Э. А. Радлова (28 декабря 1928 г.). В январе 1930 г. был арестован С. Ф. Платонов по обвинению в антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации (выслан в Самару, где и умер в 1933 г.). О научной работе или преподавании в высшей школе не могло быть и речи с такой подозрительной анкетой. Специалист с университетским образованием, тремя (как минимум) языками, педагогическим и издатель-

26 См.: Приложение: №18. Цифровая версия работы доступна на сайте Государственной публичной исторической библиотеки России: URL: <http://elibrary.shpl.ru/ru/nodes/28801-miloradovich-k-m-chernaya-kritika-ot-tah-i-o-bolshevikah-pg-1918#page/3/mode/inspect/zoom/4> (30.11.2019).

²⁷ Здесь она работала с конца 1925 г.

ским опытом, наконец, с опытом сестры милосердия полевого госпиталя... Она наконец получила место библиотекаря в Центральном Научно-исследовательском институте водного транспорта.

А в марте 1935 г. Ксения Милорадович была вновь арестована и выслана в Самару (Куйбышев), сроком на 5 лет. После убийства С. М. Кирова²⁸ (1 декабря 1934 г.) гребли под одну гребенку без суда и следствия, просто по решению «тройки» НКВД. Но ссылкой, в которую с ней поехала и ее старенькая мама, история не закончилась. Сначала арест в апреле 1936 г. за деятельность с признаками антисоветской подпольной деятельности. К. М. Милорадович обвиняется в руководстве «контрреволюционной группировки ленинградцев», а 7 апреля 1937 г. она была осуждена по статье 58, п. 10: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений <...>, а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания».²⁹ Приговор: 6 лет заключения в исправительно-трудовых лагерях с последующим поражением в правах сроком на 5 лет. Отправки в лагерь она ожидала в Ардатовской тюрьме, где находилась, по крайней мере, до ноября 1937 г. Последние годы (дни?) из ссылочной жизни Ксении Михайловны и ее матери нам неизвестны. Один из авторов воспоминаний о лагерной жизни упоминает свое знакомство с нею летом 1940 г. на прииске Ленковский.³⁰ Поиск сведений в архивах МВД и ФСБ России, к сожа-

28 Киров (наст. фамилия Костриков) Сергей Миронович (1886–1934) - революционер, советский партийный и государственный деятель.

29 См.: Заклейменные властью: Анкеты, письма, заявления политзаключенных в Московский Политический Красный Крест и Помощь политзаключенным, во ВЦИК, ВЧК-ОГПУ-НКВД // URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000259.pdf (30.11.2019).

30 Хургес Л. Л. Москва – Испания – Колыма. Из жизни радиста и ээка. М., 2012. С. 602–609.

лению, не пролил свет на то, где и когда наша героиня завершила путь своей жизни.

Судьба произведений нашей героини, упоминание о которых встречается в ее письмах и анкетах, написанных после 1922 г., нам неизвестна. Неизвестно и о судьбе философских рукописей, о которых она тревожилась в своих письмах, когда после третьего ареста написала: «у меня при обыске был отобран ворох бумаг <...> Между ними я особенно дорожу старыми философскими работами, а также последней, написанной на пишущей машинке».³¹ В Архиве УФСБ России по Самарской области в уголовном деле № П-18325 в отношении К. М. Милорадович сохранились несколько очерков мемуарного характера, один из которых публикуется ниже. А в приложении к данной статье приводится библиографический указатель, в который включены работы К. М. Милорадович, как опубликованные при ее жизни, так и те, которые хранятся в рукописном варианте в архивах. Очевидно, что в своем философическом творчестве Ксения Милорадович чутко отзывалась на актуальные темы эпохи, которую наша героиня прожила во всей ее драматической полноте.

Приложение

Библиографический указатель³²

Статьи и рецензии

1. Милорадович К. М. В. В. Передольский. По Енисею. СПб., 1908. Изд. Девриена: [Отзыв] // ЖМНП. Новая серия. 1908. Ч. XIX. Февр. Отд. 3, раздел «Отзывы о книгах». С. 231–233. – Подпись: К. М.
2. Милорадович К. М. Густав Ле Бон. Психология социализма. СПб., 1908: [Рец.] // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1908. Ч. XVII. Окт. Отд. 2. С. 383–398.

31 Письмо от 1 ноября 1936 г. к Е. П. Пешковой. См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: судьба, письма, творчество... С. 178–180.

32 Библиографический указатель разделен на блоки: Статьи и рецензии; Словарные статьи; Переводы; Литературные очерки. Используется сквозная нумерация.

3. Милорадович К. М. А. Д. Гуляев. Этическое учение в «Мыслях» Паскаля; F. Strowsky «Pascal et son temps» (т. 1–2; Paris, 1907–1908); [Рец.] // Русская мысль. 1909. № 2. Библиогр. отдел. С. 35–38.
4. Милорадович К. М. М. Пришвин. За волшебным колобком. Из записок на крайнем севере России и Норвегии. Издание Девриена: [Отзыв] // ЖМНП. Новая серия. 1909. Ч. XX. Март. Отд. 3, раздел «Отзывы о книгах». С. 101–103. – Подпись: К. М.
5. Милорадович К. М. Проф. А. Яроцкий. Идеализм как физиологический фактор. Юрьев, 1908: [Отзыв] // ЖМНП. Новая серия. 1909. Ч. XXI. Май. Отд. 3, раздел «Отзывы о книгах». С. 104–106. – Подпись: К. М.
6. Милорадович К. М. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909: [Рец.] // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1909. Ч. XXII. Авг. Отд. 2. С. 423–434.
7. Милорадович К. М. Georges Pellisier «Voltaire philosophe» (Paris, 1908): [Рец.] // Русская мысль. 1909. № 9. Библиогр. отдел. С. 221–224. – Автор указан ошибочно: Н. Милорадович.
8. Милорадович К. М. Души пронзенной муки...: [Рец. на: Осоргин М. А. Эмигрант («Вестник Европы», 1910, Июнь)] // Алтайская газета (Барнаул). 1910. № 121. Июль. С. 2.
9. Милорадович К. М. А. И. Герцен и покончен ли старый спор: [Доклад, прочитанный в заседании «Союза возрождения России» в С.-Петербурге] // Мирный труд. 1909. № 3. С. 172–195; № 4. С. 152–166.
10. Милорадович К. М. Вл.Н. Ивановский. Ассоциационизм психологический и гносеологический. Историко-критическое исследование. Ч. I. Казань, 1909: [Рец.] // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. Ч. XXX. Ноябрь. Отд. 2. С. 213–216.
11. Милорадович К. М. Н.О. Лосский. Введение в философию. Ч. 1-ая. Введение в теорию знания. СПб., 1911: [Рец.] // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1912. Ч. XXXIX. Май. Отд. 2. С. 157–163.
12. Милорадович К. М. Психология в средней школе // ЖМНП. Новая серия. 1913. Ч. XLV. Май. Отд. 4. С. 1–12.
13. Милорадович К. М. Два учения о времени: Канта и Бергсона // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1913. Ч. XLVII. Окт. Отд. 2. С. 323–329.
14. От редакции: [Предисловие] // Современные течения религиозно-философской мысли во Франции: [сб. переводов /

под ред. и со вступ. статьей К. М. Милорадович]. Пг.: Тип. Н.П. Зандман, 1915. С. 1–3.

15. *Милорадович К. М.* Основные течения религиозно-философской мысли в современной Франции // Современные течения религиозно-философской мысли во Франции: [сб. переводов / под ред. и со вступ. статьей К. М. Милорадович]. Пг.: Тип. Н.П. Зандман, 1915. С. 4–20.

16. Условия возможности религиозной веры // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1916. Ч. LXIV. Авг. Отд. 3. С. 190–200.

17. Суд и осуждение // Журнала Министерства народного просвещения. Новая серия. 1917. Ч. LXIX. Июнь. Отд. 3. С. 127–136.

18. Черная критика: (о К. – Д-тах и о большевиках). Пг.: тип. К. П. Шрадер, 1918. 22 с.

19. Роль метафизики в философии // Мысль. 1922. № 2. С. 58–67.

20. Петербургское Философское общество. – Статья написана в 1922 г.; при жизни автора не опубликована.

Словарные статьи³³

21. Альберт Великий // Т. 2. [1911]. Стб. 162–167. (*К. Милорадович*).

22. Анализ (философ.) // Т. 2. [1911]. Стб. 476–478. (*К. М.*).

23. Атрибут: [дополнение] // Т. 4. [1911]. Стб. 268–269. (*Б. п.*).

24. Бердяев, Николай Александрович // Т. 6. [1912]. Стб. 42–44. (*М.*).

25. Бинэ, Альфред // Т. 6. [1912]. Стб. 647–648. (*К. М.*).

26. Бэкон, Роджер // Т. 9. [1912]. Стб. 67–72. (*К. Мил-ч*).

27. Введенский, Александр Иванович // Т. 9. [1912]. Стб. 752–758. (*К. Милорадович*).

28. Введенский, Алексей Иванович // Т. 9. [1912]. Стб. 759–760. (*К. М.*).

29. Виндельбандт, Вильгельм // Т. 10. [1912]. Стб. 631–633. (*К. М.*).

30. Вундт, Вильгельм-Макс: [дополнение] // Т. 11. [1913]. Стб. 934–935. (*К. М.*).

31. Гипотеза // Т. 13. [1913]. Стб. 573–575. (*К. М-ъ*).

³³ Все словарные статьи опубликованы в «Новом энциклопедическом словаре» (СПб.–Пг.: Изд-во Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, 1911–1916). В круглых скобках указана подпись автора по источнику.

Переводы

32. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Пер. [Е.Д. Аменицкой, Н.П. Аникиевой, З.А. Ефимовской, К. М. Милорадович и Н. П. Муретовой] под ред. Э. Л. Радлова. СПб.: тип. Акц. О-ва «Брокгауз-Ефрон», 1913. 377 с. – (Труды Санкт-Петербургского философского общества; Вып. 8).
33. Наторп П. Кант и Марбургская школа / Пер. К. М. Милорадович // Новые идеи в философии: Сб. 5. Теория познания. 2. СПб.: Образование, 1913. С. 64–93.
34. Brentano Ф. О внутреннем сознании / Пер. К. М. Милорадович // Новые идеи в философии. Сб. 15: Бессознательное. СПб.: Образование, 1914. С. 24–48.
- 35.** Гартман Э. К понятию бессознательного / Пер. К. М. Милорадович // Новые идеи в философии: Сб. 15. Бессознательное. СПб.: Образование, 1914. С. 1–23.

Литературные очерки³⁴

36. Золотая клетка. Очерк 1 (Рукопись). [1935-1936] // Архив УФСБ. Л. 1-9.
37. Вампир. Очерк 2 (Рукопись). [1935-1936] // Архив УФСБ. Л. 10-18 об.
38. Брак при помощи свахи. Очерк 3 (Рукопись). [1935-1936] // Архив УФСБ. Л. 19-21.
39. Жена поэта. Очерк 4 (Рукопись). [1935-1936] // Архив УФСБ. Л. 22-38.
40. Пир во время чумы (Рукопись). [1935-1936] // Архив УФСБ. Л. 39-48.

³⁴ Очерки носят мемуарный характер. Судя по тексту, написаны в 1930-е годы. Упоминаются в письме от 1 ноября 1936 г. к Е. П. Пешковой как изъятые при аресте 29 апреля 1936 г. См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С. 178-180.

Пир во время чумы¹

К. М. Милорадович

A Feast in Time of Plague

Ksenia M. Miloradovich

С И. А. Ш. [1] я познакомилась во время экскурсии слушательниц Высших Женских Курсов в Новгород. Это было осенью 1903 или 1904 года [2]. Для осмотра памятников Новгородской старины группа собралась большая – человек 50. В качестве руководителя ехал профессор литературы И. А. Ш., а в качестве сопровождающего – директор Р. [3], по прозвищу «папаша». У папаши Р. была довольно примечательная наружность. Он мне немного напоминал Ставрогина [4] как тот описан у Достоевского, но более добродушного и взятого в бесконечно более мелком масштабе. Известно, что Достоевский описывает наружность Ставрогина как красивую и, в то же время, несколько отвратительную [5]. Папаша Р. тоже был недурен. Его красное, с нафабранными черными усами лицо напоминало маску, а на голове он носил парик, или, по крайней мере, черные припомаженные волосы, разделенные ровным пробором посредине – очень напоминали парик [6]. Не знаю какими судьбами он, человек без высшего образования [7], но очень богатый, стал во главе высшего женского учебного заведения. Когда впоследствии директор курсов стал выбираться из среды профессоров и Р-ву пришлось уйти, он открыл собственные частные, так называемые «Раевские» женские курсы [8], пользовавшиеся довольно хорошей репутацией, так как там преподавали тоже университетские профессора [9]. Во всяком случае без высшего женского учебного заведения под руками Р. жить не мог. Он был страстным любителем женщин. О его ухаживаниях ходили темные слухи, не опровергавшиеся непосредственным впечатлением от его

¹ Рукопись хранится в Архиве УФСБ России по Самарской области в уголовном деле № П-18325 в отношении К. М. Милорадович. Любезно предоставлена для публикации сотрудниками архива. Переписка с архивом, обработка и подготовка примечаний выполнены доктором философских наук профессором Н. Х. Орловой.

личности, в которой было что-то кошачье и не совсем чисто-плотное. Но были в его характере и положительные черты. Он всегда горой стоял за свои курсы и своих курсисток, в случае демонстраций и студенческих историй, вызывавших репрессии и аресты – всегда стойко и с успехом защищал их перед властями [10], где имел связи, и никогда не оставлял нуждающихся без помощи [11]. Умом он не отличался; отношение к нему слушательниц было добродушно насмешливым – и его участие в экскурсии было малозаметным.

Другой наш спутник тоже имел наружность весьма заметную – прежде всего потому, что он был необычайно толст. Вопреки этому подвижный и ловкий, он носил широкую окладистую бороду и имел мягкие, слегка курчавые волосы. Когда впоследствии мне случалось видеть его в красной шелковой рубаше, подпоясанной шнурком с кистями, мне казался он воплощением богатыря Ильи Муромца [12].

Для поездки по Волхову нам был представлен специальный пароход, а в Новгороде для нас приготовлено помещение в здании мужской гимназии. Всю дорогу Ш. был неистощим в рассказах. По поводу Юрьева монастыря, который нам предстояло осмотреть, он рассказал нам всю историю Александра I [13] и его отношений к митрополиту Фотию [14] и княжне Анне Орловой [15]. Когда к вечеру за 10 верст до Новгорода, мы остановились для осмотра Хутынского монастыря, – старинные образы и темная старина оживала в его рассказах. Мы слышали о том, как бес, с целью искушать монахов, прятался от них в рукомойниках и чувствовалось, что этот бес был понятен и близок самому рассказчику.

К ночи мы приехали в Новгород и расположились в ящиках, набитых свежим сеном в приготовленном для нас помещении, а на другой день с утра началась беготня по старинным церквям и монастырям, лазанье на колокольни, обед в трапезной у монахов – все это сопровождаемое интересными разъяснениями Ш., показывавшего нам наслоения, оставленные разными эпохами в архитектуре и убранстве осматриваемых строений. Погода была прекрасная и мы вернулись в свое помещение усталые, но веселые и удовлетворенные.

В это время нам было передано приглашение от жены местного губернатора Медема [16], которую Ш. хорошо знал, – провести у нее вечер. Нас приглашали на так называемый «раут». Это вызвало целую бурю споров и волнений. Многие из слушательниц находили, что принять приглашение губерна-

торши, представительницы правительства – недостойно курсисток. Была тут же устроена сходка, спор был горячий, но, в конце концов, большинство высказалось за то, чтобы принять приглашение и идти. Вероятно, такому решению немало способствовало просто женское любопытство. Ш. и Р. оба были очень довольны таким оборотом дела и вечером мы собрались в уютном губернаторском доме.

Нас не ждало ничего особенно любопытного. Нас накормили ужином, напоили чаем, после чего М-ме Медем усадила моего друга Зину Еф [17]. за рояль, а я уселась возле нее усталая и сонная, стараясь только чтобы мои глаза окончательно не сомкнулись.

- У вашей подруги много страсти в музыке – сказала мне хозяйка, подсаживавшаяся то к одной, то к другой из своих гостей.

- О да, у нее вообще очень много, сонно отвечала я.

На другой день мы уезжали из Новгорода. День был свежий, и М-мме Медем прислала нам на пароход пледы и другие теплые вещи. Ш. обратился к нам с предложением написать ей благодарность за любезный прием. Это опять вызвало отпор со стороны наших непримиримых, и спор завязался пуще прежнего. Напрасно мы доказывали с Зиной, что выразить благодарность за любезный прием – не только не роняет нашего достоинства, а напротив, это есть вежливость естественная для культурных людей, чувствующих свое достоинство. Никакие уговоры на этот раз не повлияли, и послать благодарность от всех не удалось. Решили послать ее от группы, и я написала ее в стихах. Эти стихи обратили на меня внимание Ш., с которым тут же началась наша дружба. Он всегда и впоследствии очень любил мои стихи [18].

Еще на пароходе было решено, что мы с Зиной войдем в один из семинарий Ш-на по русской литературе. Вскоре эти занятия начались, но интерес их оказался совсем особого рода. Обыкновенно каждое из них, очень скоро после своего начала, давало нашему руководителю повод обратиться к своим литературным воспоминаниям, и часы проходили в его неистощимых рассказах. Он знал всех, сколько-нибудь значительных, а иногда и вовсе незначительных лиц Петербурга; знал их семейные хроники, литературные и общественные связи, мелочи из их жизни. К нему можно было обратиться как в справочную книгу, чем мы много пользовались впоследствии. Точно так же он относился и к историческим лицам, и к эпо-

хам давно прошедшим: он восстанавливал живую картину их жизни с ее мелочами, слабостями и случайностями. Впоследствии мне не раз случалось убеждаться в том, что в этих реставрациях Шляпкина было очень много фантазии, однако они были всегда интересными и увлекательными.

Шляпкин не жил в городе. На лекции и занятия он приезжал со станции Белоостров, где у него был собственный домик, им самим построенный. Однажды мы вместе с некоторыми другими учениками и ученицами Ш-на, получили приглашение к нему в какой-то праздничный день и таким образом попали в этот домик, который впоследствии посещали очень часто. Это был двухэтажный небольшой, но вместительный деревянный домик, окруженный палисадником, выходившим на большую дорогу. Посреди палисадника стоял памятник, сложенный из больших камней, носивший на себе надпись «Освободителю от освобожденного». Это Шляпкин, бывший по происхождению крестьянином, выражал свою благодарность императору Александру II [19]. Из палисадника небольшая терраса вводила в скромную гостиную, налево от которой находилась столовая с дверью в кладовку, всегда наполненную винами, вареньями и всякими вкусными вещами и в поместительную кухню. Это была важная часть дома Шляпкина, любившего и угостить, и хорошо покушать. Направо от гостиной находилась гордость Шляпкинського дома – его библиотека и одновременно его кабинет. Библиотека Ш-на, заключавшая в себе много редчайших экземпляров, была одною из лучших в столице. Интересной особенностью ее было богатейшее собрание брошюрной литературы, состоявшей из вырезок, сделанных рукою Ш. из различных старых и новых журналов и подобранных по темам. Впоследствии, после смерти Ш-на это интересное собрание было передано по его желанию в Саратовский университет. Между полками с книгами расположился большой письменный стол Ш-на, принадлежавший некогда Надеждину [20], т. к. большинство вещей Ш-на представляли собою литературные реликвии. Тут же находилось его удобное кресло, хорошо охватывавшее обширную фигуру хозяина и небольшой, но глубокий диван «самосон» для послеобеденного отдыха. На полках висело большое объявление «книг не просить», которое, впрочем, иногда все-таки нарушалось нами [21]. Из глубины гостиной дверь вела в сенцы, а из них узенькая лесенка вела во второй этаж. Тут был микроскопический «зимний сад» со скромными расте-

ниями, спальни Шляпкина, его старой тетушки [22] и немки-экономки Софьи Александровны Фогельгезанг [23], которая, как мы скоро поняли, была давнишней подругой его жизни; [24] наконец тут же находилась маленькая «рыцарская» комната, убранная доспехами и латами, и представлявшая собою музей, где Ш-н хранил попавшие в его руки памятники литературы и просто старины, до которых он был большой охотник, и которые любил показывать своим гостям [25].

Скоро мы с Зиной сделались частыми посетительницами Шляпкинського дома. Мы были молоды, веселы и беззаботны, полны интереса к науке, литературе и жизни, и старый чудак давал нам много, как, впрочем, и мы ему. Мы любили неожиданно захватить его в кабинете, забраться с ногами на его «самосон» и слушать его бесконечные рассказы. Бывало иногда застанешь его за занятиями византийской стариной, и он примется рассказывать про византийских цариц со всеми подробностями их интимной жизни, да так, будто сам был непосредственным ее свидетелем. Я помню, как много позже, - это было, кажется в 1909 году, - вернувшись после Гоголевских дней [26] в Москве, Ш-н рассказывал нам, как он производил исследование той квартиры, где Гоголь провел свои последние дни. Он осмотрел там каждый угол, как самый внимательный следователь и, на основании этого осмотра нарисовал себе подробную картину этих последних дней Гоголя, его бесед с посещавшим его монахом, его говения и поста и наконец, самое главное, того, как он сжигал вторую часть «Мертвых душ». Я тогда смеялась, слушая этот рассказ. Он в самом деле был очень картинен и делал честь воображению Ш-на, но, к сожалению, он был не очень убедительным и может быть в действительности дело происходило совершенно иначе.

Мы часто ловили Ш-на, когда нужны были справки о людях и событиях, ловили и в городе в учебных заведениях, где он преподавал – и на Белоострове – и он называл нас «мухами», но всегда принимал приветливо. Наши самые фантастические молодые предприятия всегда встречали у него отклик и сочувствие и, между нами, он вел себя как старый ребенок. Мы и он сам казались ему страшно опасными заговорщиками, и он писал нам малопонятные (ради конспирации) открытки, в которых подписывался «ваш ученик Миша Дипломатов».

После увлекательных разговоров мы оставались у него обедать и только к вечеру возвращались в Петербург. Хозяйка

Софья Александровна всегда принимала нас радушно и угощала самым приветливым образом. Это было тем более удивительным, что по слухам она отличалась ревностью и даже, как говорили, пыталась из ревности кого-то облить серной кислотой. Но мне и Зине она доверяла и не подозревала в намерениях соблазнить Ш-на. Она не ошибалась в этом, хотя, помнится, однажды, когда мы уже были многолетними друзьями, Ш-н сказал мне с озабоченным лицом:

- А знаете что? Выходите за меня замуж.

- Илья Александрович, зачем?! – изумилась я.

Он немного подумал и отвечал:

- Пенсию будете получать после моей смерти.

Но он сам чувствовал слабость этого аргумента и больше не поднимал этого разговора. Нам казалось самым естественным и справедливым, чтобы он женился на Соф. Ал-вне и она, видимо, всю жизнь мечтала об этом; но он не считал ее достойной женой для себя, хотя и заботился о ней по-своему. Однажды он сказал нам с Зиной во время дружеской беседы:

- Когда я умру, позаботьтесь о Софье Александровне, потому что она человек глупый. – И мы, конечно, позаботились бы о ней, если бы жизнь, как это случается обыкновенно, не разрушила всех наших намерений.

Ш-н был очень религиозен, но я никогда не встречала у взрослого и культурного человека такой детски-наивной формы религиозного сознания. К Богу он относился совершенно запросто и этим иногда очень забавлял нас. Однажды мы застали его в большой досаде; он сказал нам, что сегодня он согрешил и возроптал на Бога. Дело в том, что ему очень нужны были деньги, и он рассчитывал на продажу одного из своих сочинений, оставленного на комиссию в магазинах. Он ехал в эти магазины, чтобы узнать о ходе продажи и по дороге молился Богу. Он говорил: «я приютил сироту, я стараюсь исполнять Твои заповеди; неужели Ты не можешь сделать для меня такого пустяка, как позаботиться чтобы книги были проданы?» - И когда все-таки книги оказались непроданными, - он возроптал на Бога.

Однажды во время великого поста он на извозчике ехал в церковь, чтобы причаститься после исповеди. Но по дороге за что-то так разбранился с извозчиком, что не счел себя достойным причастия и должен был вернуться обратно.

В своем домике он строго соблюдал все старые обычаи, что придавало его режиму особой своеобразную прелесть. Конечно

но на Пасху его стол ломился от куличей, на Рождество у него бывала елка, а на масляной съедалось большое количество блинов со всякими вкусными приправами; но помимо этих, входивших в общий обиход обычаев, он знал множество мелких простонародных суеверий и всегда подчинялся им.

Я помню, как однажды, уже после отъезда Зины из Петербурга, заехала к нему с другой моей приятельницей, Марусей А. [27], и мы остались ночевать. Это было в среду на пасхальной неделе. Утром в четверг мы встали раньше хозяина и отправились в столовую пить кофе, которым нас угощала Софья Александровна. Тут же с нами угощались и собаки Шляпкина, которых было большое количество – Булка, Бублик, Сайка, Крендель и другие, а также его ученый кот, умевший лапой извлекать молоко из узкого бокала. Но хозяин был искренно огорчен, когда узнал, что между прочим снадобьем, мы поели его «четверговые яйца» от собственных кур. Их должен был сначала испробовать сам хозяин – иначе куры не будут нестись.

Кроме нас с Зиной у Ш-на было несколько учеников из студентов. Ближайшими из них были А. А. Гр-в [28], которого мы хорошо знали, и некто Г-ский [29], знакомый нам мало, про которого Ш-н рассказывал нам, что тот ухаживал за ним «как лакей» - выражение, которое тогда меня покорило. Однако впоследствии я убедилась, что этому человеку действительно всегда нужен был хозяин, которому выгодно прислуживать. У Г-ского была жена из немок, значительно старше него самого [30]. Насколько он имел вид юный и безусый, настолько же она была высокая, мускулистая и довольно старообразная женщина. Эту женщину Гор-ский было попробовал позже ввести в дом, но две властолюбивые немки – она и Софья Александровна не ладили между собою. С.А. жаловалась нам, что жена Гор-ского пробовала вести себя как хозяйка и слишком много распоряжалась в доме. В результате, по требованию С.А., ей пришлось уйти и не показываться в доме. Гор-ский продолжал бывать.

Наше знакомство со Ш-ным продолжалось много лет. Мы давно кончили курсы. Грянула сначала война, потом революция. Во время октябрьской революции я была на Румынском фронте сестрой милосердия, и вернулась в Петербург к началу 1918 года, вместе с нашими отступавшими войсками, в самый разгар анархии и голода. Зина была в это время на своей родине в Елисаветграде.

Вскоре после моего возвращения кто-то рассказал мне, что Ш-н тяжело болен. Однако я не сразу собралась в Белоостров [31]. Жизнь была трудна, уезжая, приходилось оставлять мать одну в пустой квартире и полную тревог, так как время было беспокойное. Но через некоторое время один из учеников Ш-на, встретив меня на улице, передал мне горькую фразу Ильи Ал-ча: «Не говорите обо мне ничего Ксении Михайловне; если в такое время она ко мне не едет, то не нужно ее беспокоить». Эти слова задели меня за живое, и я поехала.

Я застала Ш-на в самом жалком состоянии. Беспомощный, больной ожирением сердца, он лежал наверху в своей спальне один. Если ему приходилось сползти с постели, то взобраться на нее обратно он не мог, он так и лежал на полу и только почтальон, приходивший утром, водворял его на прежнее место. Соф. Ал. хозяйничала внизу и к нему почти не заходила. Она сердилась на Ш-на, т. к. теперь, предвидя его близкую кончину и озабоченная своим будущим положением, она особенно настойчиво требовала, чтобы он обвенчался с нею, от чего он упорно отказывался. Сама она тоже была больна диабетом и, может быть поэтому была угрюма и раздражена. Меня, против обыкновения, она встретила неприветливо; может быть и меня на этот раз она подозревала в корыстным намерениях.

Ш-н почти ничего не ел и от этого слабел. Он капризничал как ребенок. А когда случалось ему попросить стакан кофе или блюдце варенья, то было очень трудно получить это от С. А., которая говорила: «когда я предлагала ему супу, он не хотел – так пускай теперь подождет!».

Видя такое печальное положение нашего старого друга, мы троим, т. е. я, Гр-в и Гор-ский распределили между собою суточные дежурства, чтобы не оставлять его одного. Ш-н был очень рад, но С. Ал. неохотно подчинилась этому. Забыв прежнее свое радушие, она вовсе не кормила меня, и я должна была обманывать Ш-на, говоря, что меня угостили обедом. И тут, на смертном одре, он полон был своими старыми интересами, и я выслушала от него несколько рассказов о Петре Великом, которым он занимался перед этим.

Дежурить пришлось недолго. Я была дома, когда мне дали знать, что Ш-н скончался. Через два дня я в последний раз поехала на Белоостров для того, чтобы хоронить хозяина. Картина, которую я застала там, навсегда врезалась в мою память. Надо не забывать, что это было в те дни, когда осьмуш-

ка черного хлеба ценилась в городе на вес золота, когда по несколько дней подряд мы питались кипятком и каким-нибудь куском с трудом раздобытых овощей или хлеба.

Шляпкин лежал в одной из верхних комнат, а в другой комнате рядом с ним был приготовлен стол, который ломился от яств. Это было настоящая тризна или пир во время чумы. Сюда собралось блестящее общество, среди которого было несколько известных ученых, были Венгеров и С. Ф. Платонов, но все эти люди, конечно, были голодными. Тут были несколько сортов жареного мяса и птицы, дорогие вина и варенья. Интересуясь – неужели Софья Александровна – так скупившаяся в последнее время – устроила все это пиршество – я сошла вниз и застала картину еще более жуткую. За смертью Шляпкина мне забыли сказать, что Софью Ал-вну тоже разбил паралич – на другой же день. Она лежала внизу, в столовой, на диване. Она не могла ни двигаться, ни говорить. Казалось, одни только глаза жили на ее неподвижном лице. Дверь в кладовку, выходившая в столовую, была открыта настежь и оттуда непрерывно выносились наверх все ее драгоценные запасы, выносились никем другим, как ее врагом – женой Гор-ского. Тут же на столе раскладывались все эти богатства и Гор-ская распоряжалась ими.

Эта картина мне показалась отвратительной.

- Вы бы хоть не у нее на глазах! – сказала я.

- А нет, пусть теперь смотрит! – отвечала Гор-ская.

На другой день Софья Александровна умерла тоже.

Этим пиром во время чумы закончились мои личные отношения со старым милым чудачком Ш-ным, но с его библиотекой я встретилась еще раз.

Когда в 1927 году меня выслали в Саратов, мне однажды удалось получить временную работу в библиотеке Саратовского университета. Работа заключалась в том, чтобы разобрать и описать на карточках брошюрную литературу, завещанную Саратовскому университету Шляпкиным [32]. Саратовский университет был избран Ш-ным как один из самых молодых, а потому не столько богатый литературой, как его предшественники. Тут только, роаясь в наследстве Ильи Ал-ча, я поняла, сколько любви и труда было положено им на это удивительное собрание и как оно давало возможность выявить очень много важное в литературном и общественном отношении, что иначе оставалось погребенным на страницах забытых журналов [33].

Примечания

1. Илья Александрович Шляпкин

2. Согласно заметке, опубликованной в «Новом времени» от 25 сентября 1903 г. (С.4), поездка состоялась именно в 1903 году. И переписка между И. А. Шляпкиным и К. М. Милорадович завязывается с 1903 года. Есть письмо от 4 ноября 1903 г. с просьбой прислать «хоть некоторые книги, нужные для кружка, взявшего темой Чаадаева и Киреевского». Письмо же, датируемое январем 1904 г. подписано «Киса Милорадович», что свидетельствует об уже установившихся дружеских отношениях, позволяющих отходить от формального этикета в личной переписке. См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: Хроника жизни в документах и письмах. В 2-х ч. Ч. 1: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: ред. «Парадигма», 2018. С. 88.

3. Раев Николай Павлович (1855–1919) – педагог, чиновник министерства народного просвещения; с 1879 г. служил на различных должностях, в том числе инспектором народных училищ в Саратовской губернии, был директором народных училищ Вологодской и Курской губерний; директор Бестужевских курсов (1894–1905). После 1905 г. – учредитель и директор частных женских юридических курсов (Курсы Н. П. Раева, Петербургский Вольный женский университет). С 30 августа 1916 по 3 марта 1917 г. – обер-прокурор Святейшего Синода. После 1919 г. уехал на Кавказ.

4. Центральный персонаж романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Это также одна из ключевых фигур для всего творчества Достоевского. Фамилия «Ставрогин» происходит от *σταυρος* – крест. Сравнение не случайное. О Достоевском Ксения Милорадович в апреле 1906 года делала доклад на заседании «Союз Возрождения России», который был замечен. 10 апреля 1906 г. А. А. Громов писал И. А. Шляпкину: «В пятницу 14-го <...> в 8 ч<асов> веч<ера> общее собрание кружка “В. Р.”, посвященное памяти Достоевского. Доклад Ксении Михайловны о Федоре Михайловиче <...> Вероятно будет интересно. Мы думаем, что и Вы заглянете». Готовясь к докладу, она обратилась к Шляпкину: «Не можете ли Вы, Илья Александрович, указать мне каких-нибудь сочинений о «Бесах» Достоевского. Буду Вам очень благодарна, если укажете». См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С.94.

5. «Волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярок и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, — казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску». Достоевский Ф. М. Бесы: роман. М., 2012. С.48.

6. Георгий Шавельский описывал его внешность как весьма комичную: «в парике ярко черного цвета, с выкрашенными в такой же цвет французской бородкой и усами, с чуть ли не раскрашенными щеками, в лакированных ботинках, — он производил впечатление молодившегося старика довольно неприличного тона. В Синоде он держался очень просто, но «чрезвычайного» ума у него заметно не было. Описание относится к обер-прокурорскому периоду деятельности Раева, но, как видим, оно во многом совпадает с описанием у Ксении Милорадович. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954. // III. На верхах. Новые назначения. Польский вопрос. С.47-89.

7. Сведений о жизни Николая Павловича Раева мало, в основном они сводятся к описанию его профессиональных статусов. Университетского образования он действительно не получал, окончил гимназию и в 1878 году специальные классы Лазаревского института восточных языков. И в целом был человеком образованным. В воспоминаний Н. Д. Жевахова о нем пишется в превосходной степени: «Это был простой, скромный человек, не только не скрывавший своего происхождения, как делают многие, вышедшие из духовной среды, а наоборот, сохранивший почтительную преданность своему словию и озабоченный его участью. Не было в нем желания рисоваться и производить впечатление, не было ни одного неестественного движения и неискреннего жеста» (С. 130). «Раев Н. П. был личностью незаурядной. Благочестивый, образованный, любящий престол и отечество...» Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. Т. I: сентябрь–март 1917. Т. II: март 1917 — январь 1920. М., 1993. (С. 259).

8. Николай Павлович Раев в 1905 г. учредил Историко-литературные и юридические курсы и был избран их директором. Согласно «Правилам о С.-Петербургских Высших женских курсах, открываемых действительным статским совет-

ником Н. П. Раевым», курсы состояли из двух факультетов: историко-литературного и юридического; на первом читались следующие предметы: богословие, психология, логика, педагогика, философия, русская литература, всеобщая литература, русская история, всеобщая история, история искусств, на втором — все виды права (от церковного до международного), политическая экономия, статистика, латинский язык [Правила о С.-Петербургских высших женских курсах, открываемых д. с. с. Н. П. Раевым // ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, № 10526, лл. 4 (+ об.), 12]. Основательность подготовки слушательниц была общепризнанной. В 1912 г. комиссия, образованная при Ученом комитете министерства народного просвещения, отнесла к разряду университетских ряд частных высших женских курсов, среди которых были и курсы Н. П. Раева. Это означало, что выпускницы курсов могли сдавать государственные экзамены в императорских университетах и получать полноценный диплом. Качество образования было обеспечено высочайшим уровнем преподавательских кадров.

9. Н. П. Раев лично заботился о привлечении лучших российских профессоров к преподаванию на курсах. Свидетельство тому — его обращения к попечителям Санкт-Петербургского учебного округа, сохранившиеся в архиве. Так, в письме от 8 августа 1906 г. Н. П. Раев просит об утверждении профессорами курсов философа и психолога Александра Ивановича Введенского (1856–1925), правоведов Льва Иосифовича Петражицкого (1867–1931) и Михаила Андреевича Рейснера (1868–1928), историков Сергея Васильевича Рождественского (1868–1934) и Павла Павловича Митрофанова (1873–1917), филолога-классика Фаддея Францевича Зелинского (1856–1925), историков литературы Нестора Александровича Котляревского (1863–1925) и Федора Александровича Брауна (1862–1942) [См.: ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, № 10526, л. 5 (11 августа список был утвержден)]. С 1911 г. здесь преподавал лингвист Лев Владимирович Щерба (1880–1944), в будущем, внесшего большой вклад в развитие фонологии, лексикографии и психолингвистики. С 1914 г. к преподаванию были привлечены философы Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965) и Семен Людвигович Франк (1877–1950) [См.: ЦГИА СПб., ф. 139, оп. 1, № 10526, лл. 98, 203, 211]. В 1910 году курсы истории античной литературы был приглашен читать Вячеслав Иванов, о чем он упоминает в «Автобиографическом письме» к С. А. Венгерову: «в течение двух лет был

преемником Анненского, в качестве преподавателя греческой и римской литературы, на Высших женских курсах Раева». Иванов Вяч. Автобиографическое письмо С. А. Венгерову // Русская литература XX века (1890—1910) / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1916 [1917]. Т. 3. Кн. 8. С. 95. Об этом факте из жизни поэта см.: Лаппо-Данилевский К. Ю. О преподавании Вячеслава Иванова на курсах Н. П. Раева // Русская литература. 2011. № 4. С. 66–79.

10. Одним из примеров служит участие Раева в защите задержанных полицией, а затем «внесенных в списки» курсисток во время событий марта 1897 года, связанных с гибелью Ветровой. События описаны в автографе курсистки Половцовой Веры Викторовны ОРРНБ. Ф.601. №1703. 28 лл.

11. Об этом читаем: «Исполнение этой должности потребовало от него не только усердия и трудолюбия, но и высокой общей культуры и такта. Не вполне разделяя традиционные на Курсах демократические убеждения, Раев прилагал все силы к тому, чтобы идейные разногласия не мешали главной цели – полноценному высшему женскому образованию. Он старался по возможности смягчить требования, которые предъявляло к Курсам министерство, сделать их менее болезненными». См.: Библиотека бестужевских курсов. URL: <http://www.library.spbu.ru/bbk/history/exposition/e5.php> (30.11.2019).

12. Забавно, что темой одной из первых пробных лекций Шляпкина в звании приват-доцента в 1888 г. был «Илья Муромец». См. Галина Аксенова. Книголюбец Илья Александрович Шляпкин. Памятный очерк. URL: <http://voskres.ru/school/aksenova1.htm> (30.11.2019).

13. Александр I Павлович (1777—1825) — император и самодержец Всероссийский (с 12 (24) марта 1801 года), протектор Мальтийского ордена (с 1801 года), великий князь Финляндский (с 1809 года), царь Польский (с 1815 года), старший сын императора Павла I и Марии Фёдоровны. В официальной дореволюционной историографии именовался - «Благословенный».

14. Архимандрит Фотий (в миру Пётр Никитич Спасский; 1792—1838) — священнослужитель Православной российской церкви, архимандрит; настоятель Юрьева монастыря в Новгороде (1822—1838). См.: Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий

(1792—1838) и его время. Изд. Российской национальной библиотеки, 2000.

15. Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (1785—1848) — камер-фрейлина, единственная дочь Алексея Орлова, сподвижника императрицы Екатерины II, и наследница его многомиллионного состояния. После смерти отца отказалась вступать в брак, начала испытывать тягу к духовной жизни, но не оставила императорский двор. Анна была духовной дочерью архимандрита Фотия (Спасского), что породило ряд слухов об их взаимоотношениях. Полученное наследство Анна Орлова потратила на благотворительность и в большей степени на новгородский Юрьев монастырь, которым управлял её духовный отец Фотий. См.: Елагин Н. В. Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской. СПб., 1853. переизд.: Жизнь графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской и её духовные искания. М.: Либроком, 2012.

16. Граф Оттон Людвигович Медем (нем. *Arthur Otto Graf von Medem*; 1847—1925) — выпускник юридического факультета Санкт-Петербургского университета, государственный деятель Российской империи, член Государственного совета, новгородский губернатор (1896-1907). При нём завершилась реставрация Новгородского Софийского собора — одного из главных духовных символов России. После революции 1917 года эмигрировал в Германию. Его жена — Александра Дмитриевна Нарышкина (1847—1914), дочь полковника Д. И. Нарышкина и племянница княгини З. И. Юсуповой.

17. Ефимовская Зинаида Амвросиевна (1882—1921) — ближайшая подруга К. М. Милорадович; выпускница Бестужевских курсов (1904) и Археологического института (1909).

18. Несколько стихов К. М. Милорадович сохранились в архиве И. А. Шляпкина: поэма и четыре небольших стихотворения. Стихотворения опубликованы в книге: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С.82-86.

19. Александр II Николаевич (1818—1881) — Император Всероссийский, Царь Польский и Великий князь Финляндский (1855—1881). Старший сын императорской четы Николая Павловича и Александры Фёдоровны. Вошёл в русскую историю как проводник широкомасштабных реформ. В связи с отменой крепостного права в России и победой в войне за независимость Болгарии удостоен особого эпитета в русской дореволюционной и болгарской историографии — «Освободитель». Погиб в результате террористического акта,

организованного тайной революционной организацией «Народная воля».

20. Николай Иванович Надеждин (1804—1856) — русский учёный, критик, философ и журналист, этнограф, знаток раскола церкви и её истории. Профессор Московского университета, действительный статский советник. Основатель журнала «Телескоп», в котором в 1836 году были опубликованы «Философические письма» П. Я Чаадаева, после чего журнал был закрыт, а Надеждин отправлен в ссылку.

21. В дневнике Евлалии Казанович тоже упоминается эта надпись: «висят у него в кабинете плакаты: „книги из библиотеки не просить“, между тем как сам он привозил не раз курсисткам редкие книги, рукописи и давал их на дом, даже едва зная в лицо тех, кому давал». Вполне вероятно, что Милорадович и Казанович были знакомы и пересекались в доме Шляпкина. В дневнике Евлалии Павловны есть такая запись от 30 декабря 1913 г.: «12 ч. ночи. Да, я была на Курсах. Немного возбуждена, говорила немного лишнее. Но что же из этого! Ведь мне самой было интересно, приятно, весело! Им здесь честь и место!! Кто был? Одни окончившие курсистки; из профессоров никого. Старшее поколение – О. К. Нечаева, А. Т. Емельянова, С. П. Лыжина, Е. Н. Щепкина, Каменская и другие, кого не знаю. Из средних и младших – Милорадович, Островская, Великанова, Зерншредт, В. А. Небольсина, Щукарева, Т. Каменская и неизвестные мне. Всего человек за 30». ОР РНБ.Ф.326. №19. Л.9. (С.15).

22. Ревви (урожд. Шляпкина) Анна Ильинична (начало 1830-х-1911) – тетя И. А. Шляпкина, которая занималась его воспитанием с раннего возраста. Шляпкин об этом пишет: «6 лет был взят в семью своего дяди, А. А. Ревви, небогатого чиновника Государственного Банка. Дядя был бездетным и вполне заменил мне отца». См.: Шляпкин И. А. Для немногих. Автобиографическая заметка профессора И. А. Шляпкина. СПб., 1907. С. I.

23. Фогельгезанг София Александровна (ок. 1859–1918) – близкий друг и хозяйка в белоостровской усадьбе И. А. Шляпкина, который, при заполнении сведений в своей «Книге для прописывания жильцов <...> в Белоостровской усадьбе» обозначил род ее занятий: «следит за хозяйством». РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. № 305. Л. 9–11.

24. Еще будучи студентом-филологом, Шляпкин женился на курсистке-математичке. Брак был несчастлив и скоро рас-

пался. Больше Шляпкин не женился. Об этом он пишет: «Женился в 1879 г. на слушательнице математического отделения Бестужевских курсов, дочери псковского священника М. И. Смирнова (+1900г.), с которой разъехался в 1887 г.» // см.: Шляпкин И. А. Для немногих... С. III.

25. В автобиографической заметке под заглавием «Для немногих» Шляпкин о себе писал: «Антиквар в душе, собрал коллекцию русских древностей, картин, гравюр и библиотеку, имеющую в нынешнем 1907 г. свыше 10 000 названий. Пополнял ее из разгромленных библиотек О. М. Бодяновского, А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. А. Коссовича, Эттингера, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, Г. В. Есипова. Всего больше любил в свое время все сладкое, все таинственное (был знаком с А. Н. Аксаковым и бывал на настоящих спиритических сеансах, хотя и не спирит), редкие книги, хорошие издания и достаточно увлекался женской красотой. Выпивать никогда не любил, но в гастрономии не был чужд изящного вкуса. В 1897 году выстроил себе на родине дом, куда перевез разбитое сердце и все свои книги, и коллекции. Природа и время утешили горе, а хорошее питание и деревенский воздух распространили мою поэтическую фигуру до исполинских размеров (отсюда — товарищеское прозвище «Белый Слон»). Живу эпикурейцем по привычкам, мистиком — по созерцанию, антикваром и коллекционером — по наклонностям, старым народником-черносотенцем - в политическом отношении. Считаю себя вообще счастливо прожившим свою молодость и зрелые годы, и спокойно, хотя и грустно, встречаю одинокую старость. Писал я много и всегда старался найти что-нибудь новое и неисследованное». См.: Шляпкин И. А. Для немногих... С. 6-7.

26. Гоголевские празднества 1909 года в Москве продолжались три дня. В первый день – 26 апреля (9 мая по новому стилю) – состоялось открытие памятника Н. В. Гоголю на Арбатской площади. По материалам гоголевских торжеств Общество любителей российской словесности выпустило сборник «Гоголевские дни в Москве». См.: Гоголевские дни в Москве. 1809-1909 / О-во любителей рос. словесности. Москва: печ. А. И. Снегиревой, [1910]. 336 с.

27. В письмах Ксении Милорадович к Шляпкину встречается имя подопечной Маруси. См. например: «Нам было у Вас ужасно хорошо, просто ужас как прекрасно! Маруся была совершенно потрясена Вами и всем, что Вас окружает. Говорит,

что она еще никогда не видала «таких» и что это для нее очень важно <...> я ее воспитываю по собственному методу, который заключается, главным образом, в том, чтобы постоянно ее чем-нибудь удивлять поразительным». См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович... С.104-105.

28. Громов Александр Александрович (1881–1937) – ученик и многолетний помощник И. А. Шляпкина; филолог, приват-доцент СПб. университета (1912–1919); расстрелян. Под его редакцией вышли «Очерки научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: К 25-летию его научной деятельности». СПб., 1907.

29. Горчинский Петр Антонович (1889-1937) - литературовед, профессор Ленинградского университета (1925-1936), директор библиотеки ЛГУ, перед арестом преподаватель русского языка в Военно-медицинской академии РККА. Арестован 27 сентября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 30 октября 1937 г.

30. Горчинская Ольга Юльевна – супруга Горчинского Петра Антоновича. К сожалению, уточнить даты жизни и какие-либо иные детали не удалось.

31. 27 января 1918 она пишет ему в письме: «Дорогой Илья Александрович, говорят – Вы больны – очень хочу знать о Вас все подробности и нельзя ли что-нибудь для Вас сделать? Напишите мне подробное письмо о себе; но только поразборчивее, а то я не всегда разбираю, когда Вы нацарапаете. Я только что вернулась с Румынского фронта, где пробыла около 7-ми месяцев. Побывала в боевой обстановке и во всяких переделках. Сейчас настроена бодро и воинственно. Хочу знать все обо всех. Что Софья Александровна? Бываете ли Вы в Питере и нельзя ли как-нибудь повидать Вас? Может быть, заехали бы ко мне? Я бы с радостью поухаживала за Вами. Как жаль, что уже влопался А. А., но, кажется, он молодец. Вообще, мне гораздо больше нравится страдательное положение. Не забывайте Вашу муху К. Милорадович». См.: Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: судьба... С.116. Уточним, что А. А., это Александр Александрович Громов, арестованный в ноябре 1917 г. и до января 1918 г. содержавшийся в Петропавловской крепости.

32. Поначалу И. А. Шляпкин принял решение о передаче своего уникального книжного собрания в библиотеку Бестужевских Курсов. Авторы систематического каталога БК отме-

чали в 1908 г.: «Филологическая библиотека проф. И. А. Шляпкина переходит к нам постепенно. Пока она размещается в 3-х шкафах с общим аншлагом „Библиотека И. А. Шляпкина“, но ввиду ее огромной научной ценности ей предназначена отдельная комната, из которой будут постепенно исключаться книги, не принадлежащие проф. Шляпкину». (Каталог библиотеки С.-Петербургских Высших Женских курсов: Историко-филологический отдел. СПб., 1908. С. III). Но в 1909 г. Шляпкин неожиданно изменил решение и пожелал передать свою библиотеку в Императорский Николаевский университет, только что учрежденный в Саратове. (Об обстоятельствах передачи собрания см.: Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. Библиотека высших женских курсов: собрание И. А. Шляпкина // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. М.; СПб., 1995. Вып. 2. С. 398-413). См. также: Бурьян Л. К. Илья Александрович Шляпкин и научная библиотека // Труды научной библиотеки СГУ. – Саратов, 1959. Вып. 2. С. 128-133; Попкова Н. А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра: Сб. науч. тр., посвященный памяти В. А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6-17; Перетц В. Н. Описание собрания рукописей профессора И. А. Шляпкина // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 361-461; Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 374.

33. И. А. Шляпкин в 1907 г. написал: «Думаю, что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится» [Шляпкин И. А. Для немногих. СПб., 1907].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Изотова Ксения Сергеевна, студентка СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, Россия. E-mail: ksenya.izotova.00@mail.ru

Kseniya S. Izotova, Saint Petersburg Electrotechnical University. St. Petersburg, Russia. E-mail: ksenya.izotova.00@mail.ru

Курпниеце Розанна Оскаровна, доктор филологии, доцент Отделения русистики и славистики факультета гуманитарных наук. Латвийский университет, Латвия. E-mail: rozanna.kurpniece@gmail.com

Rozanna Kurpniece, Dr. Philol., assistant professor of the Department of Russian and Slavonic Studies of Faculty of Humanities. University of Latvia E-mail: rozanna.kurpniece@gmail.com

Львов Александр Александрович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. Email: a.lvov@spbu.ru

Alexander A. Lvov, PhD, senior lecturer, Department of ontology and theory of knowledge, Saint Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. Email: a.lvov@spbu.ru

Мелихов Александр Мотелевич, писатель, кандидат физико-математических наук, заместитель главного редактора журнала «Нева». Санкт-Петербург, Россия.

Alexander M. Melikhov, Ph.D., Russian writer, the deputy chief of the "Neva" magazine editor. St. Petersburg, Russia.

Михаленко Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ИМЛИ РАН). Москва. E-mail: tinril@list.ru

Natalia V. Mikhalenko, PhD, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia. E-mail: tinril@list.ru

Орлова Надежда Хаджимерзановна, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. Научный

сотрудник Института Философии Зеленогурского университета. Зелена Гура, Польша. E-mail: nadinor@mail.ru

Nadezda H. Orlova, Dr. hab. (DcSc in Philosophy), professor, St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia. Institute of Philosophy, University of Zielona Gora. Poland. E-mail: nadinor@mail.ru

Романенко Антон Сергеевич, Ленинградский Государственный Университет им. А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anton24.1996@mail.ru

Anton S. Romanenko, Pushkin Leningrad State University. Saint-Petersburg, Russia. E-mail: anton24.1996@mail.ru

Степанова Анастасия Юрьевна, студентка СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, Россия. E-mail: anastasia.step3005@gmail.com

Anastasiya Y. Stepanova, Saint Petersburg Electrotechnical University. St. Petersburg, Russia. E-mail: anastasia.step3005@gmail.com

Ходкевич Мария Константиновна, студентка СПбГЭТУ «ЛЭТИ». Санкт-Петербург, Россия. E-mail: mlhodkevich99@yandex.ru

Mariya K. Khodkevich, Saint Petersburg Electrotechnical University. St. Petersburg, Russia. E-mail: mlhodkevich99@yandex.ru

Шром Наталья Ивановна, доктор филологии, ассоциированный профессор Отделения русистики и славистики факультета гуманитарных наук. Латвийский университет. E-mail: natalia.shrom@gmail.com

Šroma Natalja, Dr. Philol., associate professor of the Department of Russian and Slavonic Studies of Faculty of Humanities. University of Latvia. E-mail: natalia.shrom@gmail.com

Периодическое научное издание

Парадигма: философско-культурологический альманах
Выпуск 31

Главный редактор *Н. Х. Орлова*
Компьютерная верстка *С. В. Мамий*
Печатается без издательского редактирования

Подписано в печать с авторского оригинал-макета 30.11.2019
Формат 60×84 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Заказ №

Правообладатель
Орлова Надежда Хаджимерзановна
Номер договора РИНЦ 131-03/2016
Email: paradigmaspb@yandex.ru

Типография ООО «Сборка»
199007, С.-Петербург, наб. Обводного канала, д.64, к.2
Тел.: +7(812)6424344